

The background of the poster is a dramatic, painterly illustration. At the top, a massive, bearded man with long white hair, resembling a classical Greek deity like Zeus, stands with his arms outstretched. He wears a white robe with a red sash and a gold armband. His right hand is open, palm facing forward, while his left hand is clenched into a fist. He is surrounded by bright, jagged lightning bolts against a sky of swirling red, orange, and blue clouds. Below him, a sprawling ancient city with stone walls and numerous buildings is built into a valley. In the foreground, a large, sleek, silver flying robot with blue glowing eyes and a long, curved blade-like structure on its back is shown in flight. The sea in the foreground is filled with many small, traditional wooden sailing ships with white sails. The overall tone is epic and fantastical.

ДЭН СИММОНС ИЛИОН

МАСШТАБНАЯ НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКАЯ САГА
ОТ АВТОРА «ГИПЕРИОНА» И «ТЕРРОРА»!

Троя

ДЭН СИММОНС

Илион

«Азбука-Аттикус»

2003

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-45

Симмонс Д.

Илион / Д. Симмонс — «Азбука-Аттикус», 2003 — (Троя)

ISBN 978-5-389-21961-8

Современный классик Дэн Симмонс – прославленный автор «Террора», «Друда» и «Пятого сердца», фантастической эпопеи «Гиперион» / «Эндимион», «Темной игры смерти» и «Лета ночи», лауреат и финалист почти сотни престижных литературных наград в самых разных жанрах («Хьюго», «Небьюла», Всемирная премия фэнтези, премия имени Брэма Стокера, премия журнала «Локус», премия имени Артура Кларка, премия Британской ассоциации научной фантастики, а также многие другие, в том числе японские, немецкие, французские, итальянские, испанские награды). В дилогии «Троя», составленной романами «Илион» и «Олимп», он наконец вернулся к жанру, прославившему его в начале карьеры, – масштабной космической оперы со множеством аллюзий из классической литературы. Здесь разумные роботы-моравеки, отправившись от лун Юпитера исследовать аномальную квантовую активность Марса, обсуждают в пути сравнительные достоинства Шекспира и Пруста; здесь олимпийские боги, пользующиеся всеми чудесами нанотехнологии, отправляют воскрешенных ученых-схолиастов наблюдать за ходом Троянской войны; здесь постлюди оставляют на Земле всего миллион человек, и вот в имение Ардис-Холл, намереваясь соблазнить юную Аду, прибывает некий собиратель бабочек... Перевод публикуется в новой редакции.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-45

ISBN 978-5-389-21961-8

© Симмонс Д., 2003
© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Благодарности	7
От автора	8
1. Илионская равнина	9
2. Холмы Ардис[5]. Ардис-Холл	12
3. Илионская равнина	15
4. Близ Коннемарского хаоса	20
5. Ардис-Холл	25
6. Олимп	30
7. Централ Коннемарского хаоса	39
8. Ардис-Холл	47
9. Илион и Олимп	53
10. Парижский Кратер	58
11. Илионская равнина	67
12. Над поясом астероидов	76
13. Сухая долина	88
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Дэн Симмонс

Илион

Dan Simmons
ILIUM

Copyright © 2003 by Dan Simmons

© Ю. Е. Моисеенко, перевод, 2005

© Е. М. Доброхотова-Майкова, примечания, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Этот роман посвящается колледжу Уобаши – его студентам,
профессорам и преподавателям, его наследию*

*А между тем воображение
Мне шлет иное наслажденье:
Воображение – океан,
Где каждой вещи образ дан;
Оно творит в своей стихии
Пространства и моря другие;
Но радость пятится назад
К зеленым снам в зеленый сад.*

Эндрю Марвелл. Сад (Перевод Г. Кружкова)

*Можно, что хочешь, добыть – и коров, и овец
густорунных,
Можно купить золотые треноги, коней
златогривых, –
Жизнь же назад получить невозможно; ее не
добудешь
И не поймаешь, когда чрез ограду зубов улетела.*

Ахиллес в «Илиаде» Гомера Песнь девятая, 406–409 (Перевод В. Вересаева)

Больное сердце, ждет, чтоб укусить.
**Калибан в поэме Роберта Браунинга «Калибан о Сетебосе» (Перевод
Э. Ермакова с изменениями)**

Благодарности

Хотя при подготовке к работе над этим романом я обращался ко многим переложениям «Илиады», мне хотелось бы особенно отметить следующих переводчиков: Роберта Фэглса, Ричмонда Латтимора, Александра Поупа, Джорджа Чепмена, Роберта Фицджеральда и Аллена Мандельбаума. Их переводы бесконечно красивы, а их талант превосходит мое воображение.

Из тех, чья поэзия и художественная проза на тему «Илиады» помогли в создании этой книги, я должен в первую очередь назвать У. Х. Одена, Роберта Браунинга, Роберта Грейвса, Кристофера Лога, Роберта Лоуэлла, а также Альфреда Теннисона.

За исследования и комментарии к творчеству Гомера огромное спасибо Бернardu Ноксу, Ричмонду Латтимору, Малкольму М. Уилкоку, А. Дж. Б. Уейсу, Ф. Х. Стаббингзу, К. Керены и другим членам Гомеровской схолии¹, которых слишком долго было перечислять.

За глубокие замечания по поводу Шекспира и поэмы Браунинга «Калибан о Сетевосе» я признателен Гарольду Блуму, У. Х. Одену, а также издателям «Нортоновской антологии английской литературы». Читателям, желающим глубже разобраться в оденовской интерпретации «Калибана о Сетевосе» и прочих аспектах личности Калибана, я советую обратиться к труду Эдварда Мендельсона «Поздний Оден».

Размышления Манмута о сонетах Шекспира в основном направлялись великолепным «Искусством шекспировских сонетов» Хелен Вендлер.

Многие замечания Орфу с Ио, относящиеся к Марселю Прусту, вдохновлены сочинением Роберта Шаттука «Дорога Пруста. Путеводитель по книге „В поисках утраченного времени“».

Читателям, которые захотят подражать Манмуту в его страстном увлечении Шекспиром, могу посоветовать обратиться к замечательным трудам «Шекспир. Изобретение человека» Гарольда Блума, «Я и Шекспир. Приключения с Бардом» Германа Голлоба и «Жизнь Шекспира» Парка Хонана.

За подробные карты Марса (до терраформирования) я в большом долгу перед НАСА и Лабораторией реактивного движения. Очень помогла при создании книги научная работа «Постигая тайны Красной планеты», опубликованная Национальным географическим обществом, под редакцией Пола Рэбурна, с предисловием и комментариями Мэтта Голомбека. Богатым источником необходимых подробностей стал для меня журнал «Сайнтифик Америкэн». Особенно я признателен за следующие статьи: «Затерянный океан Европы» Роберта Т. Паппалардо, Джеймса У. Хеда и Рональда Грили (октябрь 1999), «Квантовая телепортация» Антона Цайлингера (апрель 2000) и «Как построить машину времени» Пола Дэвиса (сентябрь 2002).

И наконец, спасибо Клее Ричардсон за подробное объяснение, как построить модельную плавильную печь с деревянным куполом.

¹ ...и другим членам Гомеровской схолии... – Схолия – комментарий к классическому тексту, изначально замечания на полях древнегреческих и латинских рукописей, которые делались для разъяснения или исправления испорченного переписчиком текста.

От автора

В детстве, когда мы с братом доставали солдатиков из коробки, то запросто выстраивали рядом с синими и серыми участниками Войны Севера и Юга бойцов Второй мировой в хаки. Я предпочитаю видеть в этом ранний пример того, что Джон Китс называл «отрицательной способностью»². (Еще у нас были викинг, индеец, ковбой и римский центурион, который бросал гранаты, но они воевали за Патруль времени. Некоторые несоответствия требуют того, что в Голливуде именуют «предысторией».)

Однако в случае «Илиона» я решил по возможности держаться единообразия. Те, кто, как я, заглядывал в великолепный перевод «Илиады» Ричмонда Латтимора (1951), заметят, что *Hektor*, *Achilleus* и *Aias* зовутся здесь *Hector*, *Achilles* и *Ajax* (Большой и Малый). И тут я согласен с Робертом Фэглсом, переложившим Гомера на английский в 1990 году: более латинизированные варианты, конечно, далековато ушли от греческого оригинала, но более точные версии звучат так, будто кошка отрывает комок шерсти. Как указывал Фэглс, никто не может притязать на полное единообразие, а текст читается лучше, если вернуться к обычной практике наших поэтов и перейти на латинское – или даже современное английское – написание имен богов и героев.

Исключения, опять же по Фэглсу, составляют те случаи, когда вместо Одиссея вдруг возникает Улисс или, скажем, вместо Афины – Минерва. У Александра Поупа, дивно переложившего «Илиаду» пятистопным ямбом, Юпитер запросто может задать трепку Аресу (не Марсу); моя личная «отрицательная способность» отказывается такое принять. Похоже, иногда лучше играть в солдатиков одного цвета.

Примечание: тем, кто, как я, с трудом запоминает имена богов, богинь, героев и прочих эпических персонажей и нуждается в шпаргалке, советую заглянуть в список действующих лиц, с. 627 и далее.

² Я предпочитаю видеть в этом ранний пример того, что Джон Китс называл «отрицательной способностью». – Понятие «отрицательная способность» Китс предложил в письме, рассуждая о том, что именно делает Шекспира великим. «Отрицательная способность», по Китсу, проявляется, когда человек в неопределенности и сомнениях не делает суетливых попыток найти всему объяснение.

1. Илионская равнина

Гнев.

Пой, о Муза, про гнев Ахиллеса, Пелеева сына, мужеубийцы, на смерть обреченного, гнев, который ахейцам тысячи бедствий содеял и многие души могучие славных героев низринул в мрачный Дом Смерти³. И раз уж открыла ты рот, о Муза, пой и про гнев богов, столь раздраженных и сильных на этом их новом Олимпе; а еще про гнев постлюдей, пусть и ушедших от нас, и, конечно, про гнев горстки людей настоящих, пусть и давно поглощенных собой и уже ни к чему не пригодных. Пока ты распелась, о Муза, воспой также гнев тех суровых созданий, разумных и мыслящих, но на-людей-не-похожих, забывшихся сном подо льдами Европы, умирающих в серном пепле на Ио, рожденных на Ганимеде, в холодных каньонах.

Чуть не забыл я, о Муза, воспой и меня, злополучного, что возрожден-сам-того-не-желая, несчастный и мертвый, Том Хокенберри, филологии доктор, для близких друзей Хокенбуш – для друзей, давно обратившихся в прах, из безумного мира, того, что остался в далеком-далеком прошедшем.

Пой же и мой гнев, пусть ничтожен и слаб он рядом с яростью тех, кто бессмертен, или того же Ахиллеса-мужеубийцы.

Впрочем, я передумал, о Муза, не пой мне. Я тебя знаю. Я был твоим пленным, слугой, о несравненная стерва. Больше тебе я не верю. Нисколько.

И раз уж я невольно стал Хором этой истории, то начну ее, где сам пожелаю. А пожелаю я начать ее здесь.

День как день, один из многих за те девять лет, что миновали после моего второго рождения. Просыпаюсь в казармах схолии – там, где красный песок, лазурное небо и огромные каменные лица, – получаю вызов от Музы, кровожадные цербериды обнюхивают меня и пропускают, хрустальный высокоскоростной эскалатор возносит меня к зеленым вершинам Олимпа – это семнадцать миль в высоту по восточному склону, – после доклада вхожу на пустую виллу хозяйки, выслушиваю отчет предыдущей смены, надеваю морфобраслет, непробиваемые доспехи и с тазером за поясом квитируюсь на вечернюю Илионскую равнину.

Вы когда-нибудь пытались представить себе осаду Трои? Если да, то я, как профессионал, только этим и занимавшийся целых двадцать лет, должен уверить: воображение вас подвело. Меня тоже. Правда жизни во много раз чудесней и ужасней того, что показал нам вещий слепец.

Прежде всего поражает сам город – Илион, или Троя, огромный укрепленный полис Древнего мира. Отсюда, с побережья, где я нахожусь, до него две с лишним мили – и все же мне отчетливо видны гордые стены на возвышении, озаренные тысячами факелов и костров, круглые башни, не такие безверхие, как уверял Марло⁴, но все равно исполинские, чуждые, ошеломляющие.

Боевой лагерь ахейцев, данайцев и прочих завоевателей – строго говоря, они не «греки», до возникновения этого народа ждать еще две с лишним тысячи лет, но я все равно буду называть их греками – растянулся у моря на многие мили. Рассказывая студентам о Троянской войне, я всегда отмечал: при всем своем гомеровском величии Троянская война, вероятно,

³ ...который ахейцам тысячи бедствий содеял и многие души могучие славных героев низринул в мрачный ... – Цитаты из «Илиады» здесь и далее, если не оговорено иное, приведены в переводе Н. Гнедича.

⁴ ...башни, не такие безверхие, как уверял Марло... – В «Фаусте» Кристофера Марло о Елене Прекрасной говорится: «Вот этот лик, что тысячи судов / Гнал в дальний путь, что башни Илиона / Безверхие сжег некогда догла» (перев. Н. Амосовой). Согласно комментаторам Марло, «безверхие» у него означает «такие высокие, что их вершину не видно».

была довольно мелким столкновением – несколько тысяч греков против нескольких тысяч троянцев. Даже самые знающие члены *схоллии* (сообщества комментаторов «Илиады», существовавшего две тысячи лет назад), исходя из текста поэмы, делали вывод, что на черных кораблях к этим берегам приплыли не более пятидесяти тысяч ахейцев и других греков.

Так вот, они заблуждались. По нынешним оценкам осаждающих более четверти миллиона. Осажденных, вместе с их союзниками, примерно половина этого числа. Очевидно, каждый герой с греческих островов поспешил на битву – поскольку битва означала грабеж, – захватив с собой воинов, союзников, приближенных, рабов и наложниц.

Зрелище поражает: мили и мили освещенных шатров, частоколов, мили рвов, пробитых в твердой почве, – никто не собирается отсиживаться в окопах, это лишь преграда для троянской конницы, – и на всем их протяжении полыхают, бросая отблески на лица, вспыхивая бликами на полированных клинках и ярких щитах, костры для освещения, для приготовления пищи и для сожжения трупов.

Погребальные костры.

Вот уже несколько недель, как в греческий стан запустила щупальца смертоносная зараза; сперва погибали одни лишь мулы и собаки, но затем мор перекинулся на людей: тут сляжет боец, там слуга, и наконец недуг разбушевался в полную силу. За десять дней умерло больше храбрых ахейцев и данайцев, чем за долгие месяцы войны. Я подозреваю, что это тиф. Греки убеждены, что причина бед – ярость Аполлона.

Видел я его – и здесь, и на Олимпе. Правда, приблизиться не рискнул. На редкость злобная рожа. «Дальноразящий» Аполлон – бог лучников и целителей, а заодно и всяческих болезней. Мало того, главный божественный союзник Трои в нынешней войне. Будь его воля, ахейцы давно бы уже повымирали. Так что не важно, откуда пришла угроза: от рек ли, полных разлагающейся плоти, или от крылатых стрел Аполлона, – в одном греки правы: он не желает им доброго здоровья.

Прямо сейчас ахейские вожди и владыки – а кто из этих доблестных героев не вождь и не владыка в своей земле и в собственных глазах? – идут на общий совет у шатра Агамемнона, чтобы обсудить, как избавиться от губительной напасти. Я тоже шагаю туда – медленно, с неохотой, как будто нынче не самый великий день за всю мою вторую жизнь, стоивший девяти с лишним лет ожидания. Ведь именно сегодня по-настоящему начинается гомеровская «Илиада».

Нет, мне, конечно, уже удавалось видеть отдельные происшествия, смещенные волей поэта во времени. К примеру, так называемый «Список кораблей»: собрание и исчисление греческих военных сил, описанное в песни второй. На самом деле сбор имел место девять лет назад, в Авлиде – на берегу пролива между Эвбеей и материковой Грецией. А Эпиполесис, обход войск Агамемноном, упомянутый в песни четвертой? Я лично наблюдал это событие вскоре после высадки ахейцев у стен Трои, а затем и то, что называл в своих лекциях «Тейхоскопия», то есть «взгляд со стены», когда Елена указывает Приаму и прочим троянским военачальникам различных ахейских героев. Тейхоскопия происходит в третьей песни поэмы, однако в настоящем ходе событий она последовала сразу за высадкой и Эпиполесисом.

Если можно говорить о настоящем ходе событий.

Во всяком случае, сегодня у нас совет в шатре Агамемнона и его ссора с Ахиллесом. Тут начинается «Илиада», и, казалось бы, весь мой профессиональный интерес должен быть направлен на это событие. Да только мне плевать. Пусть хорохорятся и распускают друг перед другом перья. Ну вытащит Ахиллес свой меч... Хотя нет, на такое даже я бы взглянул. Интересно, вправду ли Афина явится остановить спорщика, или это лишь образное выражение для описания нежданно-негаданно проснувшегося здравого смысла? Прежде я отдал бы жизнь за ответ, и вот теперь, когда ждать осталось считанные минуты... Мне решительно и бесповоротно наплевать.

Девять долгих лет мучительно возвращающихся воспоминаний, беспрестанной войны и наблюдений за доблестным выпендрежем, не говоря уже о рабстве у бессмертных богов и Музы, сделали свое дело. Знаете, я заплясал бы от счастья, прилети сюда В-52 и сбрось атомную бомбу на головы ахейцев и троянцев, вместе взятых. Пошли они на хрен, эти герои вместе с их деревянными колесницами.

И тем не менее я плетусь к шатру Агамемнона. Это моя работа – следить за всем и отчитываться перед Музой. Иначе... Что ж, зарплату за простой не урежут. Скорее боги сократят меня самого – до горстки костяных обломков и праха, содержащего ДНК, из которой я был воссоздан. И тогда уж, как говорится, поминай как звали.

2. Холмы Ардис⁵. Ардис-Холл

Реализовавшись из факса неподалеку от дома Ады, Даэман недоуменно заморгал при виде багрового солнца над горизонтом. Ясное небо горело закатом меж исполинских деревьев по краю цепочки холмов. Отблески зарева полыхали в кобальтовой выси, отражаясь на каждом из величаво вращающихся колец – экваториальном и полярном. Даэман был сбит с толку: в Уланбате, где он недавно праздновал Вторую Двадцатку Тоби, стояло раннее утро, а здесь... Аду он не навещал уже много лет, да и вообще, отправляясь куда-либо, не знал, на какой материк или в какой временной пояс планеты угодит. Он помнил лишь, где живут самые близкие друзья, у которых бывал чаще всего: Седман – в Париже, Ризир – в собственном доме на скалах Чом, Оно – в Беллинбаде... Впрочем, Даэман не знал ни расположения материков, ни их названий, не имел понятия о географии или часовых поясах, поэтому не тяготился своим неведением.

И все-таки. С этим факсом он потерял целый день. Или выиграл? Во всяком случае, местный воздух пах иначе: терпко, влажно, более дико, что ли.

Даэман огляделся. Обычный факс-узел: пермобетонный круг под ногами и узорчатые железные столбы, увенчанные желтой хрустальной перголой, и, разумеется, ближе к центру на столбике всегдашняя табличка с непонятными значками. Больше ничего – только трава, деревья, далекая речка и медленное вращение обоих колец, пересекающихся над головой, словно арматура громадного, медленного гироскопа.

Был теплый вечер, более влажный, чем в Уланбате. Факс-узел стоял на лугу в окружении пологих холмов. Шагах в тридцати ожидала старинная двухместная одноколка, над ее передком парил столь же древний сервитор, а между деревянными дышлами стоял одинокий войникс. М-да, за десять лет можно было и подзабыть варварские неудобства здешней жизни. Что за глупая фантазия: жить на удалении от факс-узла.

– Даэман-ур? – осведомился сервитор, хотя и сам знал, кто перед ним.

Даэман промывчал в ответ и указал на выдавший виды саквояж. Маленький слуга подлетел ближе и, подцепив багаж затупленными бивнями, легко поставил его в грузовое отделение одноколки, покуда гость забирался на сиденье.

– Ждем еще кого-нибудь?

– Нет, вы последний, – отозвался сервитор.

После чего зажуужал, занял полукруглую нишу возницы и звонким щелчком отдал команду. Войникс тут же впрягся и потрусил на закат, поднимая слабые облачка пыли над усыпанной гравием дорожкой. Даэман откинулся на удобную спинку из зеленой кожи, обхватил ладонями щегольскую трость и приготовился наслаждаться поездкой.

К черту разговоры о дружеских визитах: он прибыл сюда не навестить Аду, а соблазнить ее. Собственно, в этом и заключалось его занятие – прельщать юных женщин. И еще коллекционировать бабочек. Разница в возрасте (Аде было двадцать с небольшим, Даэман приближался ко Второй Двадцатке) совершенно не смущала его. Как и близкое родство с девушкой. Запрет на кровосмешение давным-давно исчез. Даэман слыхом не слыхивал про «дрейф генов», а если бы и слышал, то доверил бы лазарету это исправить. В лазарете исправляют все.

Даэман посетил Ардис-Холл десять лет назад с целью обольстить кузину Вирджинию – из чистой скуки, ведь эта кикимора выглядела страшнее войникса. Тогда-то он и увидел Аду обнаженной. Блуждая по нескончаемым коридорам в поисках Оранжереи для завтраков, он нечаянно оказался рядом с Адиной комнатой. За приоткрытой дверью стояло высокое, слегка

⁵ Ардис. – И название поместья, и имя Ада, как и некоторые другие имена, взяты из романа В. Набокова «Ада, или Радости страсти» (1969).

рябое зеркало. В мутной поверхности отражалась девушка, обтиравшаяся губкой над тазом. Она была совершенно голой, и лицо ее выражало легкую скуку: как он узнал, излишняя чистоплотность не относилась к длинному списку ее особенностей. Зрелище юной женщины, только-только вышедшей из кокона детской невинности, заворожило Даэмана, которому в ту пору было чуть больше, чем Аде сейчас.

Даже тогда, когда в ее бедрах и грудях с бутонами сосков еще чувствовалась детская пухлость, – на нее стоило полюбоваться. Белая кожа (сколько бы она ни оставалась на солнце, ее лицо всегда сохраняло мягкую молочную белизну), серые глаза, малиновые губы, черные волосы – воплощение эротической мечты дилетанта. Культурная модель предписывала женщинам брить подмышки, но юная Ада (и Даэман искренне надеялся, что и нынешняя тоже) обращала на это требование не больше внимания, чем на все прочие. В огромном зеркале тогда (и прищипленное булавкой в коллекционной коробке его памяти теперь) застыло еще детское, но уже роскошное тело, тяжелые бледные груди, молочная кожа, живые глаза, и всю эту белизну оттеняли четыре росчерка черных волос – вопросительный знак выющихся локонов, которые она небрежно подкалывала вверх, когда не играла (а играла она почти все время), пара запятых под мышками и восхитительный, еще не оформившийся в дельту восклицательный знак, уходящий в сумрак между бедрами.

Одноколка несла седока прямо к цели. Даэман блаженно улыбался. Он не знал, отчего Аде вздумалось пригласить его после стольких лет и даже чью Двадцатку здесь отмечают, но не сомневался, что соблазнит ее до того, как вернется к настоящей жизни: к раутам, долгим визитам и случайным интрижкам с более светскими дамами.

Войникс легко трусил вперед, шуршал под его ногами гравий, ненавязчиво гудели старые гироскопы повозки. В долину тихо заползали вечерние тени, однако узкая дорожка вывела на гребень холма, и гость успел разглядеть половинку заходящего солнца до того, как опять съехал в полумрак, на просторные поля, засеянные каким-то невысоким злаком. Заботливые сервиторы порхали над колосьями, и Даэману подумалось, что они похожи на левитирующие крокетные мячики.

Дорога свернула влево, к югу, пересекла безымянную речушку по крытому деревянному мосту, серпантином поднялась по крутому склону и вошла под своды старого леса. Даэман смутно помнил, что охотился за бабочками в этом древнем лесу вечером того дня, когда увидел в зеркале голую Аду. Тогда он поймал у водопада редкую разновидность траурницы, и в памяти восторг коллекционера смешался с волнением при виде белого девичьего тела и черных волос. Даэман помнил, как глянуло на него отражение Ады, когда та подняла глаза, – без гнева или радости, без стыдливости, но и не бесстыдно, равнодушно и с легким научным интересом. Ада смотрела на охваченного вождением двадцатисемилетнего Даэмана, примерно как сам Даэман разглядывал пойманную траурницу.

Повозка приближалась к Ардис-Холлу. Под древними дубами, ясенями и вязами на вершине было темно, но вдоль дороги горели желтые фонари, а линии цветных огоньков за деревьями, возможно, обозначали тропы.

Войникс выбежал из леса, и впереди открылся сумеречный вид. От сияющего огнями Ардис-Холла на холме расходились во все стороны гравийные дорожки; на четверть мили от дома до следующего леса тянулся луг, вдалеке поблескивала река, ловя догорающий закат, а в просвете между холмами на юго-западе проглядывали другие холмы, заросшие лесом, черные, без единого огонька, за ними – третьи, и так далее, пока темные вершины не сливались с темными тучами на горизонте.

Даэман поежился. До этой минуты он и не вспоминал, что дом стоит рядом с динозавровыми лесами этого континента – уж как он там называется. Весь прошлый приезд Даэман жил в страхе, хотя Вирджиния, Ванесса и прочие хором уверяли, что на пятьсот миль от Ардис-

Холла опасных динозавров нет. (Все, кроме пятнадцатилетней Ады, – она просто смотрела на него изучающим, чуть насмешливым взглядом; позже Даэман узнал, что это ее всегдашнее выражение.) Тогда на прогулку его выманивали только бабочки, теперь не выманят и они. Хотя рядом сервиторы и войниксы, бояться нечего, но мало радости быть съеденным вымершей рептилией, а потом очнуться в лазарете с памятью об этом унижении.

Исполинский вяз на склоне под домом украшали десятки фонарей. Факелы горели вдоль подъездной аллеи и гравийных дорожек из дома во двор. У живых изгородей и вдоль темного леса стояли войниксы-охранники. Под старым вязом был накрыт длинный стол, пламя факелов трепетало на вечернем ветру, и некоторые гости уже сошлись к ужину. Даэман с удовольствием сноба отметил, что большинство мужчин по старинке облачены в грязновато-белые хламиды, бурнусы и парадные накидки землистых тонов: в более значимых кругах, к которым он принадлежал, этот стиль вышел из моды несколько месяцев назад.

Одноколка мягко подкатила к парадному входу Ардис-Холла и остановилась в снопе желтого света из дверей. Войникс распрягся и опустил дышла так бережно, что седок не ощутил ни малейшего толчка. Легкий сервитор подлетел забрать багаж. Даэман радостно ступил на твердую почву: после факса у него до сих пор кружилась голова.

Ада выбежала из двери и бросилась по лестнице ему навстречу. Даэман застыл, глупо улыбаясь. Ада была не просто красивее, чем он помнил; она была красивее, чем он мог вообразить.

3. Илионская равнина

Греческие предводители сошлись у шатра Агамемнона; вокруг полно заинтересованных зрителей, и ссора Агамемнона с Ахиллесом уже разгорается.

Нужно сказать, что сейчас я принял вид Биаса – не пилосского военачальника из дружины Нестора, а того, который служит Менесфею⁶. Бедный афинянин болеет тифом и, хотя выздоровеет, чтобы сражаться в песни тринадцатой, сейчас почти не выходит из шатра, стоящего дальше на побережье. Биас – довольно значительная фигура, так что копейщики и зеваки почтительно расступаются, пропуская меня к внутреннему кругу собравшихся. Однако, по счастью, никто не ждет, что Биас примет участие в споре.

Я уже пропустил ту часть драмы, когда Калхас Фесторид, «превосходный гадатель», объявляет ахейцам, из-за чего разгневался Аполлон. Один из военачальников шепчет мне на ухо, что, прежде чем заговорить, Калхас потребовал у Ахиллеса защиты на случай, если народу и царям не понравится его речь. Ахиллес согласился, и Калхас сказал то, что и так отчасти подозревали: жрец Аполлона Хрис умолял вернуть ему пленную дочь, и отказ Агамемнона прогневал бога.

Агамемнон разозлился на Калхасово толкование. «Развонялся, только держись», – со смехом шепчет мой собеседник, дыша винными парами. Если не ошибаюсь, это Ор. Несколько недель спустя он падет от руки Гектора, когда герой-троянец начнет валить ахейцев направо и налево.

Ор говорит мне, что несколько минут назад Агамемнон согласился вернуть пленницу, Хрисеиду («Хоть она и дороже мне собственной жены Клитемнестры!» – крикнул Атрид), но взамен потребовал такую же красивую наложницу. По словам упившегося в стельку Ора, Ахиллес в ответ обозвал Агамемнона корыстолюбцем и напомнил, что у аргивян, то бишь ахейцев, или данайцев – как только не кличут этих окаянных греков! – нет больше для него добычи. Когда-нибудь, если военная удача им улыбнется, пообещал мужеубийца Ахиллес, Агамемнон получит другую девушку, а пока пусть отдаст Хрисеиду отцу и заткнется.

– Тут Атрид поднял такую вонищу, что прямо сил нет! – Ор смеется во все горло, и несколько военачальников строго оборачиваются на нас.

Я киваю и внимательно смотрю вперед. Агамемнон, как обычно, в центре событий. Вот уж поистине прирожденный лидер – рослый, статный, борода завивается классическими колечками, брови полубога строго сведены над пронзительными глазами, умощенный маслом мускулистый торс облачен в изысканнейшие одеяния. Точно напротив него, посередине круга, стоит Ахиллес. Моложе, сильнее и даже красивее Агамемнона, Ахиллес почти не поддается описанию. Еще когда я впервые увидел его на смотре кораблей более девяти лет назад, то подумал, что передо мной самый богоподобный из множества богоподобных мужей, настолько впечатляли его мощь и величие. С тех пор я понял, что при всем этом Ахиллес туповат – своего рода бесконечно похорошевший Арнольд Шварценеггер.

Ахиллеса и Агамемнона окружают герои, лекции о которых я читал всю мою другую жизнь. Во плоти они ничуть не разочаровывают. Подле Агамемнона – но в закипающей ссоре явно не с ним – стоит Одиссей. Он на целую голову ниже Атрида, зато шире в груди и плечах и потому среди прочих греческих вождей кажется бараном среди овец. Ум и хитрость видны в его глазах и отпечатались в морщинах обветренного лица. Я ни разу не говорил с Одиссеем, но надеюсь поговорить до того, когда война закончится и он отправится в путешествие.

⁶ Нужно сказать, что сейчас я принял вид Биаса – не пилосского военачальника из дружины Нестора, а того, который служит Менесфею. – В переводе Гнедича пилосского военачальника зовут Бриант.

По правую руку от Агамемнона – младший брат Менелай, муж Елены. Жаль, что мне не дают доллар всякий раз, когда кто-нибудь из ахейцев вякает, что, мол, будь Менелай искуснее в постели («Был бы у него побольше», – сказал Диомед приятелю три дня назад, я стоял рядом и слышал), Елена не сбежала бы с Парисом в Илион и греческие герои не убили бы последние девять лет на эту треклятую осаду. Слева от Агамемнона стоит Орест – нет, конечно же, не избалованный наследник, тот оставлен дома, хотя в свое время отомстит за отца и заслужит отдельную трагедию, – а его тезка, верный копьеносец. Он падет от руки Гектора при следующей большой вылазке троянцев.

Рядом с Орестом я вижу Еврибата – вестника Атрида, не путать с Еврибатом – глашатаем Одиссея. Бок о бок с ним стоит Птолемеяев сын Эвримедон, красивый юноша, возница Агамемнона – не путать с куда менее красивым Эвримедоном, возницей Нестора. (Здесь я порою думаю, что охотно заменил бы все эти славные патронимы на несколько простых фамилий.)

К великодержавному Атриду присоединились нынче вечером предводители саламитов и локров – Большой и Малый Аяксы. Эти двое только именами и схожи: если один похож на белого полузащитника из Национальной футбольной лиги, то второй больше смахивает на карманника. Третий по значимости вождь аргивян Эвриал ни на шаг не отходит от своего босса Сфенела, который так ужасно шепелявит, что не может произнести собственное имя. Друг Агамемнона и главный военачальник аргивян, прямодушный Диомед тоже здесь. Сегодня он не весел, стоит, скрестив руки на груди, и смотрит в землю. Старец Нестор – «громогласный вития пилосский» – наблюдает за разгорающейся ссорой, и лицо у него еще мрачнее, чем у Диомеда.

Если все пойдет по Гомеру, через несколько минут Нестор произнесет знаменитый монолог, в котором безуспешно попытается пристыдить Агамемнона и Ахиллеса, пока их распря не сыграла на руку троянцам. И надо признаться, мне хочется его послушать. Хотя бы ради упоминания о древней битве с кентаврами⁷. Меня всегда интересовали кентавры, и у Гомера Нестор говорит о них как о чем-то обыденном, а ведь во всей «Илиаде» из мифических существ упомянуты лишь они и химера. Пока же, в ожидании речи, я стараюсь не попасться Нестору на глаза, поскольку Биас, чей облик я принял, его подчиненный, и я не хочу, чтобы меня втянули в разговор. Впрочем, сейчас этого можно не опасаться: Нестор, как и остальные зрители, целиком занят перебранкой Агамемнона и Ахиллеса.

Возле Нестора, не примыкая ни к одному из вождей, стоят Менесфей (согласно Гомеру, Парис убьет его недели через две), Евмел (вождь фессалийцев из Феры), Поликсен (сопредводитель рати эпеев) с приятелем Фалпием, Фоас (военачальник этолийцев), Леонтей и Полипет в одеяниях, типичных для их родной Аргиссы, а также Махаон и его брат Подалирий (за чьей спиной выстроились фессалийские командиры пониже рангом), дражайший друг Одиссея Левк (обреченный через несколько дней погибнуть от пики Антифа) и прочие герои, которых я за долгие годы научился узнавать не только в лицо, но даже по манере сражаться, бахвалиться и приносить жертвы богам. На случай если я еще этого не упомянул, собравшиеся здесь древние греки ничего не делают вполсилы – они в любом деле выкладываются на всю катушку, «с полным принятием рисков», как выразился один ученый в двадцатом веке.

Напротив Агамемнона, справа от Ахиллеса стоит его ближайший друг Патрокл (чья смерть от руки Гектора вызовет Гнев Ахиллеса и величайшую бойню в военной истории). Здесь же Тлиподем, сын мифического Геракла, убивший дядю своего отца и бежавший из дома (этому молодому красавцу суждено пасть от копья Сарпедона). Между Патроком и Тлиподемом старик Феникс (добрый друг Ахиллеса и его бывший наставник) шепчется с Орсилохом

⁷ Хотя бы ради упоминания о древней битве с кентаврами. – В переводе Гнедича Нестор говорит о сражении с «лютыми чадами гор»; впрочем, кентавры упоминаются, например, в неоконченном переводе В. Жуковского.

Диоклидом, которого скоро убьет Эней. По левую сторону от разъяренного Ахиллеса стоит Идомедей; из поэмы я не знал, что они такие близкие друзья.

Само собой, ахейцев во внутреннем круге гораздо больше. Я уже молчу о бесчисленной толпе за своей спиной, но ведь картина и так ясна, правда? Как в эпосе Гомера, так и в повседневной жизни на Илионской равнине безымянных героев нет. Каждый из них таскает за собой собственную историю, родину, отца, жен, детей и движимое имущество, прибегая к их помощи в риторических и военных стычках. Одного этого хватит, чтобы доконать простого гомероведа.

– Что ж, богоравный Ахиллес, вечно плутующий в кости, на поле сраженья и с бабами, теперь ты решил сплутовать со мной! – кричит Агамемнон. – Да только не выйдет! Ты получил невольницу Брисеиду, которая не уступает красой моей Хрисеиде. Ты, значит, сохранишь добычу, а мне прикажешь сидеть с пустыми руками? Не на такого напал! Да я лучше передам бразды правления... вон хоть Аяксу, или Идомею, или многомудрому Одиссею... или тебе... да, тебе... чем позволю так себя надуть!

– Валяй, передавай! – скалится Ахиллес. – Нам и впрямь нужен достойный предводитель! Агамемнон багровеет.

– Отлично. Спускайте на море черный корабль с гребцами, возьмите Хрисеиду, если посмеете... Жертвы, о Ахиллес-мужеубийца, ты вознесешь сам. Но знай, я без добычи не останусь. Твоя прелестная Брисеида возместит мне потерю.

Красивое лицо Ахиллеса кривится от ярости.

– Наглец, одетый в бесстыдство и погрязший в алчности! Трусливая собачья образина! Агамемнон делает шаг вперед, бросает жезл и берется за меч.

Ахиллес тоже делает шаг вперед и сжимает рукоять меча.

– Троянцы не причинили нам зла, Агамемнон, но причинил ты. Не троянцы, а твоя алчность привела нас к этому берегу. Мы сражаемся за тебя, бесстыжая морда, чтобы вернуть честь тебе и твоему братцу, который не сумел удержать в спальне свою жену...

Теперь уже Менелай делает шаг вперед и хватается за меч. Воины и владыки стягиваются к тому или иному герою, и круг распадается на три части: на тех, кто будет драться за Агамемнона, тех, кто будет драться за Ахиллеса, и тех вокруг Одиссея и Нестора, кто настолько возмущен, что готов убить обоих спорщиков.

– Мы с моими людьми отплываем! – кричит Ахиллес. – Обратно во Фтию. Лучше утонуть, возвращаясь домой без добычи с поражением, чем оставаться здесь и позорить себя, наполняя кубок Агамемнона и завоевывая ему добычу!

– Скатертью дорога! – орет Агамемнон. – Дезертируй на здоровье! Я тебя сюда не звал. Ты великий воин, Ахиллес, да что с того? Это дар богов, а не твоя заслуга. Ты любишь сражения, кровь и резню, так забирай своих раболепных мирмидонцев и катись! – Он сплевывает.

Ахиллес буквально трясется от негодования. Он явно разрывается между искушением повернуться, забрать своих людей и навсегда покинуть Илион и желанием прирезать Агамемнона, точно жертвенную овцу.

– Но знай, Ахиллес... – Агамемнон внезапно понижает голос, однако его жуткий шепот отчетливо слышен сотням собравшихся, – Хрисеиду я отдам, раз уж бог этого требует, но заберу вместо нее твою Брисеиду, дабы все видели, насколько Агамемнон выше вздорного мальчишки Ахиллеса!

Тут Ахиллес окончательно теряет голову и уже не на шутку хватается за меч. На этом бы «Илиада» и закончилась: смертью Агамемнона, или Ахиллеса, или обоих, ахейцы отплыли бы домой, Гектор дожил бы до глубокой старости, а Троя простояла бы тысячу лет, возможно затмив славу Рима. Как нарочно, в этот миг за спиной Ахиллеса возникает Афина.

Я ее вижу. Ахиллес оборачивается с перекошенным лицом и тоже ее видит. А вот прочие – нет. Я не понимаю эту технологию избирательной невидимости, но она работает и у меня, и у богов.

Эй, погодите-ка, дело не только в невидимости... Бессмертные опять остановили время. Это их излюбленный способ общения со своими любимчиками без лишних свидетелей. Я такое видел всего несколько раз. Рот у Агамемнона раскрыт, брызжащая слюна застыла в воздухе, но ни звука не слышно; челюсть замерла, не дрогнет ни единый мускул, темные глаза не моргают. И так же застыли все остальные в кругу. Над головами зависла белая чайка. Волны взметнулись, но не разбиваются о берег. Воздух сгустился, будто сироп, а мы в нем – точно мухи в янтаре. Двигутся в этом остолбенелом мире лишь Афина Паллада, Ахиллес да я, когда чуть заметно подаюсь вперед, ловя каждое слово.

Ахиллес по-прежнему сжимает меч, наполовину вынутый из мастерски сработанных ножен, однако богиня схватила его за длинные волосы и силой развернула к себе. Теперь он не смеет извлечь клинок, ведь это значило бы бросить вызов богине.

Однако глаза Ахиллеса пылают полубезумным огнем, и он кричит в густой, тягучей тишине замороженного времени:

– Почему? Почему сейчас? Почему ты явилась ко мне сейчас, богиня, дочь Зевса? Чтобы посмотреть, как Агамемнон меня унижает?

– Покорись! – говорит Афина.

Если вы еще не встречали богинь, что я могу вам сказать? Только то, что они выше смертных (в буквальном смысле: в Афине футов семь роста, не меньше), а также намного красивей. Предполагаю, тут не обошлось без нанотехнологий и лабораторий по модификации ДНК. В Афине женственная прелесть сочетается с божественной властью и абсолютной силой, какую я и вообразить не мог до того, как возвратился к жизни под сенью Олимпа.

По-прежнему держа Ахиллеса за волосы, она запрокидывает ему голову, заставляет его отвести взгляд от замершего Агамемнона с приспешниками.

– Я не покорюсь! – кричит Ахиллес. Даже в вязком воздухе, где гаснет любой звук, голос мужеубийцы по-прежнему гулок и грозен. – Эта свинья, возомнившая себя царем, заплатит за свою дерзость жизнью!

– Покорись, – повторяет Афина. – Белорукая Гера послала меня укротить твой гнев. Покорись.

В шальных очах Ахиллеса мелькает замешательство. Среди олимпийских союзников ахейцев Гера, супруга Зевса Кронида, – самая могущественная и к тому же покровительствовала Ахиллесу еще в его необычном детстве.

– Убери руку с меча, Ахиллес, – приказывает Афина. – Хочешь, брани Агамемнона, крой его на чем свет стоит, но не убивай его. Делай, что мы велим, и я обещаю – а мне известна твоя судьба и будущее любого из смертных, – что наступит день, когда это оскорбление тебе возместят трикраты более великим даром. Попробуй не подчиниться, и ты умрешь. Лучше повинуйся мне и Гере – и обретешь блистательную награду.

Ахиллес сердито кривится, вырывает волосы из божественного кулака, однако прячет меч в ножны. Он и Афина кажутся посетителями в музее восковых фигур под открытым небом.

– Не мне бороться с вами обеими, богиня, – говорит Ахиллес. – Человеку лучше покориться воле бессмертных, пусть даже сердце разрывается от гнева. Но и боги должны бы впредь внимать его молитвам.

Афина неуловимо улыбается, исчезает из виду – квитируется обратно на Олимп, – и время возобновляет ход.

Агамемнон заканчивает речь. С мечом в ножнах Ахиллес выступает на середину круга.

– Жалкий винный бурдюк! – кричит мужеубийца. – У тебя глаза собаки и сердце оленя! Что ты за вождь, коль ни разу не вел нас на битву, не ходил в походы с лучшими из ахейцев!

Тебе недостает мужества грабить Илион, поэтому ты ищешь добычу в шатрах своего воинства! Лишь над презренными ты и «владыка»! Я говорю тебе и клянусь великой клятвой...

Сотни людей вокруг дружно ахают – даже если бы Ахиллес просто зарубил Агамемнона, как собаку, они не были бы так потрясены.

– Клянусь, что однажды сыны Ахеи будут призывать Ахиллеса! – кричит мужеубийца, и раскаты его голоса заставляют встрепенуться даже игроков в кости за сотню ярдов от шатров. – Гектор покосит вас, точно пшеницу! И тогда, Атрид, как ни дрожи ты за свою душонку, спасенья не будет! В тот день ты вырвешь сердце из груди и изложишь в отчаянии, что так обесчестил храбрейшего из ахейцев!

С этими словами Ахиллес поворачивается на прославленной пятке и, хрустя морской галькой, удаляется во тьму между шатрами. Красиво ушел, шут меня дери!

Агамемнон складывает руки на груди и качает головой. Остальные возбужденно перешептываются. Нестор делает шаг вперед, готовясь произнести свою речь под девизом «во-дни-кентавров-мы-держались-вместе». Странно: у Гомера Ахиллес слушает увещания Нестора. Я как ученый отмечаю это отклонение, но мои мысли уже далеко-далеко.

Я вспомнил зверский взгляд Ахиллеса за миг до того, как Афина дернула его за волосы и заставила смириться, и у меня родился замысел. Дерзкий, самоубийственный, без сомнения, обреченный на провал и все же такой прекрасный, что с минуту я почти не мог дышать.

– Что с тобой, Биас? – спрашивает Ор, мой сосед.

Я тупо гляжу на него. Кто это? И кто такой Биас? Ах да, ясно. Мотаю головой и выбираюсь из плотной толпы великих убийц.

Галька хрустит и под моими ногами, хоть и не столь героически, как при уходе Ахиллеса. Шагаю к воде и, оказавшись вдали от любопытных глаз, тут же сбрасываю с себя личину Биаса. Всякий, кто взглянул бы на меня сейчас, увидел бы немолодого Томаса Хокенберри, в очках и так далее, в нелепой одежде ахейского копейщика; шерстяная ткань и мех скрывают видоизменяющее снаряжение и противоударные доспехи.

Передо мною темное море. Виноцветное, думаю я, но даже не улыбаюсь.

Меня не впервые захлестывает желание воспользоваться невидимостью и способностью к левитации: пролететь над Илионом, последний раз взглянуть на его пылающие факелы и обреченных жителей, а затем унести на юго-запад, через виноцветное – Эгейское – море к покуда-еще-не-греческим островам и земле. Я мог бы провести Клитемнестру, Пенелопу, Телемаха и Ореста... Профессор Томас Хокенберри и мальчиком, и мужчиной лучше ладил с женщинами и детьми, чем с сильным полом.

Правда, эти протогреческие женщины и дети беспощаднее и кровожаднее любого взрослого мужчины, знакомого Хокенберри в прошлой бескровной жизни.

Улечу как-нибудь в другой раз. Вернее, никогда не улечу.

Волны катятся одна за одной, их привычный шум немного успокаивает.

Я это сделаю. Вместе с решением приходит упоительное ощущение полета. Даже нет, не полета, а краткого мига невесомости, когда бросаешься с высокого обрыва и знаешь, что возврата не будет. Либо утонешь, либо поплывешь. Либо упадешь, либо полетишь.

Я это сделаю.

4. Близ Коннемарского хаоса

Подводная лодка европейского моравека Манмута была в трех милях от кракена и продолжала отрываться, что, по идее, могло бы отчасти успокоить миниатюрного полуорганического робота, но не успокаивало, поскольку щупальца кракена нередко имеют в длину пять километров.

Тяжеловато придется. Хуже того, нападение отвлекло моравека. Манмут почти закончил новый разбор сто шестнадцатого сонета и спешил отправить результаты Орфу на Ио. Не хватало только, чтобы его подлодку проглотили. Он запеленговал кракена, убедился, что исполинская голодная желеобразная масса все еще его преследует, связался с реактором и увеличил скорость подлодки на три узла.

Кракен, покинувший привычные глубины, старался нагнать добычу в развоях близ Коннемарского хаоса. Моравек знал, что, пока они оба движутся с такой скоростью, кракен не сможет вытянуть щупальца на всю длину и захватить подлодку. Но если она натолкнется на препятствие, скажем на большой клубок мерцающих водорослей, так что ему придется замедлить ход и выпутываться из фосфоресцирующих склизких лент, то кракен настигнет его, как...

– А, ладно, черт с ним! – изрек Манмут в гудящую тишину тесной кабины, отказываясь от попыток найти удачное сравнение.

Его сенсоры были подключены к системам подлодки, и сейчас виртуальное зрение показывало ему гигантские клубки мерцающих водорослей прямо по курсу. Светящиеся колонии колыхались вдоль изотермических потоков, подпитываясь красноватыми струйками сульфата магния, которые множеством кровавых корней поднимались к ледяному панцирю.

«Нырнуть», – подумал Манмут, и подлодка ушла на двадцать километров ниже. Кракен метнулся следом. Если бы кракен мог ухмыляться, то ухмылялся бы сейчас: эта глубина наиболее благоприятна для его охоты.

Манмут нехотя убрал из визуального поля сто шестнадцатый сонет и задумался, какие есть варианты. Стыдно быть съеденным кракеном меньше чем в ста километрах от Централа Коннемарского хаоса. Проклятые бюрократы: могли бы очистить местные подледные моря от чудищ, прежде чем вызывать одного из своих моравеков-исследователей на совещание!

Можно убить кракена. Однако тут на тысячи километров ни единой уборочной подлодки, а бросать красавца на съедение паразитам, населяющим колонии мерцающих водорослей, соляным акулам, свободно плавающим трубчатым червям и другим кракенам было бы слишком расточительно.

Манмут на время отключил виртуальное зрение и огляделся, словно ожидая, что стиснутая до размеров кабины окружающая действительность подскажет верное решение. Так и получилось.

На рабочем пульте, рядом с шекспировскими томами в кожаных переплетах и распечаткой Вендлер⁸, стояла лава-лампа – шуточный подарок от прежнего напарника-моравека Уртцвайля, полученный двадцать земных лет назад.

Манмут улыбнулся и восстановил виртуальную связь на всех частотах. В такой близости от Централа должны быть диапиры, а кракены их ненавидят...

И точно: в пятнадцати километрах к юго-востоку целое облако диапиров лениво всплывало со дна подобно белым пузырькам в лава-лампе. Манмут взял курс на ближайший и заодно прибавил еще пять узлов для надежности, если можно говорить о надежности в радиусе досягаемости щупалец взрослого кракена.

⁸ ...и распечаткой Вендлер... – Хелен Хеннеси Вендлер (р. 1933) – американский литературный критик, автор книг об Эмили Дикинсон, У. Б. Йейтсе, Уоллесе Стивенсе, Джоне Китсе и Шеймase Хини, а также труда о шекспировских сонетах.

Диапир – просто шар теплого льда, нагретого геотермальными источниками и горячими гравитационными очагами глубоко внизу; он всплывает на поверхность моря, насыщенного сернокислым магнием, и присоединяется к ледниковому покрову, который некогда покрывал Европу целиком, да и теперь, спустя тысячу четыреста з-лет после прибытия на планету криобот-арбайтеров, занимает более девяноста восьми процентов ее площади. Этот диапир имел в поперечнике около пятнадцати километров и поднимался быстро.

Кракенам не нравятся электролитические свойства диапиров, твари не хотят марать о них даже щупальца, а уж тем более руки-убийцы или пасть.

Подлодка достигла шара, оторвавшись от преследователя на десять километров, замедлила ход, усилила прочность внешнего корпуса, втянула внутрь сенсоры и зонды и вбурилась в подтаявший лед. С помощью локатора и системы навигации Манмут проверил разводья и «веснушки», до которых оставалось почти восемь тысяч метров⁹. Минут через пять диапир вклинится в толстый ледяной покров, просочится по трещинам, разводьям и «веснушкам» и поднимет стометровый фонтан снежной каши. На какие-то мгновения Коннемарский хаос уподобится Йеллоустонскому парку из Америки Потерянной Эпохи с его красно-серными гейзерами и кипящими ключами. Затем струя рассеется в условиях тяготения Европы (одна седьмая земного), выпадет замедленным мокрым снегом на километры по обе стороны каждой поверхностной «веснушки» и застынет в разреженной искусственной атмосфере (всех ее ста миллибарах), добавив новых абстрактных скульптурных форм и без того покореженным ледяным полям.

Манмут не мог погибнуть в буквальном смысле – он, хоть и был частично органическим, скорее «существовал», чем «жил», – но ему определенно не улыбалось стать снежным фонтаном или частью абстрактной ледяной скульптуры на следующую тысячу з-лет. На минуту он позабыл и кракена, и сто шестнадцатый сонет, углубившись в вычисления: скорость подъема диапира, движение подлодки в снежной каше, быстро приближающийся ледяной покров – затем загрузил свои мысли в машинное отделение и балластные отсеки. Если все пойдет как надо, он выскочит с южной стороны диапира за полкилометра до удара о ледяной щит и устремится вперед, производя аварийное продувание, в то самое время, как приливная волна от фонтана достигнет разводья. Тогда он ускорится до ста километров в час, чтобы опередить действие фонтана, – то есть пролетит на подлодке, как на доске для серфинга, половину расстояния до Централа Коннемарского хаоса. Последние километры двадцать до базы он проделает, когда приливная волна рассеется, но тут ничего не поделаешь. Классное будет прибытие.

Если разводье впереди чем-нибудь не перекрыто. Или из Централа не выйдет другая подлодка. Очень будет неловко несколько секунд до того, как Манмут и «Смуглая леди» разлетятся на куски.

По крайней мере, о кракене можно больше не думать: ближе чем на пять километров к поверхности эти твари не подплывают.

Введя все команды и зная, что сделал все возможное, дабы выжить и прибыть на базу вовремя, Манмут вернулся к разбору сонета.

Подлодка – которую он много лет назад назвал «Смуглой леди» – проделала последние километры двадцать до Централа Коннемарского хаоса по километровой ширины разводью, скользя по черному морю под черным небом. Восходил Юпитер в четвертой четверти, облачные полосы клубились приглушенными тонами, невысоко над ледяным горизонтом по лику

⁹ ...Манмут проверил разводья и «веснушки», до которых оставалось почти восемь тысяч метров. – Lenticulae («веснушки») на поверхности Европы – сравнительно небольшие темные пятна, встречающиеся в виде скоплений. По одной из гипотез, они образуются, когда диапиры теплого льда протыкают холодный внешний лед.

гиганта двигалась крохотная Ио. По обе стороны разводья вздымались на сотни километров серые и тускло-красные ледяные скалы.

Манмут в волнении вывел в поле зрения шекспировский сонет.

Сонет 116

Не признаю препятствий я для брака
Двух честных душ. Ведь нет любви в любви,
Что в «переменах» выглядит «инако»
И внемлет зову, только позови¹⁰.
Любовь – над бурей поднятый маяк,
Не меркнувший во мраке и тумане.
Любовь – звезда, которою моряк
Определяет место в океане.
Любовь – не кукла жалкая в руках
У времени, стирающего розы
На пламенных устах и на щеках,
И не страшны ей времени угрозы.
А если я не прав и лжет мой стих,
То нет любви – и нет стихов моих!

За десятилетия он успел возненавидеть это слащавое творение. Чересчур прилизано. Должно быть, люди Потерянной Эпохи обожали цитировать подобную чепуху на свадебных церемониях. Халтура. Совсем не в духе Шекспира.

Но вот однажды ему попались микрокассеты с критическими трудами некой Хелен Вендлер, которая жила и писала в какой-то из этих веков – девятнадцатый, или двадцатый, или двадцать первый (даты плохо сохранились), и получил ключ к расшифровке сонета. Что, если это не приторное утверждение, каким его изображали много веков, а яростное отрицание?

Манмут еще раз перечитал «ключевые слова». Вот они, почти в каждой строчке: «не, не, не, не, не, нет, нет». Почти эхо «никогда, никогда, никогда» у короля Лира.

Несомненно, это поэма отрицания. Но отрицания чего?

Манмут знал, что сонет относится к циклу, который посвящен «прекрасному юноше», но знал и другое: что слово «юноша» – лишь фиговый листок, добавленный в более ханжеские годы. Любовные послания предназначались не взрослому мужчине, а «юноше» – мальчику, которому могло быть и тринадцать. Манмут читал литературных критиков второй половины двадцатого века: эти «ученые» считали сонеты буквальными – то есть настоящими гомосексуальными письмами драматурга Шекспира. Однако из более научных работ предшествующих времен и конца Потерянной Эпохи Манмут знал, что такая буквальная, политически мотивированная трактовка наивна.

Он не сомневался: в сонетах Шекспир создает сложно выстроенную драму. «Юноша» и «смуглая леди» – ее персонажи. Это не порождение сиюминутной страсти, а плод многолетней работы зрелого мастера. Что он исследовал в сонетах? Любовь. Только вот что Шекспир думал о ней на самом деле?

Этого никто и никогда не узнает. Разве Бард с его умом, цинизмом, с его скрытностью выставил бы напоказ свои истинные переживания? Однако в пьесе за пьесой Шекспир показы-

¹⁰ Не признаю препятствий я для брака... только позови. – Перев. С. Степанова. Любовь – над бурей поднятый маяк... б...с ...и нет стихов моих! – Перев. С. Маршака.

вал, как сильные чувства – в том числе любовь – превращают людей в дураков. Подобно Лиру, Шекспир любил своих Дураков. Ромео был дураком Фортуны, Гамлет – дураком Рока, Макбет – дураком Честолюбия, Фальстаф... ну, Фальстаф не был ничьим дураком... но сделался дураком из любви к принцу Хэлу и умер от разбитого сердца, когда молодой принц его бросил.

Манмут знал, что «поэт», иногда называемый «Уиллом», был не историческим Уиллом Шекспиром, как утверждали ученые двадцатого столетия, а скорее очередным драматическим конструктом, который поэт-драматург создал для исследования разных граней любви. Что, если «поэт», как шекспировский злополучный граф Орсино, был Дураком Любви? Человеком, влюбленным в любовь?

Манмуту нравился такой подход. «Брак честных душ» между поэтом и юношей означал не гомосексуальную связь, а подлинное таинство душевного единения, грань любви, которую чтили задолго до Шекспира. На первый взгляд сонет 116 кажется банальной клятвой в любви и верности, однако на самом деле это опровержение...

И вдруг все части головоломки встали на места. Как многие великие поэты, Шекспир начинал свои стихи ранее или позже их настоящего «начала». Так какие же слова «юноши» одурманенному любовью поэту потребовали столь яростного отпора?

Манмут выдвинул пальцы из первичного манипулятора, взял стилус и принялся выводить на т-дощечке:

Дорогой Уилл! Да, мы оба хотели бы, чтобы наш брак честных душ – раз уж мужчины не могу делить таинство телесного брака – был нерушим, как истинное супружество. Но это невозможно. Люди меняются, Уилл. Обстоятельства тоже. Если человек или какое-либо его качество уходит навсегда, гаснет и чувство. Когда-то я любил тебя, Уилл, святая правда. Только ты стал иным, ты уже не тот, отсюда и перемена во мне и наших чувствах.

*Искренне твой,
Юноша.*

Манмут глянул на свое письмо и расхохотался, хотя смех тут же замер, когда стало ясно, как бесповоротно изменился сонет. Вместо приторных клятв в неизменной любви – яростное обличение неверного юноши. Теперь сонет звучал так:

Не признаю (так называемых) «препятствий» я для брака
Двух честных душ. Ведь нет любви в любви,
Что в «переменах» выглядит «инако»
И внемлет зову, только позови,
О нет!..

Манмут с трудом сдерживал волнение. Наконец-то все встало на свои места: и каждое слово в сонете, и весь цикл. «Брак честных душ» исчез, не оставив после себя ничего, кроме гнева, упреков, подозрений, лжи и дальнейшей измены – всего, что воплотится с полной силой в сонете 126. К тому времени «юноша» и мысли об идеальной любви канут в прошлое ради грубых наслаждений «смуглой леди». Манмут переключил сознание на виртуальность и начал шифровать электронное послание своему верному собеседнику в последние двенадцать лет, Орфу с Ио.

Завыли сирены. Перед виртуальными глазами замигали огни. «Кракен!» – в первую секунду подумал Манмут, однако кракены не выплывают на поверхность и не выходят в открытое разводе.

Сохранив в памяти сонет и собственные заметки, Манмут стер неотправленное электронное послание и раскрыл внешние сенсоры.

«Смуглая леди» была в пяти километрах от Централа хаоса, в зоне дистанционного управления доками для подлодок. Манмут передал управление Централу и принялся разглядывать ледяные обрывы впереди.

Снаружи Коннемарский хаос не отличался от остальной поверхности Европы – гряды торосов, вздымающих ледяные обрывы на двести-триста метров, массы льда, блокирующие лабиринт открытых разводий и «веснушек». Но вскоре стали заметны следы жизни: черные пасти открывающихся доков для подлодок, ползущие вдоль обрывов лифты, навигационные огни, пульсирующие на поверхности внешних модулей, жилых отсеков и антенн, и – на вершине обрыва, на фоне черного неба – несколько межлунных шаттлов, закрепленных штормовыми растяжками на посадочной площадке.

Космические корабли здесь, у Централа Коннемарского хаоса? Очень странно. Ставя подлодку в док, переводя ее функции в режим ожидания и отключаясь от ее систем, Манмут думал: «Какого черта меня вызвали?»

Закончив с установкой подлодки в док, он прошел через травматическое сведение чувств и возможностей к узким рамкам более или менее гуманоидного тела, покинул корабль, вышел на голубовато мерцающий лед и сел в скоростной лифт к жилым отсекам на вершине.

5. Ардис-Холл

Под увешанным лампочками деревом был накрыт стол на двенадцать гостей: мясо оленя и кабана из здешнего леса, форель из ближайшей речки, говядина от коров, пасущихся между Ардисом и факс-узлом, красные и белые вина из ардисских виноградников, кукуруза, салат, кабачки и зеленый горошек из огорода, черная икра, доставленная откуда-то по факсу.

– Чей день рождения и которая Двадцатка? – поинтересовался Даэман, когда сервиторы подносили гостям еду.

– День рождения у меня, только это не Двадцатка, – ответил привлекательный кудрявый мужчина по имени Харман.

– Прошу прощения? – Даэман улыбнулся, но ничего не понял. Он положил себе немного кабачка и передал миску соседке.

– Харман справляет обычный день рождения, – сказала Ада, сидевшая во главе стола.

Она была безумно хороша в платье желтоватого с черным шелка, и Даэмана возбуждала ее красота.

И все-таки он не понял. День рождения? Их вообще не замечают, и уж тем более не собирают гостей.

– А, так вы на самом деле не празднуете Двадцатку, – сказал он Харману и кивнул пролетающему сервитору, чтобы тот наполнил его опустевший бокал.

– Но я праздную день рождения, – с улыбкой повторил Харман. – Девяносто девятый.

Даэман замер от изумления, потом быстро заозирался. Очевидно, это какой-то провинциальный розыгрыш, причем в дурном вкусе. Про девяносто девятый день рождения не шутят. Он натянуто улыбнулся, ожидая завершения шутки.

– Да нет же, серьезно, – весело ответила Ада.

Остальные гости хранили молчание. В лесу кричали ночные птицы.

– Э-э-э... извините, – выдавил Даэман.

Харман покачал головой:

– У меня такие планы на этот год. Столько нужно успеть.

– В прошлом году Харман прошел пешком сто миль по Атлантической Бреши, – вставила Ханна, подруга Ады, – коротко стриженная брюнетка.

Теперь Даэман не сомневался, что его разыгрывают.

– По Атлантической Бреши нельзя пройти.

– Но я прошел. – Харман обкусывал кукурузный початок. – Просто разведка, всего, как сказала Ханна, сто миль туда и сразу обратно, к побережью Северной Америки, однако ничего сложного в этом не было.

Даэман снова улыбнулся, дабы не отстать от шутников.

– Но как вы попали в Атлантическую Брешь, Харман-ур? Рядом нет ни единого факс-узла.

Он понятия не имел, где находится Брешь или что такое Северная Америка, да и положение Атлантического океана представлял довольно смутно, но точно знал, что ни один из трехсот семнадцати факс-узлов не расположен рядом с Брешью. Он неоднократно факсировался через все эти узлы и ни разу не видел легендарной Бреши.

Харман положил кукурузу на стол.

– Я шел пешком, Даэман-ур. От восточного побережья Северной Америки Брешь тянется вдоль сороковой параллели до того, что в Потерянную Эпоху называли Европой. Если не ошибаюсь, там, где Брешь выходит на сушу, последней страной была Испания. Развалины древнего города Филадельфии – вам они, возможно, известны как узел сто двадцать четыре, жилище

Ломана-ур – находятся всего в нескольких часах ходьбы от Бреши. Будь я посмелее и захвати тогда побольше еды, то мог бы дойти до Испании.

Даэман кивал, улыбался и решительно не понимал, что этот человек несет. Начал непростойным бахвальством про свой девяносто девятый день рождения, теперь говорит про параллели, города Потерянной Эпохи, ходьбу... Никто не проходит пешком больше нескольких сотен ярдов. Да и зачем? Все нужное и интересное расположено возле факсов, и лишь некоторые чудачки, вроде хозяев Ардис-Холла, обитают чуть поодаль – так ведь и до них всегда легко добраться на одноколке или дрожках. Даэман, конечно же, знал Ломана: третью Двадцатку Оно отмечали как раз в его обширном поместье, – но все остальные слова Хармана были полным бредом. Спят бедняга на старости лет. Ничего, окончательный факс в лазарет и Восхождение это исправят.

Даэман бросил взгляд на Аду в надежде, что та как хозяйка вмешается и сменит тему, но она лишь улыбалась, будто согласна с речами сумасшедшего. Даэман огляделся: неужели никто его не поддержит? Однако гости слушали Хармана вежливо, даже с видимым интересом, как будто такие бредовые разговоры – привычная часть их провинциальных ужинов.

– Форель отменная, не правда ли? – обратился он к соседке слева. – У вас тоже?

Сидящая напротив крупная рыжеволосая дама, чей возраст явно перевалил за вторую Двадцатку, подперла выдающийся подбородок маленьким кулачком и спросила:

– Ну и как там, в Атлантической Бреши? Расскажите!

Кудрявый загорелый мужчина принялся отнекиваться, однако все за столом – в том числе молодая блондинка, грубо пропустившая мимо ушей учтивую реплику Даэмана про форель, – просили о том же. Наконец Харман грациозно поднял руку, показывая, что уступает:

– Если вы никогда не видели Брешь, она потрясает, ошеломляет, завораживает еще с берега. Расщелина в восемьдесят ярдов шириной убегает на восток, сужаясь к горизонту, и там, где волны сходятся с небом, кажется просто яркой прожилкой в океане... Когда заходите внутрь, впечатление странное. Песок на дне сухой. Волны туда не захлестывают. Сперва взгляд скользит по краю пролома, вы идете дальше и постепенно замечаете как бы стеклянную стену, отделяющую вас от волн. Нельзя устоять перед искушением потрогать загадочный барьер – прозрачный, пористый, чуть поддающийся под рукой, прохладный от воды с другой стороны и при этом совершенно непроницаемый. Вы идете глубже – столетиями морское дно здесь увлажнял только дождь, поэтому ил и песок затвердели, морские животные высохли настолько, что кажутся окаменевшими... Ярдов через десять отвесные стены по обе стороны уже вздымаются высоко над головой. За ними движутся тени. Рыбки проплывают у барьера между воздухом и водой, мелькает силуэт акулы, потом глаз ловит бледное мерцание чего-то бесформенного, полупрозрачного, студенистого... Иногда морские создания подплывают к барьеру, тыкаются в него холодными мордами и быстро поворачивают, как будто в испуге. Еще миля-другая, и вы на такой глубине, что небо над вами темнеет. Спусти еще десяток миль стены уже выше тысячи футов, и на узкой полоске неба видны звезды. И это посреди белого дня.

– Не может быть! – воскликнул худой светловолосый мужчина на другом конце стола. – Ты шутишь!

Даэман припомнил его имя: Лоэс.

– Нет. Не шучу. – Харман снова улыбнулся. – Так я и шел четыре дня. По ночам спал. Кончилась еда – повернул обратно.

– А как ты отличал день от ночи? – спросила подруга Ады, молодая спортивная девушка по имени Ханна.

– Днем небо черное и звездное, – сказал Харман, – но океан далеко вверху голубой, затем синий и только на уровне Бреши почти черный.

– Видел что-нибудь экзотическое? – спросила Ада.

– Несколько затонувших кораблей. Настоящая древность. Потерянная Эпоха и даже старше. Хотя один из них выглядел... посвежее прочих. – Харман снова улыбнулся. – Один корабль я обследовал. Огромный ржавый корпус, чуть наклоненный, торчал из северной стены. Я пролез через дыру в обшивке, поднялся по лестницам, прошел на север по наклонным палубам, освещая себе путь фонариком, пока в огромном помещении – кажется, это называется «трюм», – не наткнулся на барьер от пола до потолка, стену воды, кишашей рыбой. Я прижался лицом к холодной невидимой стене. За ней были стаи рыб, рачки, моллюски, змеи, кораллы, покрывающие каждую поверхность и жрущие друг друга, а с моей стороны – лишь пыль, осыпаящаяся ржавчина да белый сухопутный крабик под ногами – тоже, очевидно, забрел с берега.

Из леса подул ветерок, листья старого дерева зашелестели. Лампочки закачались, их свет заплескал на мягких складках шелка и хлопка, на прическах, руках и лицах гостей. Все слушали как замороженные. Даже Даэмана захватила эта нелепая выдумка. Вдоль дороги трепетали и потрескивали на ветру факелы.

– А как насчет войников? – спросила соседка Лоэса. Даэман попытался вспомнить и ее имя. Эмма, что ли?.. – Там их больше, чем на суше? Или меньше? Подвижные или стражники?

– Войников там нет.

У гостей перехватило дыхание. Даэман ощутил то же потрясение, как когда Харман сказал, что ему девяносто девять. Голова закружилась. Должно быть, вино оказалось крепче, чем он думал.

– Никаких войников, – повторила Ада скорее задумчиво, чем изумленно. Затем подняла бокал и провозгласила: – Тост!

Сервиторы подлетели долить вина, все подняли бокалы. Даэман заморгал, прогоняя головокружение, и выдавил светскую улыбку.

Ада не произнесла тоста, однако все – Даэман чуть позже остальных – выпили вслед за ней.

К концу ужина ветер разгулялся не на шутку, темные тучи скрыли полярное и экваториальное кольца, в воздухе запахло озоном. С черных холмов на западе надвигались завесы дождя, так что все ушли в дом. Гости отправились отдыхать или разбрелись в поисках развлечений. В южной оранжерее сервиторы играли камерную музыку, кого-то привлек остекленный бассейн за домом, на открытой веранде второго этажа стоял стол с закусками. Некоторые парочки уединились в своих комнатах и занялись любовью, другие отыскивали тихий уголок и развернули туринские пелены, чтобы отправиться в Трою.

Ада повела Ханну и мужчину по имени Харман в домашнюю библиотеку на третий этаж. Даэман увязался за ними. Чтобы соблазнить Аду до конца уик-энда, надо было находиться с ней каждую минуту. Обольщение – это искусство и целая наука. Сплав умения, дисциплины, постоянной близости и удачи. Причем главное здесь – постоянная близость.

Идя или стоя рядом с Адой, Даэман чувствовал тепло ее кожи через желтоватый с черным шелк. Ее нижняя губа, как и десять лет назад, была умопомрачительно полной, алой, созданной для укусов... Когда Ада подняла руку, показывая Ханне и Харману высоту книжных шкафов, Даэман наблюдал, как мягко, почти незаметно шевельнулась под шелком ее правая грудь.

Он и прежде бывал в библиотеках, но в такой большой – никогда. Она имела не меньше ста футов в длину и пятидесяти в высоту. По трем стенам тянулись антресоли, а сдвижные стремянки на обоих ярусах позволяли добраться до самых труднодоступных томов. Здесь были ниши, закутки, столы с раскрытыми на них фолиантами и даже книжные шкафы над большим эркером в дальней стене. Даэман знал, что собранные здесь материальные книги обработаны для сохранности специальными антиразлагающими нанохимикатами сотни, может быть, тысячу лет назад – как-никак эти бесполезные артефакты сделаны из кожи, чернил и бумаги, – однако обшитая панелями красного дерева библиотека с ее лужицами искусственного света,

древней кожаной мебелью и мрачными книжными шкафами, на его чувствительный нюх, припахивала тлением и ветхостью. Даэман не понимал, чего ради Ада и ее родные сохраняют в Ардис-Холле этот мавзолей и зачем Ханне с Харманом захотелось сюда прийти.

Кудрявый мужчина, утверждавший, что живет последний год и ходил по Атлантической Бреши, замер в изумлении:

– Ада, это великолепно!

Он взобрался на стремянку, проехал на ней вдоль книжных шкафов и коснулся толстого кожаного переплета.

Даэман рассмеялся:

– Вы думаете, что людям вернулась функция чтения, Харман-ур?

Именинник тоже улыбнулся, но так уверенно, что секунду Даэман почти ждал: вот сейчас по его руке побежит поток золотых символов. Само собой, об утраченной функции Даэман знал только понаслышке – бабушка и другие старики рассказывали, как развлекались их прапрапрадеды.

Однако ничего не произошло. Харман убрал руку за спину.

– А ты, Даэман-ур, не хотел бы иметь функцию чтения?

Даэман вновь хохотнул. Ну и вечерок! Тут он поймал на себе насмешливые взгляды обеих девушек. Казалось, им немного за него стыдно.

– Нет, конечно, – выдавил он наконец. – Чего ради? Что это старье может рассказать о сегодняшней жизни?

Харман взобрался выше по лестнице.

– Тебе совсем не любопытно, куда исчезли постлюди и отчего их больше не встречают на Земле?

– Что здесь непонятного? Они ушли в свои небесные города на кольцах. Это каждому известно.

– А почему? – настаивал Харман. – Тысячи лет они присматривали за нами, направляли нашу жизнь и вдруг улетели?

– Ерунда! – ответил Даэман чуть резче, чем намеревался. – ПЛ по-прежнему наблюдают за нами. Сверху.

Харман кивнул с таким видом, словно ему только что открыли глаза, и проехал на стремянке еще несколько ярдов по латунному рельсу. Теперь его голова почти упиралась в антресоли.

– Ну а как насчет войников?

– А что с ними?

– Ты не задумывался, отчего они столько веков были недвижны, а сейчас так активны?

Даэман открыл рот, однако не сразу нашелся с ответом. Наконец он выговорил:

– Полная чепуха. Войникисы, спавшие до финального факса, – это миф. Сказки.

Ада шагнула к нему:

– Даэман, тебе никогда не хотелось узнать, откуда они взялись?

– Кто, милая?

– Войникисы.

Даэман расхохотался во все горло:

– Конечно нет, сударыня. Войникисы были всегда. Они вечны, постоянны, неизменны, хоть и перемещаются, на время пропадая из виду. Но не исчезают. Как солнце или звезды.

– Или кольца? – негромко прибавила Ханна.

– Точно, – обрадовался он.

Харман взял с полки тяжелую книгу:

– Даэман-ур, Ада упоминала, что ты выдающийся лепидоптерист.

– Пардон?

– Эксперт по бабочкам.

Даэман почувствовал, что краснеет. Приятно, когда тебя оценивают по заслугам. Даже чужаки. Даже полоумные.

– Не такой уж эксперт, Харман-ур. Просто коллекционер, набравшийся кое-каких знаний от своего дяди.

Харман спустился с лестницы и положил тяжелую книгу на стол:

– Тогда, я думаю, тебя заинтересует вот это.

Он принялся перелистывать желтые страницы, на которых пестрели изображения бабочек. Даэман задохнулся. Десятка два названий он выучил со слов дяди, еще несколько разузнал от собратьев по увлечению. А тут... Он протянул руку и бережно тронул изображение западного светлого парусника.

– Западный светлый парусник, – сказал Харман и добавил: – *Pterourus rutulus*.

Даже не разобрав последних слов, Даэман восхищенно уставился на него:

– Ты тоже их коллекционируешь!..

– Ничего подобного. – Харман коснулся изображения знакомой черной с золотом бабочки. – Монарх.

– Да, – смущенно ответил Даэман.

– Красный адмирал, афродита фритиллария, фициод орсеис, голубянка икар, репейница, аполлон Феб, – говорил Харман, касаясь изображений.

Трех из названных бабочек Даэман знал.

– Вижу, ты настоящий специалист!

Харман мотнул головой:

– Я до сих пор даже не догадывался, что для бабочек разного вида есть отдельные названия.

Даэман уставился на его короткопалую руку:

– У тебя есть функция чтения.

Харман вновь покачал головой:

– Ни у кого ее больше нет. Как нет и других наладонных функций: навигации, доступа к данным и самофаксирования с узлов.

– Тогда... – начал Даэман и умолк в полной растерянности.

Они над ним издеваются? Он приехал на уик-энд с добрыми намерениями – ладно, с намерением соблазнить Аду, но по-доброму, – а тут такая... злая игра?

Словно почувствовав закипающий гнев гостя, Ада положила тонкие пальцы на его рукав.

– У Хармана нет функции чтения, Даэман-ур, – мягко сказала она. – Он недавно научился читать.

Даэман опешил. Эта был такой же нонсенс, как отмечать последний год или молотить чепуху об Атлантической Бреша.

– Чтение – всего лишь навык, – тихо сказал Харман. – Вроде того, как ты сумел запомнить названия бабочек или твои прославленные методы... дамского угодника.

Даэман заморгал. О другом моем хобби так хорошо знают?

Первой заговорила Ханна:

– Харман обещал научить нас своему трюку... с книгами. Это может когда-нибудь пригодиться. Я вот хочу больше узнать о литье, пока не спалила себя заживо.

«Рытье? От слова рыть?» Даэман дружил с одним рыбаком, который умел нарыть червей, но от этого никто не сгорал заживо. И при чем тут чтение...

Он облизнул пересохшие губы:

– Не люблю я такие игры. Что вам вообще от меня нужно?

– Мы ищем космический корабль, – сказала Ада. – И у нас есть основания думать, что ты можешь нам помочь.

6. Олимп

Смена подходит к концу. Я квант-телепортируюсь обратно в комплекс схолии на Олимпе, записываю свои наблюдения и анализ происшедшего, загоняю мысли в запоминающий кристалл, который и отношу в маленький белый зал Музы, выходящий окнами на Кальдерное озеро. К моему удивлению, Муза на месте, беседует с моим коллегой.

Его зовут Найтенгельзер. Добродушный такой дядька, огромный, как медведь. Жил, преподавал и скончался на Среднем Западе Америки где-то в начале двадцатого столетия, как я узнал за те четыре года, что он здесь обитает. При моем появлении Муза обрывает разговор и отправляет Найтенгельзера прочь. Тот выходит через бронзовую дверь к эскалатору, который змеей вьется с Олимпа к нашим казармам и красному миру внизу.

Муза жестом подзывает меня. Ставлю кристалл на мраморный стол перед ней и отступаю, думая, что сейчас она, как обычно, молча меня отпустит. Однако Муза в моем присутствии берет камень, сжимает в ладони и даже прикрывает веки, чтобы сосредоточиться. Я стою напротив и жду. Нервничаю, конечно. Сердце колотится, а руки, сомкнутые за спиной, – видели когда-нибудь профессора, который пытается изобразить солдата в позе «вольно»? – покрываются липким потом. Боги не умеют читать мысли – к такому заключению я пришел несколько лет назад. Их сверхъестественное понимание того, что творится в мозгу смертных, равно ученых и героев, основано скорее на отточенном умении подмечать игру лицевых мускулов, малейшие движения глаз и тому подобное. Но я могу ошибаться. Вдруг они все телепаты? Если так и если одному из олимпийцев взбрело на ум заглянуть в мой рассудок в миг озарения на берегу, сразу после бурной сцены между Ахиллесом и Агамемноном... Тогда я покойник. Опять.

Мне доводилось видеть схолиастов, не угодивших Музе, а уж тем более богам высокого ранга. На пятом году осады с нами работал один ученый из двадцать шестого века, круглолицый и дерзкий азиат с необычным именем Брастер Лин. И хотя он был самым толковым из нас, дерзость его сгубила. Буквально. Парис и Менелай затеяли поединок типа «победитель получает все». Исход единоборства должен был решить судьбу Илиона. Под ободрительные возгласы двух армий на поле сошлись троянский любовник Елены и ее ахейский супруг. Парис был прекрасен в своих золотых доспехах, глаза Менелая горели жаждой боя, который так и не случился. Едва Афродита поняла, что сейчас ее обожаемого Париса изрубят на корм червям, она спикировала вниз и унесла его с поля сражения назад к Елене. Как все изнеженные либералы любых времен, он преуспел больше в постельных подвигах, чем в воинских. После очередной шуточки Брастера Лина при описании эпизода с Парисом и Менелаем Муза щелкнула пальцами, и миллиарды (или триллионы) послушных наноцитов в теле несчастного схолиаста рванули наружу, будто стая нанолеммингов-самоубийц. Все еще улыбающегося Брастера Лина разорвало на тысячу кровавых клочков, а его голова (по-прежнему с улыбкой на лице) покатилась к нашим ногам.

Это был серьезный урок, и мы его усвоили. Никаких комментариев от себя, никаких шуточек над играми богов. Плата за иронию – смерть.

Муза наконец открывает глаза и смотрит на меня.

– Хокенберри, – произносит она тоном сотрудника отдела кадров из моей эпохи, намеревающегося уволить служащего средней руки, – как давно ты с нами?

Я понимаю, что вопрос риторический, но пообщайтесь с божеством, пусть даже такого мелкого пошиба, и вы начнете отвечать даже на риторические вопросы.

– Девять лет, два месяца и восемнадцать дней, богиня.

Она кивает. Я самый старый из выживших схолиастов. Продержался дольше всех. Музе это известно. Тогда к чему такое официальное признание моей долговечности? Может, это лирический пролог перед тем, как взбесятся наночиты?

Я всегда учил студентов, что муз, дочерей Мнемозины, было девять: Клио, Евтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урания и Каллиопа. Каждая, по крайней мере согласно поздней греческой традиции, управляла каким-нибудь способом художественного выражения: игрой на флейте, к примеру, танцем, искусством рассказчика, героической декламацией... Однако за девять лет, два месяца и восемнадцать дней службы согладатаем на Илионской равнине лично я видел только одну музу – высокую богиню, которая сидит сейчас передо мной за мраморным столом. И тем не менее, несмотря на ее скрипучий голос, я про себя всегда называл ее Каллиопой, хотя это имя изначально означало «сладкоголосая». Не сказать, что голос у нее приятный; на мой слух, он больше напоминает клаксон, чем каллиопу как музыкальный инструмент, зато на подчиненных действует безотказно. Муза скажет: «лягушка» – и мы прыгаем.

– За мной, – говорит она, стремительно встает и выходит из беломраморной залы через особую боковую дверь.

Я подсказываю от неожиданности и бегу следом.

Рост у Музы божественный, более семи футов, а формы по человеческим меркам совершенные (хоть и не такие роскошные, как у той же Афродиты). Напоминают фигуру женщины-легкоатлетки из двадцатого столетия. Даже при слабом тяготении Олимпа я с трудом поспеваю за ней, когда она шагает по коротко стриженным газонам между белоснежных строений.

Она останавливается у стоянки колесниц. Я говорю «колесница», и это действительно внешне напоминает колесницу. Низкое транспортное средство в форме подковы с нишей в боку, через которую Муза заходит внутрь. Только у этой колесницы нет ни возничего, ни поводьев, ни коней. Муза берется за перила и зовет меня за собой.

Медленно, с бешено колотящимся сердцем я шагаю следом и тут же отодвигаюсь в сторону. Муза длинными пальцами касается золотого клина – это что-то вроде панели управления. Мигают огоньки. Раздается гудение, громкие щелчки, колесницу опоясывает силовая решетка, и мы, быстро вращаясь, поднимаемся над травой. Внезапно впереди появляется пара голографических «коней», которые галопом несут колесницу по небу. Я знаю, голографические кони нужны для успокоения греков и троянцев, но чувство, что это реальные лошади несут по небу реальную колесницу, очень сильно. Я вцепляюсь в металлические перила и собираюсь с духом, но ускорение не чувствуется, даже когда транспортный диск дергается, проносится в сотне футов над скромным храмом Музы и, набирая скорость, устремляется к глубокой впадине Кальдерного озера.

«Колесница богов!» – думаю я и тут же списываю эту недостойную мысль на утомление и прилив адреналина.

Разумеется, я тысячи раз видел пролетающие возле Олимпа или над Илионской равниной колесницы, в которых боги снуют по своим божественным делам, однако смотреть снизу – это совсем, совсем не то. С земли кони кажутся настоящими, а колесница – куда менее весомой, чем когда летишь в тысяче футов над вершиной горы – точнее, вулкана, который и сам вздымается над пустыней на восемьдесят пять тысяч футов...

По идее, макушка Олимпа должна находиться в безвоздушном пространстве и сиять вечными льдами. Но я спокойно дышу здесь, как и в казармах схолиастов семнадцатью милями ниже, у подножия вулканических скал, а вместо льда тут мягкая трава, деревья и громадные белые здания, рядом с которыми Акрополь показался бы сараюшкой.

Восьмерка озера имеет шестьдесят миль в поперечнике, и мы проносимся над ней на почти сверхзвуковой скорости. Силовое поле, а может, божественная магия заглушает вой

ветра и не дает ему оторвать наши головы. По берегу кальдеры расположились сотни домов, окруженные акрами вылизанных лужаек и садов, жилища богов, надо полагать, а синие воды рассекают огромные самоходные триеры. Брастер Лин сказал как-то, что, по его прикидкам, Олимп имеет размеры Аризоны, а площадь вершины приблизительно совпадает с общей поверхностью Род-Айленда. Странно слышать, как что-то сравнивают с явлениями из иного мира, иного времени, иной жизни.

Держась за перила обеими руками, я заглядываю за вершину, и у меня захватывает дух.

Мы так высоко, что я вижу изгиб горизонта. На северо-западе лежит синий океан, на северо-востоке – побережье, и я вроде бы различаю вдали колоссальные каменные головы, обозначающие границу моря и суши. К северу тянется серпом безымянный архипелаг, еле видимый с берега в нескольких милях от наших казарм, а дальше – сплошная лазурь до самого полюса. На юго-востоке вырисовываются еще три горы, явно пониже Олимпа, но без климатического контроля и оттого в шапках белого снега. Я предполагаю, что одна из них – Геликон и там обитает Муза со своими сестрами, если они у нее есть. К югу и юго-западу на сотни миль лежат возделанные поля, затем дикие леса, за ними красная пустыня, потом... наверное, снова лес, хоть я и не уверен: даль теряется в туманной дымке, сколько ни моргай и ни три глаза.

Колесница выписывает крутой вираж и снижается над западным берегом Кальдерного озера. Белые точки, которые я заметил с высоты, оказываются мраморными домами; их украшают парадные лестницы, грандиозные фронтоны, изваяния и колонны. Я уверен, что никто из схолиастов не бывал этой в части Олимпа... А если и бывал, то не дожил до того, чтобы поделиться впечатлениями.

Мы опускаемся у самого большого из огромных зданий, голографические лошади исчезают. На траве в беспорядке стоят сотни небесных колесниц.

Муза достает из складок одеяния нечто вроде медальона.

– Хокенберри, мне поручили доставить тебя туда, где ты находиться не можешь. Мне также велели вручить тебе два предмета, чтобы тебя не обнаружили и не прихлопнули, как муху. Надень.

Она протягивает мне какой-то капюшон из тисненой кожи и медальон на цепочке – маленький, но увесистый, точно из золота. Муза наклоняется и поворачивает часть диска против часовой стрелки.

– Это персональный квант-телепортатор, как у богов, – негромко говорит она. – Он переносит в любое место, которое ты сможешь отчетливо представить. Этот квант-диск также позволяет двигаться по квантовому следу богов при их фазовом перемещении в пространстве Планка. Однако ни один бог или богиня, за исключением той, что дала мне этот медальон, не сможет отследить твою траекторию. Понятно?

– Да, – лепечу я в ответ.

Ну, все. Пришла моя погибель.

Следующий «дар» еще ужаснее.

– Это Шлем Смерти. – Муза через голову надевает мне узорчатый кожаный капюшон, но оставляет его собранным складками на шее. – Шлем Аида. Он изготовлен самим Аидом и единственный во вселенной скроет тебя от глаз богов.

Я оторопело моргаю. Из каких-то примечаний я смутно помню про «Шлем Смерти» и знаю, что «Аид» (*Аидес* по-гречески) предположительно означает «невидимый». Однако, если я не ошибаюсь, Аидов Шлем Смерти упомянут у Гомера лишь один раз – Афина надевает его, чтобы стать невидимой для бога войны Ареса. Чего ради кому-то из богинь давать его мне? Чего они от меня хотят? От одной этой мысли у меня подгибаются колени.

– Надень Шлем, – приказывает Муза.

Я неуклюже натягиваю на голову толстую дубленую кожу со вшитыми в нее цепочками микросхем и наноаппаратурой. В шлем встроены гибкие прозрачные окуляры и сетка на уровне рта. Воздух вокруг начинает странно колыхаться, но других изменений я не замечаю.

– Невероятно, – говорит Муза. И глядит сквозь меня.

Судя по всему, я осуществил мечту любого подростка – стал невидимкой. Хотя, как шлем скрывает все мое тело, я понятия не имею. Хочется рвануть отсюда и скрыться от Музы и всех прочих богов. Однако я подавляю этот порыв. Тут есть какой-то подвох. Ни бог, ни богиня, ни даже моя Муза не стали бы наделять простого схолиаста такой возможностью, не приняв определенных предосторожностей.

– Устройство защищает от любого взгляда, кроме взгляда той, что поручила мне дать тебе Шлем, – тихо говорит Муза, уставившись куда-то вправо от моей головы. – Однако эта богиня разыщет тебя где угодно, Хокенберри. И хотя медальон заглушает звуки, запахи и даже биение сердца, чувства богов превосходят твоё понимание. В ближайшие минуты держись рядом со мной. Ступай как можно легче, дыши как можно слабее и молчи. Если тебя обнаружат, ни я, ни твоя божественная покровительница не спасем тебя от ярости Зевса.

Как дышать неслышно, если ты напуган? Однако я киваю, забыв, что Муза меня не видит. Она ждет, как будто силясь различить меня своим божественным зрением.

– Да, богиня, – сипло отзываюсь я.

– Возьми меня за руку, – приказывает она. – Держись рядом и не отрывайся от меня. Ослушаешься – будешь уничтожен.

Я беру ее за локоть, словно робкая девушка на первом балу. Кожа у Музы холодная.

Однажды я посетил сборочный комплекс в космическом центре имени Джона Кеннеди на мысе Канаверал. Экскурсовод упомянул, что временами под крышей здания, в сотне футов над бетонным полом, собираются настоящие тучи. Возьмите этот комплекс, поставьте в углу помещения, где я очутился, – и он затеряется здесь, как брошенный детский кубик в соборе.

При слове «бог» вы представляете себе самых популярных – Зевса, Геру, Аполлона и пару-тройку других, но тут их сотни, а большая часть помещения свободна. В милях над нами распростерся золотой купол (греки не умели строить купола, так что это не похоже на консервативную архитектуру других великих зданий, которые я видел на Олимпе), и звуки разговора гулко разносятся в каждом уголке ошеломляющего пространства.

Полы, судя по виду, из кованого золота. Боги глядят вниз с округлых лож, опираясь на мраморные перила. Стены испещрены сотнями и сотнями сводчатых ниш, в каждой стоит беломраморное изваяние. Это статуи присутствующих богов.

То тут, то там мерцают голографические изображения ахейцев и троянцев – в основном полноцветные, трехмерные, в полный рост; люди спорят, едят, занимаются любовью или спят. Ближе к середине сияющий пол опускается и образует впадину, в которой уместились бы все олимпийские бассейны мира, вместе взятые. Здесь плавают, вспыхивая, другие картины Илиона в реальном времени: виды с высоты птичьего полета, крупные планы, панорамная съемка, полиэкран. Все диалоги слышны, будто греки и троянцы находятся в этом помещении. Вокруг видеопруда восседают на каменных тронах, лежат на мягких ложах, стоят в своих мультяшных тогах боги. Важные боги. Главные, известные каждому младшему школьнику.

Те, что попроще, сторонятся, пропуская Музу в центр, я почти бегу рядом, моя невидимая рука дрожит на ее локте; я стараюсь не шаркнуть сандалией, не споткнуться, не чихнуть, не дышать. Боги меня вроде не замечают. Есть подозрение, что, если меня заметят, я очень быстро об этом узнаю.

Муза останавливается в нескольких ярдах от Афины Паллады. Я чувствую себя трехлетним малышом, цепляющимся за мамину юбку.

Одна из младших богинь, Геба, снует в толпе, наполняя золотые кубки каким-то золотым нектаром; несмотря на это, боги ожесточенно спорят. С первого взгляда ясно, кто здесь

владыка, кто гонит по небу черные тучи. Огромный, бородатый, умощенный благовониями Зевс, бог богов, восседающий на высоком троне. Зевс не мультяшный, а страшная реальность. Его властное присутствие настолько осязаемо, что кровь в моих жилах застывает сгустками холодной слизи.

– Как нам управлять ходом войны? – вопрошает Громовержец, а сам так и мечет негодующие взгляды в сторону своей супруги, Геры. – Или судьбой Елены? Если богини вроде Геры Аргивской или Афины, заступницы воинов, постоянно вмешиваются – например, удерживают руку Ахиллеса от пролития крови Атрида?

Он устремляет грозовой взор на богиню, возлежащую на пурпурных подушках:

– Или ты, Афродита, с твоим вечным смехом, постоянно защищаешь этого красавчика Париса, отклоняешь от него метко брошенные копья и отгоняешь злых духов! Как явить волю богов и, что важнее, волю Зевса, если вы, богини, все время спасаете своих любимчиков вопреки Судьбе! Несмотря на твои махинации, Гера, Менелай еще, возможно, увезет Елену домой... Либо, кто знает, Илион еще победит. И не вам, горстке богинь, это решать.

Гера складывает руки на груди. В поэме ее столько раз величают «белорукой», что я почти поверил, будто они у нее самые белые на Олимпе, но хотя кожа у Геры и вправду почти молочная, она не светлее, чем у Афродиты, или дочери Зевса Гебы, или у любой богини из тех, кого я вижу с моего места рядом с видеопрудом... за исключением Афины, которая выглядит странно загорелой. Я знаю, что такие описания характерны для гомеровского типа эпической поэзии. Ахиллес, например, часто зовется «быстроногим», Аполлон – «дальноразящим», а имени Агамемнона предшествуют определения «пространнодержавный» и «повелитель мужей»; ахейцы в «Илиаде» почти всегда «пышнопоножные», корабли у них «черные» или «быстролетные», и так далее.

Повторяемые эпитеты лучше простых описаний отвечали строгим требованиям дактилического гекзаметра и позволяли певцу укладывать предложения в стандартный ритм. Я всегда подозревал, что многие ритуальные обороты, такие как «встала из мрака с перстами пурпурными Эос», – это словесные затычки, позволявшие певцу выиграть несколько секунд, чтобы вспомнить – или сочинить – следующие строки действия.

И тем не менее, когда Гера начинает отвечать мужу, я смотрю на ее руки.

– О жестокосердый сын Крона! – говорит она, сложив белые руки. – Что ты такое говоришь? Как смеешь ты называть мои труды бесполезными? Я проливала пот, бессмертный пот, собирая ахейские воинства, задабривая мужское эго каждого из героев, чтобы они не перебили друг друга раньше, чем убьют троянцев... Это же сколько сил – моих сил, о Зевс! – потрачено, чтобы навлечь великие несчастья на царя Приама, на Приамовых сынов и на Приамов град!

Громовержец хмурит брови, чуть подается вперед со своего неудобного на вид трона, сжимает и разжимает огромные белые кулаки.

Гера в отчаянии всплескивает ладонями:

– Поступай как знаешь – ты всегда так делаешь, – только не жди от нас, бессмертных, похвалы.

Зевс встает. Если рост других богов – восемь или девять футов, то в Зевсе все двенадцать. Его лоб грозно нахмурен, а голос гремит раскатами грома (и это не поэтическая метафора):

– Гера, моя любимая Гера! Что сделали тебе Приам и его сыновья? Отчего ты так яростно стремишься уничтожить Приамов град Илион?

Гера стоит молча, опустив руки, чем лишь подхлестывает царственный гнев Зевса.

– Это даже не злость, богиня, это ненасытность! – рычит он. – Ты не успокоишься, пока не высадишь ворота Трои, не разрушишь ее стены и не сожрешь сырьем Приама и всех Приамидов!

Лицо Геры вполне подкрепляет это обвинение.

– Ну... ну... – гремит Зевс, почти захлебываясь, как многие мужья на протяжении тысячелетий. – Делай что хочешь. Но запомни, Гера, когда я захочу погубить город, который мил тебе не меньше, чем мне прекрасный Илион, даже и не думай противиться моему гневу.

Богиня делает три стремительных шага вперед; в этот миг она похожа на атакующего хищника или на гроссмейстера, который увидел просчет в обороне противника.

– Да! В мире есть три города, которыми я дорожу: великий Аргос, Спарта, Микены, чьи улицы столь же широки и державны, как в твоей злополучной Трое. Можешь истреблять их в свое удовольствие, если того требует твоя страсть к разрушению. Я не скажу ни слова... Да и что толку? Сила на твоей стороне, господин мой. Однако не забывай, о Зевс: я тоже дочь Крона и потому заслуживаю твоего уважения!

– Я и не спорю, – бормочет Зевс, опускаясь на место.

– Так давай уступим друг другу, – отзывается Гера медоточивым голосом. – Я – тебе, а ты – мне. Прочие боги покорятся. Поспеш, муж мой! Ахиллес пока отказывается сражаться, а на поле брани затишье из-за глупого перемирия. Постарайся, чтобы троянцы первыми нарушили клятву и нанесли урон достославным ахейцам.

Зевс хмурится, ворчит, ерзает на троне, но приказывает чутко внимающей Афине:

– Спустись на затихшее поле брани между Троей и лагерем ахейцев. Позаботься, чтобы троянцы первыми нарушили клятву и нанесли урон достославным ахейцам.

– И в пылу победы бросились на аргивян, – подсказывает Гера.

– И в пылу победы бросились на аргивян, – устало повторяет Зевс.

Афина исчезает в квантовой вспышке. Зевс с Герой уходят, другие боги тоже начинают расходиться, негромко переговариваясь между собой.

Муза еле заметным движением пальца манит меня за собой и уводит прочь.

– Хокенберри, – произносит богиня любви, возлежащая на устланном подушками ложе.

Гравитация, пусть и ослабленная, подчеркивает прелесть ее роскошного, молочного, шелковистого тела.

Муза привела меня в полутемный чертог, освещенный лишь догорающей жаровней и чем-то, подозрительно смахивающим на экран компьютера. Она шепнула мне снять Шлем Смерти, и я с облегчением стянул кожаный капюшон, как ни страшно было вновь сделаться видимым.

Тут вошла Афродита и возлегла на ложе.

– Ступай, Мелета, я тебя позову, – кивнула она, и Муза скрылась за потайной дверью.

Вот оно что! *Мелета*. Не одна из девяти, а одна из трех сестер, в которых верили прежде. Мелета отвечала за «упражнение», Мнема – за «запоминание», Аоиде же досталось...

– Я видела тебя в чертоге богов, Хокенберри. – Голос Афродиты мгновенно пробуждает меня от ученой задумчивости. – И если бы я указала на тебя владыке Зевсу, от тебя не осталось бы и горстки пепла. Даже квит-медальон не дал бы тебе скрыться, ибо я могу следовать по траектории твоих фазовых перемещений в пространстве-времени. Знаешь, почему ты здесь?

Моя покровительница – Афродита. Она велела Музе вручить мне эти устройства. Что я должен сделать? Преклонить колени? Пасть ниц? Как к ней обращаться? За девять лет, два месяца и восемнадцать дней ни одно божество, кроме Музы, не давало понять, что знает о моем существовании.

Я ограничиваюсь учтивым поклоном, стараясь не пялиться на ее красоту, на розовые соски, просвечивающие сквозь тонкий шелк, и мягкий изгиб живота, бросающий тень на темный треугольник ткани там, где сходятся бедра.

– Нет, богиня, – выдавливаю я в конце концов, хотя уже не помню, что она спросила.

– Известно ли тебе, зачем тебя выбрали схолиастом, Хокенберри? Почему твою ДНК исключили из разрушения наночитами? Почему, еще до того, как тебя избрали для реинтеграции, твои тексты о войне заложили в симплекс?

– Нет, богиня.

Мою ДНК исключили из разрушения наночитами?

– Ты знаешь, что такое симплекс, смертная тень?

«Вирус герпеса?» – думаю я.

– Нет, богиня.

– Симплекс есть простой геометрический математический объект, упражнение в логистике, треугольник или трапеция, загнутые внутрь себя, – говорит Афродита. – Лишь в сочетании с множественными измерениями и алгоритмами, определяющими новые умозрительные области, через создание и отбрасывание допустимых подмножеств *n*-пространства, плоскости исключения становятся неизбежными контурами. Теперь понимаешь, Хокенберри? Понимаешь, как это применимо к квантовому пространству, времени, к войне там, внизу, или к твоей собственной участи?

– Нет, богиня. – Мой голос дрожит, и я ничего не могу с этим поделать.

Тихо шелестит ткань; я на миг поднимаю взгляд и замечаю изящное движение гладких бедер и нежных рук; самая обворожительная женщина в мире меняет позу, устраиваясь поудобнее.

– Не важно. Несколько тысяч лет назад ты, а вернее, твой смертный прототип написал книгу. Помнишь о чем?

– Нет, богиня.

– Повторишь еще раз, Хокенберри, и я разорву тебя от промежности до макушки и буквально пушу твои кишки себе на подвязки. Это тебе понятно?

Трудно говорить, когда во рту пересохло.

– Да, богиня, – выдавливаю я, слыша, как сипит мой голос.

– Твой труд занял девятьсот тридцать пять страниц, посвященных одному-единственному слову – *менин*. Сейчас-то вспомнил?

– Нет, бо... боюсь, что я все забыл, госпожа Афродита, но уверен, вы абсолютно правы.

Я снова украдкой гляжу на нее и успеваю заметить: богиня улыбается. Она подперла подбородок левой рукой, палец, прижатый к щеке, касается безупречно изогнутой темной брови. Какие у нее глаза! Цвета лучшего коньяка.

– Гнев, – тихо говорит она. – *Менин аэде теа...*¹¹ Ты знаешь, кто выиграет войну, Хокенберри?

Думать надо быстро. Я был бы плохим ученым, если бы не знал исхода поэмы. Хотя «Илиада» заканчивается погребением Ахиллесова друга Патрокла¹², а не падением Трои, а упоминание гигантского коня есть лишь в словах Одиссея, да и то в другой поэме... Но если я заявлю, будто знаю, чем кончится эта настоящая война, а из спора, который я только что подслушал, ясно, что запрет Зевса разглашать богам будущее, предсказанное в «Илиаде», по-прежнему в силе... то есть если сами боги не знают, что будет дальше, не поставлю ли я себя выше богов, в том числе Судьбы? Боги никогда не одобряли гордыню. И к тому же Зевс, который один знает всю «Илиаду», запретил другим богам задавать вопросы, а нам, схолиастам, говорить о любых событиях, кроме уже случившихся. Злить Зевса – определенно не лучший способ выжить на Олимпе. И все же меня вроде бы исключили из разрушения наночитами. С

¹¹ *Менин аэде теа*. – Гнев воспой, богиня (греч.).

¹² Хотя «Илиада» заканчивается погребением Ахиллесова друга Патрокла... – Трудно сказать, что это: авторская описка, проверка читательского внимания или отличие мира «Илиона» от нашего, в котором «Илиада» заканчивается погребением Гектора.

другой стороны, я целиком и полностью поверил богине любви, когда та сказала про подвязки из моих кишок.

– Что вы спросили, богиня? – только и могу выговорить я.

– Ты знаешь содержание «Илиады», однако я нарушу веление Зевса, если спрошу, что тут произойдет. – Афродита больше не улыбается, она даже слегка надувает губки. – Но я могу спросить, предсказывает ли поэма нашу реальность. По-твоему, схолиаст Хокенберри, кто правит миром – Зевс или Судьба?

Вот ведь черт! Как ни ответь, быть мне без кишок, а красавице-богине – в склизких подвязках. Я говорю:

– Насколько я понимаю, богиня, хотя вселенная послушна воле Зевса и должна подчиняться причудам божественной силы, которую именуют Судьбой, хаос тоже в какой-то мере влияет на жизнь людей и богов.

Афродита выпускает тихий смешок. Она вся такая мягкая, чувственная, соблазнительная...

– Мы не будем ждать, когда хаос решит исход состязания, – произносит она уже без смеха. – Ты видел, как Ахиллес удалился нынче с общего совета?

– Да, богиня.

– Тебе известно, что мужеубийца умолял Фетиду отомстить своим товарищам-ахейцам за обиду, нанесенную ему Агамемноном?

– Сам их разговора не видел, богиня, однако этот факт не противоречит... содержанию поэмы.

Кажется, выкрутился. Событие-то в прошлом. К тому же Фетида – мать Ахиллеса, и весь Олимп в курсе, что он попросил ее вмешаться.

– О да, – молвит Афродита, – эта коварная мерзавка с мокрыми грудями побывала здесь, обнимала колени Зевса, а наш бородатый хрыч только что вернулся с пирушки у эфиопов на водах Океана. Она умоляла его, ради Ахиллеса, даровать троянцам множество побед. Старый козел согласился, чем, само собой, разозлил Геру, верховную защитницу аргивян. Отсюда и сцена, которую ты видел.

Я стою перед ней, руки вытянуты по швам ладонями вперед, голова чуть склонена, и неотрывно слежу за богиней, точно за коброй, прекрасно зная, что если она решит меня атаковать, то атакует стремительней и смертоносней любой кобры.

– А знаешь, почему ты продержался дольше других схолиастов? – резко спрашивает Афродита.

Любое слово станет моим приговором. Молча, почти неслышно я мотаю головой.

– Ты жив, ибо я предвидела, что ты можешь сослужить мне службу.

Пот течет по лбу и щиплет глаза. Соленые ручьи бегут по щекам и шее. Девять лет, два месяца и восемнадцать дней моя обязанность заключалась в одном – наблюдать и не вмешиваться. Ни в коем случае. Никким образом не влиять на поведение героев, а тем паче на ход войны.

– Слышал, что я сказала, Хокенберри?

– Да, богиня.

– Ты хочешь узнать, что это за служба, схолиаст?

– Да, богиня.

Афродита встает с ложа. Я склоняю голову, но все равно слышу тихий шелест шелкового одеяния, слышу даже, как ее белые гладкие бедра трутся друг о друга, когда она приближается ко мне. Чувствую аромат благовоний и запах чистого женского тела. На миг я забыл, насколько высока богиня, но вспоминаю об этом, когда она нависает надо мной. Ее груди в дюймах от моего склоненного лба. Меня одолевает нестерпимое желание зарыться в благоуханную лож-

бину между этими грудями, и хотя я знаю, что карой будет немедленная смерть, в тот миг мне кажется, что оно бы того стоило...

Афродита кладет руку на мое напрягшееся плечо, гладит грубую тисненую кожу Аидова Шлема, проводит пальцами по моей щеке. Несмотря на ужас, я чувствую, как у меня встает.

Шепот богини щекочет ухо – ласковый, зазывный, чуть игривый. Она точно знает, что со мной, воспринимает это как должную дань. Она наклоняется совсем близко ко мне; я чувствую кожей тепло ее щеки, когда она шепчет мне два простых повеления.

– Отныне ты станешь следить для меня за другими богами, – спокойно произносит Афродита. И тихо, так тихо, что биение моего сердца почти заглушает ее слова, добавляет: – А когда придет время, ты убьешь Афину.

7. Централ Коннемарского хаоса

Пять моравеков с галилеевых спутников, включая Манмута, собрались в общем отсеке с искусственной атмосферой. Европейца Астига/Че – первичного интегратора из кратера Пуйл – он немного знал, но трое других были для провинциала Манмута непривычнее кракенов. Ганимедский моравек был высок, изящен, как все ганимедяне, атавистично гуманоиден, одет в бакикарбон и смотрел мушиными глазами. Каллистянин был ближе к Манмуту размером и конструкцией – примерно метр в длину и весом всего килограммов тридцать-сорок, гуманоидный лишь в самых общих чертах; под его прозрачным полимидным покрытием виднелась синтетическая кожа и местами даже настоящая плоть. Конструкт с Ио был... внушительным. Тяжелый моравек древнего образца, созданный, чтобы выдерживать плазменный тор и серные гейзеры, имел не меньше трех метров в высоту и шести в длину, а формой походил на земного мечехвоста; его прочная броня топорщилась мириадами трансформируемых манипуляторов, реактивных двигателей, объективов, жгутиков, гибких антенн, сенсоров широкого спектра и вспомогательных устройств. Он явно привык к существованию в вакууме; его панцирь, покрытый бесчисленными заполированными выбоинами, был рябой, как сама Ио. Здесь, в конференц-зале с накаченным воздухом, он пользовался мощными отталкивателями, чтобы не повредить пол. Манмут держался от него подальше, по другую сторону общей панели.

Никто не представился ни по инфракрасной связи, ни по фокусированному лучу, и Манмут решил поступить так же. Он молча подключился к питательным шлангам в своей нише, сделал пару глотков и стал ждать.

Как ни радовала его редкая возможность подышать, Манмута удивила плотность атмосферы – целых 700 миллибар, – особенно если учесть присутствие недышащих коллег с Ио и Ганимеда. Тут Астиг/Че начал коммуницировать с помощью микромодуляции воздушных волн – на английском языке Потерянной Эпохи, ни много ни мало, – и Манмут понял, что воздух здесь не для их удовольствия, а ради секретности. На галилеевых спутниках звуковая речь была самым защищенным каналом связи, и даже бронированный работник с Ио, приспособленный к условиям вакуума, имел устройство для ее восприятия.

– Хочу поблагодарить вас, что прервали дела ради сегодняшней встречи, – начал первичный интегратор из Пуйла, – в особенности тех, кто проделал большой путь. Мое имя Астиг/Че. Добро пожаловать, Корос третий с Ганимеда, Ри По с Каллисто, Манмут из южной полярной разведки здесь, на Европе, а также Орфу с Ио.

Манмут изумленно развернулся и тотчас включил персональную связь по фокусированному лучу. *Орфу с Ио? Мой давний шекспировский собеседник, Орфу с Ио?*

Да, это я, Манмут. Очень рад встретиться лично, друг мой.

Удивительно! Какова вероятность встретиться таким образом, Орфу?

Удивляться нечему, Манмут. Узнав, что тебя позовут в эту самоубийственную экспедицию, я сам напросился на приглашение.

Самоубийственную экспедицию?

– ...после пятидесяти с лишним юпитерианских лет контакта с постлюдьми, примерно шести земных веков, – говорил Астиг/Че, – мы утратили связь с ПЛ и ничего не знаем об их намерениях. Нас это беспокоит. Пора выслать экспедицию в лагерь и узнать, каков статус этих существ, и оценить, несут ли они прямую и непосредственную угрозу галилеевым спутникам. – Астиг/Че помолчал и добавил: – У нас есть основания подозревать, что это так.

До этого мгновения стена за спиной европейского интегратора была прозрачной, за ней громадный Юпитер висел над залитыми звездным сиянием ледяными полями, теперь она затуманилась и явила взглядам величавый хоровод планет и спутников вокруг далекого Солнца. Картинка резко увеличилась, и всю стену заняла Земля с ее кольцами и Луной.

– Последние пятьсот земных лет наши приборы улавливали все меньше активности в модулированном радио-, нейтрино- и гравитонном диапазонах со стороны постчеловеческих полярного и экваториального жилых колец, – сказал Астиг/Че. – В прошлом веке она прекратилась полностью. На самой Земле регистрируются лишь остаточные следы – возможно, связанные с деятельностью роботов.

– А как насчет горстки изначальных людей? Существуют ли они до сих пор? – спросил маленький каллистянин Ри По.

– Этого мы не знаем. – Интегратор провел ладонью по панели, и все окно заполнило изображение Земли.

Манмут затаил дыхание. Две трети планеты заливал солнечный свет. Сквозь движущиеся массы белых облаков были видны синие моря и остатки бурых материков. Манмут никогда прежде не видел Землю, и насыщенность красок его ошеломила.

– Изображение в реальном времени? – спросил Корос III.

– Да. Консорциум Пяти Лун построил небольшой оптический телескоп сразу же за головной ударной волной юпитерианского магнитодиска. Ри По принимал участие в проекте.

– Извините за слабое разрешение, – сказал каллистянин. – Мы не прибегали к астрономии видимого света более юпитерианского века, а с этой работой пришлось поспешить.

– Есть следы изначальных? – спросил Орфу с Ио.

Потомков твоего Шекспира, сказал Орфу Манмуту по фокусированному лучу.

– Неизвестно, – ответил Астиг/Че. – Максимальное разрешение чуть больше двух километров, и мы не видели признаков жизни или артефактов изначальных людей, помимо ранее закартированных развалин. Приборы улавливают слабую нейтринную активность факсов, однако она может быть остаточной или автоматической. По правде сказать, люди нас в данный момент не беспокоят. Нас беспокоят постлюди.

Моего Шекспира? Ты хотел сказать, нашего! передал Манмут огромному ионийцу.

Извини, Манмут. Как ни нравятся мне сонеты и даже пьесы твоего Барда, моя истинная страсть – Пруст.

Пруст! Этот эстет! Ты шутишь!

Ничуть. В инфразвуковом диапазоне фокусированного луча раздались грохочущие раскаты; Манмут догадался, что это смех Орфу.

Интегратор вывел на экран миллионы орбитальных поселений, вращающихся вокруг Земли. Одни были белые, другие серебристые, но даже здесь, в ярком солнечном свете, все выглядели необыкновенно холодными. И пустыми.

– Никаких челноков. Никаких признаков нейтринного факсирования между Землей и кольцами. А транспортный мост от колец до Марса, который мы наблюдали еще двадцать юпитерианских или примерно двести сорок земных лет назад, исчез.

– Полагаете, постлюди вымерли? – спросил Корос III. – Или мигрировали?

– Мы знаем, что произошли перемены в их использовании энергии – хронокластические, энергетические, квантовые и гравитационные, – сказал интегратор. Он был выше и чуть гуманоиднее Манмута, в ярко-желтых покровных материалах, и говорил мягким, спокойным, хорошо модулированным голосом. – Теперь нас интересует Марс.

На экране возникла четвертая планета.

Манмут никогда особо не интересовался Марсом. Он видел лишь изображения Потерянной Эпохи. Нынешняя планета ничуть не походила на фотографии и голограммы того времени.

Вместо ржаво-красной пустыни на новом изображении Марса было синее море, покрывающее почти все северное полушарие, а в долинах Маринера голубела лента шириной в несколько километров – река, впадающая в этот океан. Южное полушарие по большей части оставалось красновато-бурым, но здесь появились крупные зеленые пятна. Вулканы Фарсиды все так же тянулись темной цепью с юго-запада на северо-восток (один из них курился), однако

гора Олимп высилась теперь километрах в двадцати от большого залива северного океана. Белые облака клубились над солнечной половиной изображения, а за темным краем терминатора на равнине Эллады горели зеленые огоньки. К северу от побережья равнины Хриса Манмут различил несущиеся на север мощные завихрения циклона.

- Планету терраформировали, – сказал он вслух. – Постлюди терраформировали Марс.
- И как давно? – спросил Орфу с Ио.

Никто из обитателей галилеевых спутников не интересовался Марсом, да и вообще внутренними планетами (за исключением их литературы), так что это могло произойти в любое время за двадцать пять земных веков с разрыва между людьми и моравеками.

- За последние двести лет, – сказал Астиг/Че. – Возможно, за последние полтора века.

– Невозможно, – отрезал Корос III. – Марс нельзя было терраформировать в столь короткий срок.

- Да, невозможно, – согласился Астиг/Че. – Но это так.
- Выходит, постлюди переселились на Марс, – сказал Орфу с Ио.

– Мы так не думаем, – ответил маленький Ри По. – У наших марсианских изображений разрешение чуть лучше, чем у земных. Например, вдоль побережья...

В окне появился изогнутый полуостров, немного севернее того места, где реки долин Маринера (настолько широкие, что их можно было назвать длинными внутренними морями) впадали в залив и дальше несли свои воды в океан. Изображение увеличилось. Там, где суша – иногда это были безжизненные багровые холмы, иногда зеленые лесистые долины – подходила к морю, тянулся ряд темных пятнышек. Изображение увеличилось снова.

- Это что... скульптуры? – спросил Манмут.
- Мы думаем, каменные головы, – сказал Ри По.

Картинка немного сдвинулась, и в размытой тени Манмут вроде бы угадал высокий лоб, нос и выступающий подбородок.

– Какая-то нелепость, – сказал Корос III. – Чтобы опоясать весь океан, нужны миллионы голов с острова Пасхи...

– Мы насчитали четыре миллиона двести три тысячи пятьсот девять, – уточнил Астиг/Че. – Однако строительство не закончено. Обратите внимание на следующую фотографию, сделанную несколько месяцев назад, когда Марс максимально приблизился к нашей планете.

Мириады расплывчатых миниатюрных существ тянули за собой нечто, напоминающее ту же каменную голову, только поставленную на катки. Лицо было развернуто в небо, впадины глаз смотрели в объектив телескопа. Крохотные фигурки были как будто привязаны к голове множеством канатов. Как египетские рабы, тянущие плиты для пирамид, подумал Манмут.

- Это люди или роботы? – спросил Орфу.
- Похоже, ни те ни другие, – сказал Ри По. – Размеры неподходящие. И обратите внимание на цвет фигур в анализаторе спектра.

– Зеленые? – спросил Манмут. Реальные, не книжные загадки выводили его из равновесия. – Зеленые роботы?

– Или неизвестная прежде раса мелких зеленых гуманоидов, – серьезно произнес Астиг/Че.

- Орфу разразился инфразвуковым хохотом и сказал вслух:
- МЗЧ.

[?] передал Манмут.

Маленькие зеленые человечки, послал Орфу с Ио по общей связи и снова захохотал.

– Зачем нас вызывали? – спросил Манмут у Астига/Че. – Какое отношение имеет к нам терраформирование?

Интегратор вернул окну первоначальную прозрачность. Полосы Юпитера и ледяные поля Европы казались блеклыми после ярких красок внутренних планет.

– Мы посылаем на Марс экспедицию, – сказал Астиг/Че. – Задача – исследовать планету и выслать подробный отчет. Для этой миссии избрали вас. Если не желаете в ней участвовать, то можете отказаться прямо сейчас.

Четверка затихла во всех диапазонах коммуникации.

– «Выслать отчет» не обязательно значит «вернуться самим», – продолжал первичный интегратор. – Хотя бы потому, что у нас нет надежного способа возвратить вас в систему Юпитера. Пожалуйста, дайте знать, если хотите, чтобы вас заменили кем-нибудь другим.

Все четверо хранили молчание.

– Хорошо, – сказал европейский интегратор. – Подробности экспедиции вы загрузите через несколько минут, но сперва позвольте мне изложить главное. Для разведки на планете мы воспользуемся подлодкой Манмута. Орфу и Ри По будут картировать поверхность с орбиты, а Манмут и Корос третий спустятся. Нас особенно интересует происходящее на Олимпе, самом большом вулкане, и вблизи него. Активность квантовых перемещений там велика и необъяснима. Манмут доставит Короса третьего к побережью, и наш ганимедский товарищ проведет разведку.

Из книг и записей Манмут знал, что люди Потерянной Эпохи, намереваясь прервать собеседника, вежливо покашливали. Он издал звук, как будто прочищает горло.

– Извините за тупость, но как мы доставим «Смуглую леди» – так зовут подлодку – на Марс?

– Вопрос вовсе не глупый, – сказал интегратор. – Орфу с Ио?

Огромный бронированный мечехвост развернулся так, чтобы его разнообразные черные объективы смотрели на Манмута.

– Уже столетия мы ничего не посылали на внутренние планеты. И традиционная доставка заняла бы половину юпитерианского года. Мы решили прибегнуть к ножницам.

Ри По задвигался в своей нише:

– Я думал, ножницы предполагалось использовать только для межзвездных исследований.

– Консорциум Пяти Лун счел, что это важнее, – ответил Орфу с Ио.

– Полагаю, речь идет о каком-нибудь космическом корабле, – вмешался Корос III. – Или вы станете зашвыривать нас поодиночке, голышом, как цыплят из требуше?

Инфразвуковой хохот Орфу сотряс весь отсек; шутка явно пришлась ему по вкусу.

Манмут имел доступ к общей сети. Выяснилось, что требуше – человеческая осадная машина Потерянной Эпохи, допаровой цивилизации второго уровня, механическая, но более мощная, чем простая катапульта, способная бросать валуны больше чем на милю.

– Корабль есть, – сказал Астиг/Че. – Его конструкция позволяет достичь Марса за несколько дней. И у него есть модуль входа в атмосферу для подлодки Манмута... «Смуглой леди».

– За несколько дней, – повторил Ри По. – Каковы факторы характеристической скорости на выходе из потоковой трубы Ио?

– Чуть менее трех тысяч земных g, – сказал интегратор.

Манмут ни разу не испытывал силы тяжести более чем одна седьмая земной. Он попытался вообразить двадцать одну тысячу таких ускорений свободного падения. И не смог.

– При разгоне корабль, включая «Смуглую леди», будет наполнен гелем, – сказал Орфу с Ио. – Полетим, как интегральная схема в желатиновой форме.

Очевидно, Орфу участвовал в разработке космического корабля, а Ри По – в наблюдении за двумя планетами. Короса III наверняка предупредили, что он будет командиром. И лишь Манмута до сих пор держали в неведении. Наверное, потому, что его роль столь незначительна: вести «Смуглую леди» по марсианским морям. Может, и впрямь стоило отказаться от участия в экспедиции.

Пруст? – по фокусированному лучу спросил он огромного обитателя Ио.

Жаль, что мы не летим на Землю, дружище. Посетили бы Стратфорд-на-Эйвоне, купили бы по сувенирной кружечке...

Их старая шутка в новом контексте вновь стала смешной. Манмут по фокусированному лучу довольно прилично воспроизвел смех Орфу, и тот в ответ загромыхал так, что остальные слышали его в атмосфере конференц-зала.

Ри По не улыбался. Он подсчитывал.

– Ножницы дадут нам начальную скорость почти в две десятых скорости света, и даже после резкого торможения магнитным уловителем при входе в систему у нас будет скорость в одну тысячную световой – более трехсот километров в секунду. До Марса мы долетим достаточно быстро, хоть он сейчас и по другую сторону от Солнца. Но кто-нибудь подумал, как нам тормозить, когда мы до него доберемся?

– Да, – ответил Орфу с Ио, оборвав смех. – Мы об этом подумали.

Даже после тридцати юпитерианских лет существования Манмуту оказалось не с кем попрощаться на Европе. Уртцвайль, его прежний напарник по исследованиям, погиб в сомкнувшемся разводе у кратера Пуил пятнадцать лет назад, и с тех пор Манмут не сблизился ни с одним мыслящим существом.

Через шестнадцать часов после конференции Централ Коннемарского хаоса поручил специальным орбитальным буксирам извлечь «Смуглую леди» из открытого развода и запустить на орбиту, где вакуумные моравеки под руководством Орфу с Ио убрали подлодку в ожидающий марсолет, и древние межспутниковые индукционные двигатели потащили его на Ио. Участники полета обсудили, как его назвать, но ничего не придумали, первый порыв быстро остыл, и дальше он именовался просто «кораблем».

Как почти все космические аппараты, построенные моравеками за тысячи лет с начала межпланетных перелетов, корабль не блистал изяществом, во всяком случае по классическим стандартам. Он имел сто пятьдесят метров в длину и состоял главным образом из бакикарбоновых ферм с жатой тканью радиационной защиты, обмотанной вокруг модульных ниш, полуавтономных зондов, десятков антенн, сенсоров и канатов. От аппаратов системы Юпитера его отличали блестящий сердечник магнитного диполя и щегольские выдвижные отражатели. В шишковатом носу размещались четыре термоядерных двигателя и пять рогов уловителя Метлоффа – Феннелли¹³. Десятиметровый прыщ на корме вмещал сложенный боровый парус. Уловитель и парус потребуются только на этапе торможения, да и термоядерные двигатели не имели ничего общего с разгоном.

Манмут остался в заполненной гелем «Смуглой леди», Корос III и Ри По находились в шестидесяти метрах от него, в головном модуле управления, который они прозвали «мостиком». Предполагалось, что Ри По на время их стремительного перелета возьмет на себя навигацию, а Корос III будет официальным командиром. По плану ганимедянин должен был переместиться в подлодку Манмута незадолго до того, как «Смуглую леди» (освобожденную от геля) сбросят в марсианскую атмосферу. Когда она достигнет марсианского океана, Манмуту предстояло исполнить роль таксиста и доставить Короса III к тому месту, которое ганимедянин выберет для наблюдения. Корос загрузил различные детали миссии, которые Манмута не касались.

Орфу с Ио устроился в своей люльке на внешнем корпусе корабля, за десятью торами соленоидов и перед креплениями парусных канатов. С мостиком и подлодкой его соединяли

¹³ ...уловителя Метлоффа – Феннелли. – В 1974 г. физики Метлофф и Феннелли предложили использовать для межпланетных перелетов лист сверхпроводника, чтобы собирать космическую энергию.

все возможные голосовые, коммуникационные и дата-каналы. Нетехнические разговоры он вел по большей части с Манмутом.

Меня по-прежнему интересует твоя теория о драматическом построении цикла сонетов, друг мой. Надеюсь, мы проживем столько, что ты успеешь продолжить свой разбор.

Но Пруст! отозвался Манмут. *Зачем Пруст, когда можно посвятить все свое существование творчеству Шекспира?*

Пруст, возможно, лучший исследователь времени, памяти и восприятия, сказал Орфу.

Манмут ответил звуком статических помех.

Покрытый вмятинами житель Ио вновь разразился громоханием.

Надеюсь убедить тебя, друг мой Манмут, что у обоих можно найти прекрасное и поучительное.

По общей связи пришло сообщение Короса III: *Советую всем увеличить диапазон на визуальной линии. Мы приближаемся к плазменному тору Ио.*

Манмут открыл все визуальные каналы. Он предпочитал наблюдать за внешними событиями через объективы Орфу с Ио, однако сейчас носовые камеры корабля давали более интересную картину, и не обязательно в видимой части спектра.

Они неслись к испещренному желтыми и алыми пятнами лику Ио, приближаясь к планете ниже плоскости эклиптики и готовясь пройти над северным полюсом, прежде чем влететь в потоковую трубку Ио – Юпитер.

За время короткого перелета с Европы Орфу и Ри По загрузили полезную информацию об этой области юпитерианского космоса. Европейец Манмут привык в тамошнем черном океане следить в первую очередь за показаниями эхолота и визуальными данными в видимом диапазоне. Однако теперь он воспринимал магнитосферу планеты во всем ее многообразном грохоте. В декаметровом диапазоне радиоволн он видел впереди плазменный тор и под прямым углом к нему – потоковую трубку Ио, широкими рогами протянувшуюся к северному и южному полюсам Юпитера. Далеко за Юпитером и его лунами, за магнитопаузой, турбулентность головной ударной волны разбивалась, словно громадные белые валы о подводный риф, а в магнитной темноте за рифом пели свою вечную песню волны Ленгмюра. Пощелкивали ионно-звуковые волны, проделавшие долгий путь от Солнца, а само оно казалось отсюда не более чем очень яркой звездой.

Когда корабль пронесся над Ио и попал в потоковую трубку, Манмут слышал свистящий атмосферик и шипение, с которыми планетка пробивалась сквозь собственный плазменный тор, пожирая, так сказать, свой хвост. Он видел ленты экваториальной эмиссии и вынужден был приглушить декаметровый и километровый радиогрохот от самой потоковой трубки. Космос галилеевых спутников был пылающим горнилом электромагнитной активности и жесткого излучения – все существование Манмута прошло под этот фоновый гул, – но сейчас, при переходе из тора в потоковую трубку так близко от Юпитера, мощные каскады истерзанных электронов визжали вокруг корабля, словно рвущиеся в дом банши. Манмут нашел новые ощущения не слишком приятными.

Они были в потоковой трубке, и Корос III крикнул: «Держись!» – прежде чем звуковые каналы заглушил грохочущий ураган.

Плазменный тор Ио – это колоссальный бублик ионизированных частиц в шлейфе из сернистого газа, сероводорода и других газов, которые свирепая родина Орфу оставляла позади, а затем подхватывала вновь. Совершая виток вокруг Юпитера за 1,77 земных суток, Ио пересекает магнитное поле газового гиганта и пробивает собственный плазменный тор, так что между ней и Юпитером создается сильнейший электрический ток, двурогий цилиндр невероятно сконцентрированных магнитных возмущений, называемый потоковой трубкой. Трубка соединяет магнитные полюса Юпитера и вызывает там фантастические полярные сияния, а по

ее рогам постоянно течет ток примерно в пять мегаампер, производя более двух триллионов ватт энергии.

Несколько десятков лет назад Консорциум Пяти Лун решил, что грех не воспользоваться двумя триллионами ватт.

Манмут проводил взглядом северный полюс Ио. Выбросы серных вулканов – особенно Прометея у экватора далеко на юге – вздымались над шербокой поверхностью на сто сорок километров и выше, как будто свирепый спутник палит по беглецам, пытается обратить их вспять, пока они не прошли точку невозврата.

Поздно. Они были уже в этой точке.

На общее видео с носовых камер Ри По наложил навигационные скобы, показывающие их вход в потоковую трубку и выравнивание по ножницам. Юпитер мчался к судну, заполняя поле зрения, точно испещренная полосами стена.

Физические лезвия «ножниц» – двулопастного вращающегося ускорителя магнитных волн, встроенного в естественный ускоритель частиц потоковой трубки Ио, – имели длину восемь тысяч километров, то есть занимали лишь небольшой отрезок миллионокилометровой дуги, соединяющей северный полюс Ио с северным полюсом Юпитера.

Однако ножницы могли двигаться. Как объяснил Манмуту Орфу с Ио: «Момент вращения чудес таит немало¹⁴, мой маленький друг».

Судно, укрывшее в своих недрах любимую подлодку Манмута, достигло Ио и потоковой трубки – даже после полного разгона ионными буксирами – на скорости всего двадцать четыре километра в секунду, менее восьмидесяти шести тысяч километров в час. На этой скорости им потребовалось бы четыре часа только на путь от северного полюса Ио до северного полюса Юпитера, 3-годы, чтобы добраться до Марса. Однако они не собирались плестись таким черепашим шагом.

Корабль вошел в грохочущее, щелкающее, дрожащее поле потоковой трубки, выровнялся по верхнему лезвию ножниц и за счет ускоряющих свойств самой трубки пронес свой соленоид через пятикилометровые индукционные катушки сверхпроводящего дипольного ускорителя. Как только он вошел в первый шлюз – словно неуклюжий крокетный мячик, минующий первые ворота из тысячи, – лезвия ножниц-ускорителя начали раскрываться с угловой скоростью, которая приближалась к световой, а теоретически даже превышала ее. Секунду они неслись на кончике хлопающего бича, затем перепрыгнули с него на следующее лезвие, используя столько энергии из двух триллионов ватт, сколько могли захватить ножницы-ускоритель.

Судно – и все, что в нем находилось, – перескочило с нулевой гравитации до почти трех тысяч *g* за две и шесть десятых секунды.

Юпитер в мгновение ока рванулся навстречу и ухнул вниз. Манмут замедлил все свои мониторы, дабы сполна насладиться этими секундами.

– Йуу-хуу! – проорал Орфу с внешнего корпуса.

Подлодка и корабль скрипели и стонали от перегрузки, но они были сделаны из прочных материалов – «Смуглую леди», например, строили с расчетом на давление в миллионы килограммов на квадратный сантиметр в глубоких морях Европы, – и моравеки тоже.

– Офигеть! – сказал Манмут, намереваясь отослать замечание только Орфу с Ио, однако нечаянно передал его всем трем коллегам.

– Это точно, – отозвался Ри По.

Бурлящие полярные огни Юпитера – ослепительный овал северного сияния на полюсе газового гиганта вместе с пылающим отриском Ио там, где потоковая трубка сходилась с атмосферой, – в последний раз полыхнули вниз и пропали за кормой.

¹⁴ *Момент вращения чудес таит немало...* – Строка из стихотворения «Королевство божье» английского поэта Фрэнсиса Томпсона (1859–1907) «Любовь чудес таит немало», ставшая крылатой благодаря цитированию в песнях и кинофильмах.

Ганимед, от которого секунды назад их отделял миллион километров, понесся на них, промелькнул и пропал из виду.

– Урук Сулкус¹⁵, – произнес на общей линии Корос III.

Манмут в первый миг подумал, что моравек-командир поперхнулся или выругался, затем уловил чуть сентиментальную нотку в обычно бесстрастном голосе и понял: Корос имел в виду некую область на Ганимеде – проносащемся мимо полуразличимом, исцарапанном и грязном снежке, – бывшую его родиной.

Крохотный спутник по имени Гималия – никто из них там не бывал и вряд ли об этом жалел – просвистел мимо ошпаренным светлячком.

– Проходим фронт головной ударной волны, – с каллистянским акцентом сообщил Ри По. – Покидаем родное болотце, я так впервые.

Манмут посмотрел на свои экраны. Судя по тем показателям, которые выводил Ри По, они были на расстоянии пятидесяти трех диаметров Юпитера от планеты и продолжали ускоряться. Чтобы осознать их скорость, Манмуту пришлось заглянуть в неиспользуемые разделы памяти и найти диаметр Юпитера: двести сорок тысяч километров. Корабль летел над плоскостью эклиптики, но Манмут смутно помнил, что притяжение Солнца должно утянуть их в сторону Марса, который сейчас был по дальнюю сторону светила. Впрочем, навигация – не его забота. Его обязанности начнутся, когда они спустятся в марсианский океан, и не обещают трудностей. Яркое солнце, теплый климат, малые глубины с небольшим давлением, ночью можно ориентироваться по звездам, днем – по навигационным спутникам, которые они запустят на орбиту, почти никакой радиации по сравнению с поверхностью Европы... Кракенов нет. Льда нет. Даже льда! Как-то слишком все просто.

Разумеется, если постлюди окажутся враждебными, есть шанс, что моравеки не переживут перелет к Марсу или вход в атмосферу, а если и переживут, то с большой вероятностью не смогут вернуться в юпитерианский космос. Однако на это Манмут никак повлиять не мог. Его мысли начали возвращаться к сонету 127.

– У всех все в порядке? – спросил Корос III.

Остальные доложили, что у них все благополучно. Несколько тысяч g не могли сломить дух этой команды.

Ри По принялся сообщать другие космогационные факты, однако Манмут не особенно прислушивался. Он уже попал в мощное гравитационное поле сонета 127, первого из тех, что посвящены «смуглой леди».

¹⁵ *Урук Сулкус* – рытвины Урук, светлая вытянутая область на Ганимеде.

8. Ардис-Холл

Даэман крепко спал и видел во сне женщин.

Он находил немного забавным, если не странным, что дамы снились ему, когда он спал один. Как будто ему требовалась теплая женская плоть каждую ночь и подсознание восполняло ее недостаток, если дневные усилия не приводили к желаемому результату. Сегодня, когда он проснулся, довольно поздно, в удобной комнате Ардис-Холла, сон рассыпался в клочки, однако их, вкупе с утренней эрекцией, хватило, чтобы вернуть смутное воспоминание об Аде или о ком-то очень на нее похожем: теплой белой коже, аромате духов, полных ягодичах, округлых грудях и крепких бедрах. Даэман с нетерпением ждал грядущей победы и этим чудесным утром почти не сомневался в успехе.

Приняв душ, побрившись и надев то, что считал нарядом в небрежном деревенском стиле: хлопковые брюки в бело-голубую полоску, саржевый жилет, пастельный пиджак, белую шелковую рубашку, галстук с рубиновой булавкой и черные кожаные ботинки (чуть попрочнее его обычных парадных туфель), он взял любимую деревянную тросточку и отправился завтракать в залитую солнцем оранжерею, где, к своей радости, узнал, что Ханна вместе с этим несносным Харманом покинули особняк на рассвете. «Готовятся к вечерней плавке», – загадочно сообщила Ада, и Даэман не стал просить объяснений. Ему было вполне довольно, что Хармана в доме нет.

Ада больше не заводиала нелепых разговоров о книгах или космических кораблях, зато провела с Даэманом целое утро, показывая ему Ардис-Холл – многочисленные флигели, коридоры, винные погреба, потайные ходы и старинные мансарды. Он помнил такую же экскурсию в прошлый приезд, когда наивная девчушка Ада вот так же водила его по особняку. На крыше располагалась платформа джинкеров, и, взбираясь туда по шаткой лестнице вслед за Адой, Даэман, всегда внимательно такое высматривавший, на долю мгновения почти увидел рай юнца¹⁶ под ее юбкой. Он прекрасно помнил молочные бедра и темные пунктирные тени.

Сегодня они поднялись по той же лестнице на ту же платформу, однако на сей раз Ада жестом указала Даэману лезть первым, лишь улыбнувшись на джентльменский лепет о том, что дам нужно пропускать вперед. Улыбка намекала, что тот давний случай не остался незамеченным, как полагал Даэман.

Ардис-Холл был высок, и джинкерная платформа с ее все еще не потускневшими досками красного дерева выдавалась между фронтонами в шестидесяти футах над гравийной дорожкой, вдоль которой ржавыми скарабеями застыли войниксы. Даэман держался подальше от неогороженного края, Ада же, напротив, остановилась прямо над пустотой, с тоской глядя на газон и далекую линию леса.

– Разве ты не отдал бы все на свете, чтобы заполучить работающий джинкер? – спросила она. – Хотя бы на несколько дней?

– Нет. А зачем?

Ада указала рукой с длинными пальцами:

– Даже в детском джинкере можно было бы пролететь над лесом и рекой, над холмами на западе... Мчаться и мчаться день за днем, прочь от всяких факс-узлов...

– Чего ради?

Ада мгновение смотрела на него.

– Тебе что, совсем не любопытно? Что там, вдали?

Даэман обмахнул жилет, стряхивая несуществующие крошки.

¹⁶ ...рай юнца... – Из маски «Отмщенный Меркурий» (1615) Бена Джонсона.

– Не будь глупышкой, дорогая. Ничего интересного там нет. Сплошные дебри. Ни единой души. Все, кого я знаю, живут на расстоянии мили от факс-узла. К тому же здесь водятся тираннозавры.

– Тираннозавры? В нашем лесу? Чепуха. Мы их здесь отродясь не видели. Кто тебе такое наболтал, кузен?

– Ты, дорогая. В прошлый раз, когда я у вас гостил пол-Двадцатки тому назад.

Ада мотнула головой:

– Так я тебя, наверное, дразнила.

Даэман задумался, вспомнил, как боялся все эти годы вернуться в Ардис-Холл, скольких ночных кошмаров ему это стоило, и насупился.

Словно прочитав его мысли, Ада беспечно улыбнулась:

– Ты никогда не задумывался, кузен, отчего постлюди установили численность нашей расы ровно в миллион человек? Почему не миллион один? И не девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять? А?

Даэман заморгал. Он пытался связать ее мысли о детском джинкере из Потерянной Эпохи и динозаврах с населением Земли, которое было одинаковым... всегда. И ему не нравились назойливые напоминания, что они кузены, поскольку древние суеверия порой мешали сексуальным отношениям между родственниками.

– Я нахожу, что такие праздные раздумья ведут к несварению желудка, даже в столь чудесный день, дорогая. Не поговорить ли нам о чем-нибудь более приятном?

– Конечно. – Она одарила его самой любезной улыбкой. – Давай спустимся и разыщем других гостей перед ланчем и отъездом на литейную площадку.

На сей раз она первой ступила на лестницу.

Летучие сервиторы подали завтрак в северном внутреннем дворе. Даэман любезно поболтал с некоторыми молодыми гостями, – оказалось, несколько человек прибыли нарочно ради вечернего «лития», что бы это ни означало. После еды многие расположились на диванах в доме или в удобных шезлонгах в тени на лужайке и прилегали, накрыв глаза туринскими пеленами. Обычное время под туриной составляло час, и Даэман пошел к опушке, высматривая бабочек.

У подножия холма к нему присоединилась Ада.

– Ты не смотришь турины, кузен Даэман?

– Не смотрю, – ответил он чуть более ханжески, чем намеревался. – За почти десять лет я к этому привык, но предпочитаю воздерживаться. И ты тоже, Ада, дорогая?

– Когда как, – ответила девушка. Она на ходу вертела персикового цвета зонтик от солнца, и мягкие отсветы придавали ее светлой коже восхитительный оттенок. – Время от времени слежу за событиями... Наверно, я просто слишком занята, оттого и не пристрастилась, как многие в наши дни.

– Турины стали всеобщим увлечением.

Ада остановилась в тени огромного раскидистого вяза, опустила и закрыла зонт.

– Но ты пробовал хоть раз?

– О да. В середине моей второй Двадцатки это было очень модно. Вот я и... хватил удовольствия через край. – Даэман не сумел скрыть отвращения в голосе. – С тех пор – никогда.

– Не переносишь жестоких сцен, кузен?

Даэман пожал плечами:

– Скорее, не люблю подменять настоящую жизнь вымыслом.

Ада тихонько рассмеялась:

– Ты говоришь совсем как Харман. У вас есть что-то общее.

Утверждение было настолько несурзным, что Даэман лишь поворошил тросточкой палую листву.

Ада взглянула на солнце, вместо того чтобы активировать функцию времени на ладони.

– Им уже пора подниматься. Один час под пеленой равен восьми часам страстных переживаний.

– Ах, – сказал Даэман, гадая, была ли в ее устах избитая фраза двусмысленным намеком. Ее выражение, как всегда любезное, но чуточку озорное, не давало разгадки.

– Скажи, а это самое «литье», оно... надолго затянется?

– По плану – почти до утра.

Даэман изумленно заморгал.

– Мы же не собираемся разбивать лагерь на берегу реки или где там еще?

Интересно, возрастут ли его шансы провести ночь с Адой под покровом звездного неба и колец?

– Все будет подготовлено для удобства тех, кто захочет остаться на площадке до рассвета, – сказала Ада. – По словам Ханны, зрелище обещает быть очень живописным. Но большинство из нас вернется в особняк вскоре после полуночи.

– А вина и другие напитки там будут подавать?

– Обязательно.

Теперь уже улыбнулся Даэман. Пусть остальные тешатся зрелищем, а он будет весь вечер подливать Аде вина, направлять «страстные» намеки в желаемое русло, затем проводит ее домой (если повезет и если он подсуется, они поедут вдвоем в маленькой одноколке) и очарует своим вниманием. В общем, еще чуть-чуть удачи – и нынешней ночью ему не будут сниться женщины.

Ближе к вечеру сервиторы собрали два десятка гостей (многие увлеченно обсуждали сегодняшние туринские события и бесконечно повторяли, что Менелай получил отравленную стрелу в бок или что-то в таком роде), и кавалькада одноколок и дрожек потянулась к «литейной площадке». Одни войниксы тянули повозки, другие трусили рядом для охраны, хотя Даэман не понимал, зачем это нужно, если тираннозавров в лесу нет.

Не без помощи небольшой военной хитрости Даэман оказался в той же одноколке, что и хозяйка. Всю дорогу Ада показывала ему необычные деревья, лощины и ручьи, пока повозка с мерным гудением и перестуком катилась мили две по грунтовой дороге к реке. Даэман занял на красной кожаной скамеечке немного больше места, чем требовала его приятная полнота, и в награду всю поездку чувствовал Адино бедро.

Они въехали на известняковый гребень над долиной, и Даэман увидел, что место назначения – не сама река, а ее приток, тихая заводь шириной в сотню ярдов, где вода намыла что-то вроде пляжа. Там высилось шаткое сооружение из бревен, веток, обыкновенных и винтовых лестниц, желобов и пандусов. На взгляд Даэмана, это походило на виселицу, хотя настоящих виселиц он, разумеется, никогда не видел. Из мелководного притока торчали факелы, а само сооружение стояло наполовину на песке, наполовину в воде. Ярдах в ста дальше заводь отделял от реки узкий островок, заросший папоротником и саговниками. Из зарослей с оглушительными криками и хлопаньем крыльев то и дело взмывали птицы и мелкие летающие рептилии. Даэман лениво гадал, водятся ли на острове бабочки.

На лужайке над пляжем стояли яркие шелковые палатки, шезлонги и длинные накрытые столы. Сервиторы летали туда-сюда, иногда зависая над головами прибывших гостей.

Идя вместе с Адой от повозки, Даэман узнал некоторых работников, суется на чудных подмостках: на верхней площадке Ханна в красной косынке связывала части конструкции. Сумасшедший Харман, без рубашки, потный и дочерна загорелый, поддерживал огонь в двадцати футах ниже Ханны. По лестницам и пандусам сновала молодежь, видимо друзья

Ады и Ханны; они таскали песок, еще ветки для конструкции и круглые камни. В глинобитных внутренностях сооружения бушевало пламя, выбрасывая в вечеряющее небо снопы ярких искр. Действия работников выглядели осмысленными, хотя Даэман решительно не понимал, зачем вообще нужна гора из палок, песка, огня и глины.

Подлетевший сервитор предложил ему выпивку. Даэман принял бокал и отправился искать свободный шезлонг в тени.

– Вот это – купол, – объясняла Ханна гостям чуть позже тем же вечером. – Мы трудились над ним целую неделю: сплавляли материалы по реке на каноэ, резали и гнули ветки.

Это происходило после вполне приличного обеда. Солнце еще освещало вершины холмов по ближнюю сторону реки, но долина уже погрузилась в тень, и оба кольца ярко сияли в темнеющем небе. Искры плясали и улетали к кольцам. Звук кузнечных мехов и рев огня оглушали. Даэман взял еще напиток – восьмой или десятый за вечер – и предложил другой бокал Аде. Та лишь мотнула головой и вновь стала слушать подругу.

– Мы сплели что-то вроде корзины и покрыли середину печи огнеупорной глиной – мы сделали это лопатой, смешав сухой песок, мягкую глину и воду. Затем скатали из глиноподобной массы шары, завернули их в листья папоротника, чтобы не пересохли, и обложили ими печь. Вот почему деревянный купол не загорается.

Даэман не понимал, к чему это все. Зачем строить нелепую деревянную конструкцию и разводить внутри огонь, если не хочешь, чтобы она загорелась? Сумасшедший дом какой-то.

– Последние несколько дней, – продолжала Ханна, – мы по большей части поддерживали огонь и гасили купол там, где он загорался. Потому-то и строили возле реки.

– Потрясающе, – пробормотал Даэман и отправился за новым бокалом вина, пока Ханна и ее друзья – даже несносный Харман – продолжали бубнить, вворачивая бессмысленные словечки вроде «коксовая калоша», «воздушная коробка», «фурма» (Ханна объяснила, что это дырка в обмазанной глиной печи, рядом с которой девушка по имени Эмма качала мехи), «зона плавки», «формовочная смесь», «шлаковая летка». Это звучало варварски и, на слух Даэмана, не совсем прилично.

– А теперь пора посмотреть, работает ли, – объявила Ханна. В ее голосе чувствовались разом усталость и восторг.

Гостям велели отступить на песок. Даэман вернулся к столам, а все молодые люди – включая ненавистного Хармана – засуетились. Искры полетели выше. Ханна взбежала на верх так называемого купола, Харман заглянул в глиняную печь и что-то потребовал, Эмма качала мехи, пока не рухнула без сил и ее не сменил худой парень по имени Лоэс. Даэман вполуха слушал объяснения Ады, которая, задыхаясь от восторга, объясняла столпившимся друзьям какие-то подробности. Даэман уловил слова «сопло фурмы», «заслонка» и «охлажденный шлак» (хотя пламя ревело сильнее прежнего). Он отошел еще футов на пятнадцать-двадцать.

– Температура металла – две тысячи триста градусов! – крикнул Харман.

Ханна утерла со лба пот, что-то поправила на верху купола и кивнула. Даэман размешал свой напиток, гадая, скоро ли ему удастся оказаться с Адой в одноколке.

Тут раздался шум. Даэман поднял глаза, ожидая увидеть, что несуразное сооружение вспыхнуло, а Ханна и Харман полыхают, будто соломенные куклы. Он немного ошибся. Правда, Ханна и впрямь сбивала одеялом язычки огня, охватившего лестницу; при этом она отмахивалась от помощников-сервиторов и даже от войника, поспешившего защитить людей от опасности. Тем временем Харман и двое других перестали заглядывать в печь и только что открыли «летку», выпустив поток желтой лавы, которая по деревянным желобам потекла на пляж.

Некоторые гости бросились вперед, однако крики Ханны и жар расплавленного металла заставили их отступить.

Грубо сколоченные желоба задымились, но не вспыхнули. Ало-желтый металл медленно тек из сооружения, мимо лестниц, в крестообразную форму, выкопанную в песке.

Ханна сбегала по лестнице и помогла Харману закрыть «летку». Потом оба заглянули через дырочку в печь и сделали что-то (объясняла гостям Ада) со «шлаковой леткой» (Даэман смутно понял, что она отличается от просто «летки»). Затем молодая женщина и старый мужчина – который скоро будет мертвым старым мужчиной, жестоко подумал Даэман, – прыгнули на песок и побежали к форме.

За ними потянулись еще смельчаки. Даэман побрел следом, поставив бокал на поднос пролетающему сервитору.

У реки было довольно прохладно, и все же в лицо Даэману ударил жар от светящейся алым крестообразной формы.

– Что это? – громко спросил он. – Какой-то религиозный символ?

– Нет, – ответила Ханна, вытирая косынкой потное, измазанное сажей лицо и улыбаясь точно полоумная. – Это первая бронза, выплавленная за... сколько, Харман? За тысячу лет?

– Возможно, за три тысячи, – тихо ответил тот.

Гости зашушукались и заплодировали.

Даэман рассмеялся.

– А какой в этом прок? – спросил он.

Потный, голый по пояс Харман поднял на него взгляд:

– Какой прок от новорожденного младенца?

– Вот и я говорю, – сказал Даэман. – Столько же гама, проблем и вони... и никакого проку.

Остальные не обращали на него внимания. Ада обнимала Хармана, Ханну и других работников, как если бы они в самом деле сделали нечто стоящее. Харман и Ханна вновь залезли на купол, принялись заглядывать в отверстия и тыкать в печь металлическими прутьями, как будто собирались выпустить еще лаву. Очевидно, заключил Даэман, пиротехническое шоу было рассчитано на всю ночь.

Внезапно ему приспичило. Даэман обошел столы, глянул на туалетную палатку и решил – в духе всего этого варварского бреда – справить нужду на свежем воздухе. Он зашагал по траве к границе темного леса, следуя за пролетевшей мимо бабочкой-монархом. Монарх – не такая уж редкая бабочка, но странно было видеть его порхающим так поздно и в такое время года. Даэман прошел мимо последнего войника и вступил под сень вязов и саговников.

Кто-то, возможно Ада, что-то крикнул с берега в сотне футов отсюда, однако Даэман уже расстегнул штаны и не хотел показаться невоспитанным. Вместо того чтобы обернуться и ответить, он прошел еще футов двадцать во мрак леса. Дело займет не больше минуты.

– А-а-а-ах, – выдохнул Даэман, глядя на оранжевую бабочку в десяти футах над собой, пока струя мочи била в темный древесный ствол.

Гигантский аллозавр, тридцать футов от носа до кончика хвоста, выбежал из чащи со скоростью тридцать миль в час, пригибаясь под ветками.

У Даэмана было время закричать, но он предпочел застегнуть брюки, вместо того чтобы развернуться и побежать в расстегнутых. При всем своем распутстве Даэман был человек стыдливый. Он поднял трость, готовясь дать динозавру отпор.

Аллозавр сожрал трость вместе с рукой, вырванной из плеча. Даэман снова закричал и крутанулся в фонтане собственной крови.

Аллозавр повалил его на землю, оторвал другую руку – подбросил ее в воздух и поймал пастью, точно лакомый кусочек. Затем огромной когтистой лапой прижал безрукий, но все еще дергающийся торс к земле, готовясь опустить ужасную морду. Небрежно, почти играючи, чудовище перекусило Даэмана пополам, заглотив голову и верхнюю часть туловища целиком.

Ребра и хребет хрустнули и исчезли в его пасти. Затем аллозавр сожрал ноги и нижнюю часть туловища, раздирая мясо, как собака, когда ест крысу.

Тут зазвенел факс, и в тот же миг два войникса подбежали и убили динозавра.

– Боже мой! – воскликнула Ада, останавливаясь на опушке леса и глядя, как войниксы завершают кровавую расправу.

– Как неприятно, – сказал Харман. Он замахал другим гостям, чтобы не приближались. – Ты не говорила ему оставаться внутри периметра, охраняемого войниксами? Не говорила о динозаврах?

– Он спросил про тираннозавров, – сказала Ада, по-прежнему прижимая руку ко рту. – Я ответила, что их поблизости нет.

– Что ж, в целом это правда, – заметил Харман.

Плавильня у них за спиной по-прежнему ревела и плевалась искрами в темнеющее небо.

9. Илион и Олимп

Афродита превратила меня в лазутчика. Известно, как поступаем со шпионами мы, люди. Я могу лишь вообразать, что сделают со мной боги. Хотя нет, лучше не надо.

Наутро после того дня, когда я стал секретным агентом богини любви, Афина квант-телепортируется с Олимпа и принимает облик троянца, копейщика Лаодока. Исполняя веление Зевса – побудить троянцев к тому, чтобы те первыми нарушили перемирие, – она ищет лучника Пандара, Ликаонова сына.

С помощью даров Музы я квитируюсь следом, морфирую в троянца по имени Эхепол и следуя за богиней.

Почему я выбрал Эхепола? Отчего имя этого мелкого военачальника мне знакомо? И тут я соображаю, что Эхеполу осталось жить всего несколько часов. Если Афина в образе Лаодока и впрямь положит конец перемирию, то этому троянцу, по крайней мере согласно Гомеру, первому пронзят голову пикой.

Что ж, к тому времени я с превеликим удовольствием верну мистеру Эхеполу его тело и личность.

В «Илиаде» перемирие нарушили сразу после того, как Афродита унесла Париса, не дав им с Менелаем сразиться один на один, но в реальности этой Троянской войны неоконченная схватка между Менелаем и Парисом произошла годы назад. Нынешнее перемирие было куда прозаичнее: какой-то посол Приама встретился с ахейским вестником. Стороны выработали соглашение о прекращении боевых действий на время торжества, погребения или чего-нибудь в таком роде. У греков и троянцев религиозных праздников столько же, сколько у индусов двадцать первого века, а светских выходных не меньше, чем у американских почтовых служащих. Даже удивительно, как они находят время друг друга убивать между всеми этими пирами, жертвоприношениями богам и десятидневными тризнами.

С той поры, как я поклялся себе восстать против воли богов (и тут же оказался их пешкой в еще большей мере, чем раньше), меня занимает вопрос, насколько быстро и ощутимо реальный ход событий в этой войне может отклониться от гомеровского повествования. Прошлые расхождения – те, что связаны со смотром войск или временем недопоединка между Менелаем и Парисом, – были невелики. Их легко объяснить тем, что Гомеру требовалось втиснуть некоторые эпизоды многолетней войны в короткий отрезок десятого года. Но что, если события и впрямь пойдут иначе? Что, если я сегодня утром подойду... скажем, к Агамемнону и проткну вот этим копьем (да, это копье бедного обреченного Эхепола, но ведь все равно копье) царское сердце? Боги могут многое, но они не способны возвращать к жизни умерших смертных. (Да и мертвых богов, хоть это и звучит как оксюморон.)

Кто ты, Хокенберри, чтобы перечить Судьбе и нарушать волю богов? спрашивает малодушный профессорский голосок, которого я слушался большую часть своей настоящей жизни.

Я – это я, Томас Хокенберри, отвечает мое нынешнее «я» при всей своей фрагментированности, *и мне опротивели пустоголовые качки-кровопийцы, зовущие себя богами.*

Теперь я в роли скорее лазутчика, чем схолиаста, слушаю разговор между Афиной (в облике Лаодока) и этим болваном (хотя и отменным лучником) Пандаром. Обращаясь как один троянский воин к другому, Афина-Лаодок взывает к тщеславию придурка, уверяет, что царевич Парис осыплет его бесценными дарами, если он убьет Менелая, и даже уподобляет Пандара первому из лучников Аполлону, если только он попадет в цель.

Пандар заглатывает наживку с крючком и грузилом. «Так говоря, безрассудного воспламенила», – описал этот миг один замечательный переводчик. Друзья закрывают Пандара щитами, а он натягивает лук и выбирает идеальную стрелу для убийства. Исследователи «Илиады» веками спорили, применялись ли в Троянской войне отравленные стрелы. Большинство,

и я в том числе, утверждали, что нет: как же, благородные герои, кодекс чести... Мы ошибались. Греки и троянцы порой прибегали к яду. Смертельному и быстродействующему. Оттого-то многие описанные в «Илиаде» раны так скоро приводили к гибели.

Пандар спускает тетиву. Отличный выстрел. Провожая стрелу взглядом: она описывает широкую дугу в сотни ярдов и летит точнехонько в рыжеволосого брата Агамемнона. Менелай стоит на самом виду, вместе со своими воинами наблюдая за переговорами вестников на ничейной полосе. Вот-вот острый наконечник вопьется в грудь... Если, конечно, какое-нибудь греколюбивое божество не вмешается.

Божество вмешивается.

Я своим измененным зрением наблюдаю, как Афина бросает тело Лаодока и квитируется к Менелая. Богиня ведет двойную игру – она подбила троянцев нарушить перемирие и тут же устремилась на выручку своему любимцу Менелая. Закутанная с ног до головы, не видимая никому, кроме меня, она отбивает стрелу, словно мать, отгоняющая муху от спящего сына. (Кажется, это сравнение я украл, но точно не знаю: я уже очень давно не читал «Илиаду» ни в оригинале, ни в переводе.)

И все же выстрел попадает в цель. Менелай кричит от боли и падает на землю. Стрела торчит у него из живота, чуть повыше паха. Неужели Афина оплошала?

Все в замешательстве. Послы Приама торопливо скрываются за спинами троянских лучников, ахейские переговорщики бросаются под защиту греческих щитов. Агамемнон, который воспользовался перемирием, чтобы дать смотр выстроенным войскам (возможно, цель инспекции – показать свою власть на утро после Ахиллесова мятежа), возвращается и видит, что его брат корчится на земле, а вокруг столпились подчиненные и младшие военачальники.

Нацеливаю в их гущу короткий жезл. По виду это щегольской посох, какой мог бы принадлежать мелкому троянскому командиру, но это не собственность Эхепола, а обычное снаряжение схолиаста, тазер и остронаправленный микрофон. Он улавливает и усиливает звук на расстоянии до двух миль и передает его в наушники, которыми я всегда пользуюсь на Илионской равнине.

Агамемнон толкает чертовски трогательную прощальную речь. Обнимая плечи и голову Менелая, он расписывает, как жестоко отомстит троянцам за убийство благородного Менелая, и тут же начинает сокрушаться, что, несмотря на его, Агамемнона, кровавое возмездие, после смерти Менелая ахейцы падут духом, прекратят осаду и уплывут по домам на черных кораблях. И правда, зачем отвоевывать Елену, если ее муж-рогоносец мертв? Обнимая стонущего брата, Агамемнон продолжает разыгрывать предсказателя: «Здесь, на Приамовых пашнях, твое тело станет добычей червей, и сгниют твои кости, о брат мой, у стен невзятых Илиона, и дело твое не свершится». Очень душеподъемно. Ровно то, что хочется услышать умирающему.

– Погоди-погоди! – мычит Менелай сквозь стиснутые зубы. – Не хорони меня раньше времени, старший брат. Рана не опасна, видишь? Стрела пробила мой бронзовый пояс и воткнулась в жировую складку, от которой я хотел избавиться, не в яйца и не в живот.

– А, да, – говорит Агамемнон хмуро и глядит на место, задетое стрелой. Он почти разочарован. Еще бы, такая речь коту под хвост, а он, похоже, готовил ее заранее.

– Но стрела отравлена, – хрипит Менелай, будто утешая брата.

Взмокшие, спутанные волосы раненого вываливаются в траве, золотой шлем откатился при падении. Агамемнон вскакивает так быстро, что Менелай грохнулся бы о землю, не подхватив его соратники, зовет своего вестника Талфибия и велит ему разыскать Махаона, сына Асклепия. Это личный врач Агамемнона, причем отлично знающий свое дело; говорят, он перенял мастерство у дружественного кентавра Хирона.

Теперь место похоже на поле битвы любой эпохи. Раненый отошел от первого шока, он кричит, ругается и плачет от боли. Рядом стоят на коленях друзья, бесполезные, ничем не могущие помочь. Подбегает врач со своими подручными, отдает указания, извлекает из рву-

щегося мяса зазубренный бронзовый наконечник, отсасывает яд, накладывает чистую повязку, и все это время Менелай визжит, как та самая резаная свинья.

Агамемнон оставляет брата с Махаоном и принимается воодушевлять войска, хотя злые, угрюмые, грозные ахейцы готовы ринуться в бой без всяких призывов. Даже отсутствие Ахиллеса не охладило их пыл.

Через двадцать минут после того, как Пандар выпустил свою злополучную стрелу, перемирие закончено, и греки атакуют троянские ряды на двухмильной полосе грязи и крови.

Мне пора вернуть Эхеполу его тело, пока бедолага не получил медной пикой в лоб.

Я очень смутно помню свою настоящую жизнь на Земле. Не знаю, была ли у меня жена, дети, где я жил... Так, всплывают в голове размытые картинки: заставленный книгами кабинет, где я читал и готовился к лекциям. От университета в Индиане, где я преподавал, в памяти остались кирпичные и каменные здания на холме, откуда открывался чудесный вид на восток. Удивительное дело: у нас, схолиастов, через месяцы и годы все же возвращаются обрывочные воспоминания, не связанные с Гомером. Возможно, потому боги и не позволяют нам жить долго. Я – самое старое исключение.

Однако я помню аудитории, лица студентов, мои лекции, споры за овальным столом... Помню, как молоденькая студентка спросила: «А почему Троянская война тянулась так долго?» Еще помню, у меня был соблазн ответить, что она выросла в эпоху быстрого питания и быстрых войн – «Макдональдса» и Войны в Заливе, бургеров и войны с терроризмом, а в древние времена древние греки, как и их противники, не видели смысла спешить ни за хорошим обедом, ни на поле битвы.

Вместо того чтобы упрекать студентов за неумение ничем заниматься долго, я объясняю, что эти герои любили сражаться. Они называли битву словом *харме*, которое происходит от того же корня, что глагол *харо* – «радоваться». Я прочел им отрывок, в котором сошедшиеся в единоборстве противники описываются как *хармеи гефосуои*, «радующиеся сече». Объяснил греческую концепцию *аристеи* – поединка или сражения с небольшим числом воинов, в котором герой мог показать свою доблесть. Рассказал, как важно это было для древних – настолько, что большие битвы часто приостанавливали, чтобы воины с обеих сторон могли увидеть *аристею*.

– Вы, типа, хотите сказать, – выдавливает студентка; ее мозги буксуют, ее речь иллюстрирует ту неспособность говорить и мыслить, что, словно вирус, распространилась среди американской молодежи в конце двадцатого столетия, – что война, типа, была бы короче, если бы они, типа, не останавливались для этой аристи-как-ее-там?

– Именно так, – со вздохом ответил я, бросая взгляд на старые настенные часы в надежде на избавление.

Но теперь, после десяти лет созерцания *аристеи* въяве, я могу с полной уверенностью сказать: любовь троянцев и аргивян к единоборству – и впрямь одна из причин этой затяжной осады. И, как всякий американец в слишком долгой поездке по Франции, я мечтаю вернуться к фастфуду или, в данном случае, к быстрой войне. Парочка бомбовых ударов, воздушный налет, трам-пам, спасибо, мадам, домой к Пенелопе.

Но сегодня я думаю иначе.

Эхепол – первый троянец, павший в этом сражении.

Возможно, дело в том, что он только что получил обратно свое тело и оттого туго сообщает, но когда его группу троянцев атакуют греки, которых ведет Антилох, сын Нестора и друг Ахиллеса, бедняга Эхепол слишком медленно поднимает копье, и Антилох бьет первым. Бронзовый наконечник пробивает косматый шлем Эхепола и входит в череп. Один глаз выва-

ливається из глазницы, мозги вытекают сквозь зубы. Эхепол падает, будто рухнувшая башня, как любил говаривать Гомер.

Начинается действо, которое я видел множество раз, однако оно не перестает меня завораживать. Да, троянцы и греки дерутся в первую очередь ради славы, это верно, но военная добыча почти так же важна. Они – профессиональные воины, убийство – их работа, а награбленное – плата. Львиную долю чести и добычи в битве доставляют воину искусно сделанные, пышно украшенные щиты, пояса, поножи и нагрудные латы убитых врагов. Завладеть снаряжением противника для античного героя – примерно как для индейца сиу получить ку, только гораздо выгоднее. Латы военачальников как минимум изготовлены из драгоценной бронзы, а у тех, что повыше рангом, еще и украшены золотом и самоцветами.

Итак, закипает бой за латы убитого Эхепола.

Ахеец Элефенор, сын Халкодонта, пробивается вперед, хватая Эхепола за ноги и тащит окровавленный труп сквозь мелькание копий, мечей и щитов. Я много раз видел Элефенора в ахейском лагере, наблюдал его в стычках и должен сказать, имя ему вполне подходит. Он огромный, с широченными плечами, могучими руками, сильными ногами; не самый умный в войске Агамемнона, но мощный и смелый вояка. Этот Элефенор, сын Халкодонта, которому в прошлом июне исполнилось тридцать восемь, вождь абантов и владыка Эвбеи, тащит труп Эхепола за наступающих ахейцев и принимается его раздевать.

Троянский герой Агенор, сын Антенора и отец Эхекла (и того и другого я видел на улицах Илиона), пробивается между сражающимися ахейцами и видит, что Элефенор, склонившись над Эхеполом, не закрыл бок щитом. Агенор бросается вперед и вгоняет копьё в бок Элефенору, ломая ребра и превращая сердце в бесформенную массу. У Элефенора хлещет изо рта кровь, он падает. Подбежавшие троянцы оттесняют ахейцев. Агенор выдергивает из убитого копьё и начинает срывать с Элефенора пояс, поножи и нагрудные латы. Его товарищи отгаскивают полуголый труп Эхепола за троянские ряды.

Вокруг убитых разгорается бой. Ахеец по имени Аякс – Большой Аякс, или Аякс Теламонид, царь Саламина (не путать с Малым Аяксом, предводителем локров), прорубается вперед и, спрятав меч в ножны, пронзает пикой совсем юного троянца Симоисия, который выступил вперед, чтобы прикрыть отступление Агенора.

Всего неделю назад, в роще за надежной стеной Илиона, я в образе троянца Сфенела выпивал с Симоисием и травил непристойные байки. Шестнадцатилетний юноша, который не был женат и никогда не знал женщины, рассказал, что отец, Анфемийон, назвал его по реке Симоис, бегущей рядом с их скромным домом в миле от городских стен. Симоисию не было и шести, когда на горизонте показались черные корабли ахейцев. Отец ни в какую не хотел пускать чувствительного мальчика на войну и лишь несколько недель назад уступил желанию сына. Юноша признался мне, что боится не самой смерти; его страшила мысль, что он умрет, так и не коснувшись женской груди, не изведав первой любви.

Большой Аякс издает воинственный крик и разит Симоисия – отбивает его щит и вгоняет копьё с такой силой, что наконечник, вонзившись чуть выше правого соска, пробивает лопатку и на фут выходит из спины. Симоисий шатается, падает на колени и смотрит в изумлении – сперва на Аякса, затем на древко в своей груди. Большой Аякс упирается обуютой в сандалию ногой в лицо Симоисия и выдергивает копьё; мальчик ничком падает в мокрую от крови пыль. Большой Аякс бьет себя в нагрудный доспех и ревом зовет своих воинов за собой.

Троянец Антиф с расстояния в двадцать пять футов бросает в Аякса пику, но промахивается и попадает в ахейца Левка, который помогает Одиссею тащить труп еще одного троянского военачальника. Копьё вонзается Левку в пах и выходит через анальное отверстие, таща на конце завитки красно-серых кишок. Левк падает на мертвого троянца, но еще какое-то жуткое мгновение извивается, сиюсь вытащить копьё, однако лишь вываливает себе на колени

еще внутренности. Все это время Левк вопит и свободной рукой цепляется за окровавленную руку Одиссея.

Левк наконец умирает, его глаза стекленеют. Одна его рука по-прежнему сжимает копье Антифа, другая стискивает запястье Одиссея. Тот высвобождается из хватки мертвеца и оборачивается. Его темные глаза под краем бронзового шлема сверкают, высматривая цель. Какую угодно цель. Одиссей бросает пику и сам кидается следом. В троянских рядах возникает брешь, в которую устремляются ахейцы.

Первым под ударом Одиссея падает Демокоон, побочный сын илионского царя Приама. Девять лет назад я был в городе в то утро, когда Демокоон прибыл защищать Приамов Илион. Все знали, что царь нарочно поставил юношу главным над своими знаменитыми конюшнями в Абидосе, городе к северо-востоку от Трои на южном берегу Геллеспонта, чтобы держать его подальше от глаз ревливой супруги и законных детей. Абидосские кони были лучшими и самыми быстрыми на свете, и говорили, что Демокоон считал честью стать конюшим в столь молодом возрасте. Сейчас он оборачивается на грозный клич Одиссея, и тут острая пика пробивает ему левый висок, проходит насквозь и пригвозждает раздробленную голову к опрокинутой колеснице. Демокоон буквально не успел понять, что произошло.

Троянцы отступают по всей линии, отброшенные назад яростью Одиссея и Большого Аякса; если удастся, тащат знатных убитых с собой, если нет – бросают.

Гектор, величайший герой Илиона и самый честный из людей, спрыгивает с колесницы, врывается в ряды бегущих, пытается пустить в ход пику и меч, зовет троянцев не отступать, однако даже он вынужден податься назад под натиском ахейцев и лишь призывает товарищей к дисциплине. Троянцы рубятся мечами и мечут копья, но отходят.

Я в облике илионского копейщика отступаю быстрее других, не боясь прослыть трусом. Ранее я окутался невидимостью от смертных взоров и двинулся туда, где видел за ахейскими рядами Афины; вскоре к ней присоединилась Гера (обе богини были невидимы для людей). Однако бой вспыхнул так быстро и развивался так яростно, что я покинул первые ряды вскоре после гибели Эхепола, надеясь, что улучшенное зрение и остронаправленный микрофон помогут мне уследить за событиями.

Неожиданно воздух густеет, и все вокруг замирает. Кровь не течет, копья повисают в воздухе. Те, кто должен умереть в следующие секунды, получают отсрочку, о которой никогда не узнают. Все звуки стихают, всякое движение прекращается.

Боги вновь играют в игры со временем.

Первым прибывает Аполлон, его колесница квитируется недалеко от Гектора. Следом возникает бог войны Арес; минуту он зло спорит с Афиной и Герой, затем на своей колеснице перелетает над рядами воинов и опускается возле Аполлона. К ним присоединяется Афродита, смотрит в мою сторону – туда, где я притворяюсь, будто застыл, как прочие смертные, – улыбается и заговаривает со своими троянолюбивыми союзниками, Аресом и Аполлоном. Я краешком глаза наблюдаю, как богиня любви указывает на поле сражения, словно грудастый Джордж Паттон¹⁷.

Боги здесь, чтобы драться.

Аполлон взмахивает рукой, тишину разбивает грохот, время накатывает, словно цунами движения и пыли, бойня возобновляется с новой силой.

¹⁷ ...словно грудастый Джордж Паттон. – Джордж Смит Паттон-младший (1885–1945) – один из самых видных американских генералов во время Второй мировой войны, воевал в Северной Африке, во Франции и в Германии.

10. Парижский Кратер

Ада, Харман и Ханна выждали два дня (наименьший срок, который приличия требовали выдержать перед посещением человека, вернувшегося из лазарета) и факсировали в Парижский Кратер, чтобы навестить Даэмана. Там была ночь, темная и холодная, а к тому же, как они обнаружили, выйдя из-под крыши Гардельонского факс-узла¹⁸, шел дождь. Харман отыскал крытое ландо, и войникс покатиł их на северо-запад, мимо разрушенных домов, вдоль высохшего русла реки, усеянного белыми черепами.

– Я никогда не бывала в Парижском Кратере, – сказала Ханна. Девушка, которой оставалось два месяца до первой Двадцатки, не любила большие города, а ПК с его двадцатью пятью тысячами полупостоянных жителей был одним из самых населенных факс-узлов на Земле.

– Отчасти поэтому я выбрала Гардельонский узел, а не порт под названием «Инвалидный отель», ближе к тому месту на краю кратера, где живет Даэман, – ответила Ада. – Все в этом городе древнее, и его стоит посмотреть.

Ханна с сомнением кивнула. Ряды строений из камня и стали, по большей части одетые теперь в сверкающий твердопласт, выглядели пустыми, темными и под дождем блестели дешевым глянцем. По темным улицам деловито летали сервиторы и светопузыри, по углам недвижно стояли безмолвные войниксы, и только люди почти не встречались. Хотя, конечно, как заметил Харман, было уже больше десяти вечера, а даже мегаполис вроде Парижского Кратера должен когда-то спать.

– А вот это уже занято! – воскликнула Ханна, указывая на грандиозное сооружение, вздымающееся на тысячу футов над городом.

Харман кивнул:

– Начало Потерянной Эпохи. Некоторые говорят, что эта конструкция – ровесница Парижского Кратера, а может быть, и города, который был тут раньше. Символ города и народа, который ее воздвиг.

– Интересно, – повторила Ханна.

Тысячефутовая грубая статуя обнаженной женщины была по виду сделана из какого-то прозрачного полимера. Голова то исчезала в низких облаках, то вновь мелькала в очередном просвете, и Ханна видела, что лицо лишено черт, только между алыми губами зияет оскал. От сферической головы кудрями отходили пятидесятифутовые пружины. Женщина стояла, расставив ноги, ступни терялись во мраке между домами, а внутри одной ляжки разместился бы весь Ардис-Холл. В исполинских карикатурных грудях бурлила багряная фотолюминесцентная жидкость, то сбегая водопадом к животу и ногам, то поднимаясь к воздетым рукам и ухмыляющемуся лицу. Свет от живота, груди и огромных ягодиц заливал рубиновым сиянием верха кушечки построек вокруг кратера.

– Как ее называют? – спросила Ханна.

– *La putain enorme*¹⁹, – ответила Ада.

– И что это значит?

– Никто не знает, – сказал Харман и велел войниксу повернуть налево, на шаткий мост.

Ландо въехало на то, что было островом, когда в реке сухих черепов текла вода. Некогда здесь стояло довольно большое здание, теперь, словно яйцо в гнезде рухнувших стен, светился багровым низкий купол.

¹⁸ ...выйдя из-под крыши Гардельонского факс-узла... – Названия в Парижском Кратере представляют собой искаженные современные названия: Гардельон – *Gare de Lyon* (Лионский вокзал), Инвалидный отель – *Hôtel des Invalides* (Дом инвалидов) и др.

¹⁹ Исполинская блудница (фр.).

– Жди тут, – сказал Харман войнику и повел девушек через заросшие развалины к прозрачному куполу.

Посреди помещения стояла четырехфутовая плита белого камня, пол у ее основания изрезали желоба и сточные канавки. За плитой высилось грубое изваяние голого мужчины, вырезанное из того же камня. Мужчина целился из лука.

– Мрамор, – определила Ханна, проведя рукой по гладкой поверхности. – А что это за место?

– Святилище Аполлона, – ответил Харман.

– Я слышала о новых храмах, – заметила Ада, – но никогда их прежде не видела. Я думала, это редкость – несколько алтарей в лесу, поставленные шутки ради.

– Их много и в Парижском Кратере, и в других крупных городах, – сказал Харман. – Храмы Афины, Зевса, Ареса – в общем, всех богов из туринской истории.

– А желоба и канавки... – начала Ханна.

– Это для стекающей крови жертвенных животных, – объяснил Харман. – По большей части овец и коров.

Ханна сделала шаг назад и сложила руки на груди.

– Люди же не станут... убивать животных?

– Не станут, – ответил Харман. – У них для этого есть войникисы. По крайней мере, пока.

Ада стояла у входа; ливень за ее спиной превратил дверной проем в мерцающий пурпуром водопад.

– А что здесь было прежде? В этих развалинах?

– Я почти уверен, что это храм Потерянной Эпохи, – сказал Харман.

– В честь Аполлона? – Ханна вся напряглась, прижав сложенные руки к телу.

– Вряд ли. Среди обломков попадаются куски статуй, однако это не боги, не люди, не войникисы и, думаю, даже не совсем... демоны. Для них есть старинное слово – «горгулья», но я не знаю, что оно означает.

– Давайте отсюда выбираться, – сказала Ада.

Они пересекли реку сухих черепов и вновь поехали на запад. Широкие бульвары закончились. Здесь здания Потерянной Эпохи были увенчаны новыми, более высокими постройками, в том числе очень новыми, вероятно, не старше тысячи лет, – черными кружевными конструкциями из бакикарбона и блестящего под дождем бамбука. Ханна вызвала функцию поиска, и светлый квадратик над ее левой ладонью засветился сперва янтарным, затем красным и, наконец, зеленым по мере того, как они по винтовым лестницам и на лифтах поднимались от уровня улицы на уровень мезонинов, оттуда на висячую эспланаду в пятнадцати этажах над крышами старого города, а с эспланады к жилым отсекам. У перил эспланады Ханна остановилась глянуть вниз. Как всех, кто бывал здесь впервые, ее заворожил немигающий алый глаз посреди бездонного черного кратера; Аде пришлось взять подругу за локоть и вести к следующему лифту и лестнице.

Как ни странно, дверь в жилище Даэмана открыл не сервитор, а человек. Ада представила своих друзей, и женщина (на вид ей было чуть за сорок, как всем на четвертой-пятой Двадцатке) назвалась Мариной, матерью Даэмана. Она повела их по коридорам, покрашенным в теплых тонах, и по внутренней винтовой лестнице, через общие помещения к личным апартаментам на кратерной стороне жилой башни.

– Разумеется, сервитор доставил сообщение, что вы придете, – сказала Марина, останавливаясь перед красивой резной дверью красного дерева, – однако Даэмана я не предупредила. Он все еще... взволнован... после несчастного случая.

– Однако самого происшествия не помнит? – спросил Харман.

– Не помнит, конечно, – ответила Марина. Ада начинала замечать в этой привлекательной, приятно полноватой рыжеволосой женщине некоторое сходство с Даэманом. – Хотя вы знаете, как говорят... клеточная память.

«Правда, клетки уже не те», – подумала Ада. И промолчала.

– Думаете, наш приход его расстроит? – спросила Ханна. Аде подумалось, что тон у нее скорее любопытный, чем озабоченный.

Марина изящно развела руками, словно говоря: «Посмотрим», затем постучала в дверь и, услышав приглушенный голос сына, отворила.

Комната была просторная, обитая яркими тканями; ее украшали легкие шелковые ковры и кружевные занавески вокруг спального уголка. Дальняя стена, целиком из стекла, открывалась на личный балкон. Лампы горели приглушенно, но сразу за балконом полыхали огни вечернего города, а в полумиле, за темным кратером, сияли созвездия фонарей, светопузырей и мягких электрических огней. Даэман сидел в кресле у окна, по которому бежали дождевые струи, и смотрел на город, словно размышляя об огнях. При виде гостей он заморгал, но тут же указал им на расставленную по кругу мягкую мебель. Марина ушла, закрыв за собой дверь. Ада, Ханна и Харман сели. Сквозь приоткрытые стеклянные двери через экраны тянуло свежестью, дождем и влажным бамбуком.

– Мы решили тебя проведать, – сказала Ада. – И еще я должна попросить прощения за несчастный случай... за то, что не позаботилась о госте.

Даэман улыбнулся и пожал плечами, но руки у него немного дрожали. Он положил их на колени, прикрытые полами шелкового халата.

– Я мало что помню. Какой-то шум в чаше, запах падали, – да, это тоже, – и сразу же резервуар в лазарете. Сервиторы, конечно, рассказали, что произошло. Это было бы забавно, не будь сама мысль настолько... омерзительна.

Ада кивнула, подалась вперед и взяла его за руку:

– Прости меня, Даэман-ур. В последние десятилетия аллозавры в поместье почти не заходили, да и войниксы всегда нас защищают...

Даэман нахмурился, но руку у нее не отнял.

– Не очень-то они меня защитили.

– Да уж, странно. – Харман скрестил ноги и постучал пальцами по гофрокартоновому подлокотнику кресла. – Очень странно. Не припомню, когда последний раз войникс не защитил человека в такой ситуации.

Даэман поднял на него глаза:

– Вам привычны ситуации, когда рекомбинантные животные едят людей, Харман-ур?

– Нет, несколько. Я имел в виду ситуации, когда люди в опасности.

– Еще раз прости, – сказала Ада. – Войниксы повели себя необъяснимо, однако моя беспечность неизвинительна. Я сожалею, что твоя поездка в Ардис-Холл оказалась испорчена и происшествие смутило твое чувство гармонии.

– Смутило, да... возможно, не совсем точное слово для описания того, что тебя сожрал шеститонный хищник, – сказал Даэман, однако чуть улыбнулся и кивнул, принимая извинения.

Харман сдвинулся на край кресла, сцепил руки и принялся покачивать ими, подчеркивая значимость своих слов.

– У нас остался неоконченный разговор, Даэман-ур...

– Про космический корабль? – Ирония в голосе Даэмана сменилась сарказмом.

Но Хармана оказалось трудно сбить с толку. Он продолжал покачивать сцепленными руками в такт своей речи.

– Да. Хотя не только... Это наша конечная цель, а для начала... Что угодно, лишь бы летало. Джинкер. Соньер. Ультралайт. Главное – перемещаться между факс-порталами.

Даэман под его напором подался назад и скрестил руки:

– Почему ты так настаиваешь? И чего вы ко мне-то пристали?

Ада коснулась его руки:

– Даэман, мы с Ханной слышали от разных людей, что на недавнем рауте в Уланбате – с месяц назад, если не ошибаюсь, – ты говорил знакомым, будто знаешь человека, который видел космический корабль... и упоминал перелеты между узлами...

Даэман сумел сделать разом непонимающий и раздраженный вид, но потом рассмеялся и тряхнул головой.

– Ведьма, – сказал он.

– Ведьма? – переспросил Харман.

Даэман развел руками, повторяя грациозный жест матери.

– Так мы ее называли. Забыл настоящее имя. Сумасшедшая. Очевидно, на Последней Двдцатке. – Он быстро глянул на Хармана. – Под конец жизни люди теряют связь с реальностью.

Харман улыбнулся и пропустил намек мимо ушей.

– Так ты не помнишь, как ее звали?

Даэман повторил свой жест, уже досадливо.

– А где ты ее видел? – спросила Ада.

– На прошлом «Горящем человеке»²⁰. Года полтора назад. Не помню где... в каких-то холодных краях. Мои друзья факсировали из Чома, и я просто к ним присоединился. Церемонии Потерянной Эпохи меня никогда особо не увлекали, но там собралось много красивых женщин.

– Я там была! – воскликнула Ханна, сверкая глазами. – Народу было очень много, тысяч десять.

Харман извлек из кармана многократно сложенный лист и принялся расправлять его на оттоманке между ними.

– А название узла помнишь?

Ханна помотала головой:

– Это один из полузабытых, пустых. Организаторы разослали код узла за день до церемонии. Похоже, там никто не живет. Помню каменистую долину, а вокруг – снега. И еще все пять суток Горящего Человека светило солнце. Днем и ночью. И холод был жуткий. Сервиторам пришлось раскинуть над всей долиной поле Планка и расставить повсюду обогреватели, но за пределы долины никого не выпускали.

Харман посмотрел на свой мятый, выцветший лист микропергамент. Страницу покрывали кривые линии, точки и загадочные значки, как в книгах. Он ткнул пальцем в самый низ рисунка:

– Вот. То, что когда-то было Антарктикой. Узел называется «Сухая долина».

Даэман непонимающе захлопал ресницами.

– Это карта, над которой я работал пятьдесят лет, – сказал Харман. – Двухмерное изображение Земли. Здесь нанесены известные факс-узлы и записаны их коды. В Антарктике отмечены семь узлов, но лишь в одном из них – в этой сухой долине, про которую я слышал, хотя сам там не бывал, – нет снега и льда.

Даэман по-прежнему ничего не понимал. Даже Ада и Ханна выглядели озадаченными.

– Не важно, – сказал Харман. – Но если солнце светило день и ночь, то узел, вероятно, в этой сухой долине. Полярным летом оно в некоторые дни вообще не садится.

²⁰ На прошлом «Горящем человеке». – «Горящий человек» (Burning Man) – ежегодное событие, которое проводят в Америке с 1986 года и которое организаторы определяют как эксперимент по созданию сообщества радикального самовыражения. Кульминация события – сожжение огромной деревянной статуи человека.

– Оно и в Чоме не садится, когда на улице июнь, – вставил Даэман, изнывая от скуки. – Это рядом с твоей сухой долиной?

– Нет. – Харман указал на верх карты. – Я почти уверен, что Чом расположен тут, на большом полуострове выше полярного круга. Северный, а не южный полюс.

– Северный полюс? – переспросила Ада.

Даэман глянул на девушек:

– А я еще думал, та ведьма на Горящем Человеке сумасшедшая.

– Ты помнишь, что еще говорила та женщина, ведьма? – спросил Харман. Он был так увлечен, что несколько не обижался.

Даэман устало потряхнул головой:

– Так, болтовня. Мы все немного перебрали. Это была ночь Сожжения, и мы не спали несколько суток из-за того, что ночи светлые, так, задремывали на пару часиков в большой оранжевой палатке. Последний вечер всегда завершается оргией, и я подумал, что, возможно, она... впрочем, на мой вкус она была старовата.

– Но она говорила о космическом корабле? – Харман изо всех сил старался проявлять терпение.

Даэман снова развел руками:

– Кто-то... молодой человек, по виду ровесник Ханны... сетовал, что с финального факса у нас нет соньеров, чтобы на них летать. И эта... ведьма... она, вообще-то, сидела очень тихо, хотя, очевидно, тоже порядком наклюкалась... сказала, что на Земле есть и джинкеры, и соньеры, надо лишь места знать. Она сказала, что постоянно ими пользуется...

– Ну а корабль? – настаивал Харман.

– Она сказала, что видела его, вот и все. – Даэман поморщился и потер виски. – Около музея. Я еще поинтересовался, что такое музей, только она не ответила.

– Почему ее прозвали ведьмой? – спросила Ханна.

– Ну, это не я начал. Все так говорили, – ответил Даэман, как будто оправдываясь. – Думаю, это из-за ее слов, будто бы она не факсировала, а пришла пешком, хотя это совершенно невозможно... во всей долине нет больше ни одного узла, да и вообще ничего, а поле Планка не позволило бы туда проникнуть...

– Точно, – сказала Ханна. – Последний Горящий Человек был в самом удаленном месте, куда мне случалось факсировать. Жаль, что я не поговорила с той женщиной.

– Я видел ее только в две ночи, первую и последнюю, – сказал Даэман. – Да и то она по большей части не раскрывала рта, если не считать того странного разговора.

– А как ты догадался, что она старая? – мягко спросила Ада.

– Ты имеешь в виду, не беря в расчет ее явного безумия?

– Да.

Даэман вздохнул:

– Она *выглядела* старой. Как если бы слишком часто навевалась в лазарет. – Он нахмурился, припомнив, что сам только что побывал в лазарете. – Она выглядела старше всех, кого я знаю. Кажется, у нее даже были эти... борозды на лице.

– Морщины? – проговорила Ханна чуть ли не с завистью.

– Но имя ее ты не запомнил? – спросил Харман.

Даэман мотнул головой:

– Кто-то у костра обратился к ней в ту ночь по имени, но я не... Понимаете, я тоже много выпил и долго не спал...

Харман глянул на Аду, набрал в грудь воздуха и спросил:

– Случайно, не Сейви?

Даэман вскинул голову:

– Да. Думаю, да. Сейви... да, звучит похоже. Необычно.

Харман с Адой многозначительно переглянулись, и Даэман спросил:

– А что? Это важно? Вы ее знаете?

– Вечная Жидовка, – сказала Ада. – Ты слышал легенду?

Даэман устало улыбнулся:

– Про женщину, которая каким-то образом пропустила финальный факс тысячу четыре-ста лет назад и с тех пор обречена скитаться по Земле? Слышал, конечно. Но не знал, что у женщины из легенды было имя.

– Сейви, – сказал Харман. – Ее зовут Сейви.

Марина вошла в комнату вместе с двумя сервиторами, которые доставили кружки с подогретым приправленным вином и бутерброды с сыром на подносе. Неловкую тишину сменила обычная светская беседа за ужином.

– Факсируем сегодня ночью, – объявил Харман своим спутникам. – В сухую долину. Там мог остаться какой-нибудь след.

– И как мы его отыщем? – Ханна двумя руками держала горячую кружку. – Как сказал Даэман, Горящий Человек был полтора года назад.

– А когда следующий? – спросила Ада. Она никогда не бывала на церемониях эры Деменции.

Ответил Харман:

– Никто не знает. Кабала Горящего Человека назначает дату и уведомляет гостей лишь за несколько дней до начала. Иногда промежуток составляет два-три месяца, иногда десять лет. Тот, что в сухой долине, был последним. Если вы присутствовали хоть на одном из прошлых трех, вы получаете приглашение. Я на последний не попал, так как путешествовал в районе Трех Рук.

– Я хочу отправиться на поиски этой женщины вместе с вами, – сказал Даэман.

Остальные, включая мать, уставились на него с изумлением.

– Думаешь, тебе хватит сил? – спросила Ада.

Даэман оставил вопрос без внимания.

– Я вам нужен, чтобы опознать эту женщину... Сейви... если вы ее отыщете.

– Отлично, – решил Харман. – Мы ценим твою помощь.

– Но факсируем утром, – сказал Даэман. – Не ночью. Я устал.

– Конечно, – ответила Ада и повернулась к своим спутникам: – Факсируем обратно в Ардис-Холл?

– Чепуха, – сказала Марина. – Переночуете у нас. Наверху есть уютные гостевые помещения. – Она заметила, что Ада покосилась на Даэмана. – Мой сын очень утомлен после... происшествия. Он может спать десять часов и больше. Если вы останетесь у нас, то сможете отправиться вместе, когда он проснется. После завтрака.

– Конечно, – повторила Ада.

Разница во времени между Ардис-Холлом и Парижским Кратером составляла семь часов – в Ардис-Холле сейчас еще не сели бы ужинать, – но, как все факс-путешественники, они привыкли принаравливать к местному расписанию.

– Мы проводим вас в спальни. – Марина пошла вперед, указывая путь, а два сервитора послушно поплыли рядом.

«Спальни» оказались отдельными апартаментами этажом выше тех, которые занимали Марина с Даэманом; туда вела широкая винтовая лестница. Ханна сказала, что ей тут нравится, но почти сразу ушла в одиночку осматривать Парижский Кратер. Харман пожелал всем спокойной ночи и ушел к себе. Ада заперла дверь, поразглядывала занятные ковры, полюбовалась с балкона на кратер – дождь как раз прекратился, и за рваными облаками сияли луна и кольца –

и велела сервиторам подать легкий ужин. Потом она наполнила ванну и с час нежилась в горячей ароматизированной воде, чувствуя, как уходит из мускулов напряжение.

Она впервые увидела Хармана всего двенадцать дней назад, но ей казалось, что они знакомы давным-давно. Этот человек и его интересы зачаровали ее. Ада отправилась праздновать летнее солнцестояние в усадьбе друзей неподалеку от развалин Сингапура; не потому, что любила многолюдные праздники (она по возможности избегала и факсов, и светских приемов и бывала почти исключительно у старых друзей на скромных вечеринках в приятельском кругу), а потому, что ее младшая подруга Ханна собиралась туда и очень уговаривала составить компанию. Праздник солнцестояния был по-своему неплох, и гости собрались интересные, поскольку хозяйка недавно отметила четвертую Двадцатку – Ада всегда любила общество людей старше себя. И тут она увидела Хармана, когда тот рылся в усадебной библиотеке. Он держался очень тихо, даже скрытно, но Ада сумела его разговорить, прибегнув к тем же уловкам, какими друзья втягивали в беседы ее саму.

Ада не знала, что думать об умении Хармана читать без помощи функции (он сознался в этой способности лишь на встрече у еще одних друзей, всего за шесть дней до приезда в Ардис-Холл), но чем больше Ада об этом думала, тем больше дивилась. Она всегда считала себя образованной: знала все народные песни и предания, заучила Одиннадцать семейств и всех их членов, помнила наизусть многие факс-узлы. Однако от широты Харманова кругозора и его пытливости у нее захватывало дух.

Даже Ханна, любопытная искательница приключений, не оценила по достоинству карту, которую Харман развернул перед Даэманом, однако Ада не переставала дивиться этому листку. Она даже не сталкивалась с самой идеей карты, пока Харман не показал ей свою. И еще он объяснил, что Земля имеет форму шара. Многие ли друзья Ады это знали? Многие ли вообще задумывались о форме своего мира? Мир – это твой дом и сеть факсов, с помощью которых ты навещаешь приятелей. Кто когда-нибудь задумывался о форме того, что под факс-сетью и вне ее? И зачем бы они стали об этом думать?

С первой встречи Ада поняла, что интерес Хармана к постлюдям граничит с одержимостью. «Нет, – поправила она себя, бледными пальчиками подгоняя островки радужной пены от груди к шее, – это и впрямь одержимость. Он постоянно думает о постлюдях – где они и почему нас оставили. Чего ради?»

Ада, разумеется, не знала ответа, но она заразилась страстным любопытством Хармана, отнеслась к этому как к игре, как к приключению. А он продолжал задавать вопросы, над которыми другие ее друзья просто рассмеялись бы: «Почему нас, людей, ровно миллион? Почему постлюди выбрали это число? Почему не больше и не меньше? Почему каждому из нас отведено сто лет? Зачем они оберегают нас даже от нашего собственного безумия, чтобы мы прожили век?»

Вопросы были такие простые и такие глубокие, что даже смущали – как если бы взрослый спросил, отчего у нас есть пупок.

Однако Ада включилась в игру – искать летающую машину, возможно, космический корабль, чтобы добраться до колец и лично встретиться с постлюдьми. А теперь вот эта Вечная Жидовка из легенды эпохи финального факса. Каждый прожитый день приносил новые волнующие события.

Вроде того, как Даэмана съел аллозавр.

Ада покраснела и увидела, как ее бледная кожа розовеет до самой линии воды и пены. Как неловко все получилось! Никто из гостей не помнил ничего хоть сколько-нибудь похожего. Почему войниксы его не уберегли?

«Кто такие войниксы? – спросил ее Харман двенадцать дней назад в жилом доме на дереве неподалеку от Сингапура. – Откуда они взялись? Создали их люди Потерянной Эпохи?

Или постлюди? Или они продукт пострубиконовой деменции? Или они чужаки в нашем мире и времени, а сюда явились с какой-то собственной целью?»

Ада помнила свой неловкий смех в тот вечер, когда они сидели на увитой виноградом террасе, пили шампанское и Харман серьезным тоном задал свой нелепый вопрос. Однако она не сумела ему ответить, как не сумели ответить ее друзья в следующие дни, хотя они смеялись еще более нервно, чем она. И теперь Ада, всю жизнь видевшая войников каждый день, смотрела на них с любопытством, почти с опаской. И Ханна тоже.

«Кто ты?» – гадала Ада в тот вечер, когда они вышли из ландо в Парижском Кратере, а войникс остался стоять – по виду безглазый, в ржавом панцире и мокром от дождя кожаном капюшоне; его смертоносные лезвия были втянуты, а выдвинутые манипуляторы по-прежнему держали дышла повозки.

Ада вылезла из ванны, вытерлась, накинула тонкий халат и приказала сервиторам исчезнуть. Они удалились через одну из осмотических стенных мембран. Ада вышла на балкон.

Балкон Хармана примыкал справа к ее балкону, однако их разделяла плотная ширма из бамбукового волокна, на три фута выдающаяся за перила. Ада подошла к перегородке, мгновение постояла у перил, глядя на красное око кратера внизу, подняла глаза к прояснившемуся звездному небу и кольцам, затем перебросила ногу через перила и почувствовала внутренней поверхностью бедра гладкий мокрый бамбук. В следующий миг она шагнула наружу, босиком нащупывая путь по тонкому нижнему краешку перегородки.

Секунду она держалась только пальцами на ногах и на руках, чувствуя, как сила тяготения тащит ее в пустоту. *Каково это – падать с такой высоты в бурлящую магму, зная, что я умру через несколько ужасных и абсолютно свободных минут падения?* Ада знала, что никогда не получит ответа. Если ее пальцы соскользнут, она, очнувшись в лазарете, не вспомнит последних минут и секунд. Постлюди отказали человеку в воспоминании о смерти.

Ада прижалась грудями к краю перегородки, выровняла равновесие, перенесла левую ногу и нащупала узкий бамбуковый карниз по другую сторону перегородки. Она не решалась глянуть, на балконе Харман или за стеклянной дверью; все ее внимание было сосредоточено на том, чтобы пальцы не соскользнули с мокрого бамбука.

Она добралась до балкона и замерла, вцепившись до дрожи в руках в перила. За всплеском адреналина пришла слабость. Ада торопливо перекинула левую ногу через перила; халат распахнулся, шов перил царапнул ей икру.

Харман сидел в шезлонге, скрестив ноги, и наблюдал за Адой. Его балкон освещала одинокая свеча в стеклянной колбе.

– Мог бы и помочь, – прошептала Ада, не зная, зачем это сказала и отчего шепчет. Теперь она видела, что на Хармане тоже лишь гостевой шелковой халат, неплотно завязанный поясом.

Харман улыбнулся и покачал головой:

– Ты отлично справлялась сама. Но почему было просто не постучать в дверь?

Ада глубоко вдохнула и как бы в ответ распустила узел на поясе и распахнула халат. Воздух, идущий от кратера, был холодным, но с прохладными струями мешались теплые, и они ласкали низ ее живота.

Харман встал, подошел к Аде, посмотрел ей в глаза и запахнул ее халат, стараясь не касаться кожи.

– Это большая честь для меня, – сказал он, тоже шепотом. – Но не сейчас, Ада. Не сейчас. Он взял ее за руку и повел к шезлонгу.

Когда они уже лежали на шезлонге бок о бок и Ада изумленно моргала и краснела от чего-то вроде стыда – то ли из-за полученного отказа, то ли из-за собственной дерзости, она точно не знала, – Харман вытащил из-за кресла две нежно-кремовые туринские пелены и сложил каждую так, чтобы вышитые микросхемы оказались в нужном положении.

– Я не... – начала Ада.

– Знаю. Только сегодня, один раз. Думаю, произойдет нечто важное. И я хочу разделить это с тобой.

Она откинулась на мягкую подушку и позволила Харману расправить туринскую пелену у нее на глазах, затем почувствовала, как он лег рядом и положил свою правую руку на ее левую.

Изображения, звуки и ощущения хлынули мощным потоком.

11. Илионская равнина

Боги спустились с Олимпа поиграть. А точнее, они собрались заняться убийствами.

Битва в разгаре; Аполлон подстегивает троянцев, Афина прищипоривает аргивян, другие боги расположились в тени раскидистого дерева на ближайшем холме и время от времени смеются. Ирида и прочие слуги наливают им вино. Только что на моих глазах предводитель фракийцев Пирос, доблестный союзник троянцев, убил камнем сероглазого Диора, который командовал эпейским контингентом греческой армии. Брошенный Пиросом камень лишь сбавил ему лодыжку, но почти все товарищи Диора обратились в бегство. Опыненный битвой Пирос прорубился сквозь горстку тех, кто остался защищать своего предводителя. Несчастный Диор беспомощно лежал в пыли. Пирос вонзил длинную пику в живот эпейца, подцепил внутренности зазубренным наконечником да еще и провернул. Все это время Диор ужасно кричал.

То был самый яркий момент последнего полудня битвы, и я с облегчением вздохнул, когда Афина Паллада, взглядом испросив разрешения других богов, подняла руку и остановила время.

Зрение, усиленное полученными от богов контактными линзами, позволяет мне сквозь лес оцетинившихся копий наблюдать, как Афина превращает Диомеда, сына Тидея, в машину убийства. Я говорю в буквальном смысле. Почти в буквальном. Подобно олимпийцам и мне, Диомед будет теперь отчасти машиной: его глаза, кожа и особенно кровь обретают новые свойства за счет нанотехнологии из какой-то эпохи после моей краткой жизни. В замороженном времени Афина надевает на глаза ахейца примерно такие же линзы, как у меня. Теперь он видит богов и каким-то образом может, сосредоточившись, немного замедлять время в гуще боя, то есть, на взгляд обычного наблюдателя, втроекратно повышать скорость своей реакции. У Гомера сказано: «Пламень... зажгла вокруг главы и рамен Диомеда» – и теперь я понимаю метафору. С помощью нанотехнологических устройств в своей ладони и руке Афина обращает пренебрежимо малое электромагнитное излучение вокруг Диомедова тела в серьезное силовое поле. В инфракрасном свете торс, руки, щит и шлем Диомеда внезапно охватывает огонь, «блеском подобный звезде той осенней, которая в небе всех светозарнее блещет». Сейчас, глядя, как сияет Диомед в янтаре остановленного богами времени, я понимаю, что Гомер имел в виду Сириус, Собачью звезду, самую яркую на греческом (и троянском) небе в конце лета. Сегодня ночью она горит на востоке.

Продолжаю внимательно следить. Афина впрыскивает в бедро Диомеда миллиарды молекулярных наномашин. Как всегда при таком нановторжении, организм воспринимает его как инфекцию, и температура у Диомеда подскакивает как минимум на пять градусов. Я вижу, как армия наномашин движется вверх по его бедру к сердцу, из сердца в легкие, а оттуда снова к ногам и рукам. От жара тело ахейца светится в инфракрасном спектре еще сильнее.

Вокруг меня смерть на поле брани замерла на эти растянувшиеся минуты. В десяти ярдах колесница замерла в застывшем облаке пыли, человеческого пота и конской пены. Возничий – невозмутимый приземистый Фегес, сын троянского жреца и брат доблестного Идея (в чужом обличье я за последние годы много раз преломлял с Идеем хлеб и пил вино), перегнулся через край колесницы, сжимая длинную пику. Рядом Идею замахнулся бичом на коня, а другой рукой сжимает окаменевшие вожжи. Братья мчались прямо на Диомеда в тот миг, когда Афина остановила время, чтобы поиграть в куклы со своим избранником. Она одевает Диомеда в силовые поля, линзы особого видения и прочие наноусиления, словно девчонка, наряжающая Барби. (Я помню девочку, играющую с Барби. Наверное, это сестра из моего детства. Я не думаю, что у меня была дочь. Точно я, разумеется, не уверен, поскольку воспоминания, вернувшиеся в прошлые месяцы, – как осколки стекла с затуманенными отражениями.)

Я так близко к колеснице, что вижу упоение битвы на загорелом лице Фегеса и ужас в его немигающих карих глазах. Если только Гомер не ошибся при описании битвы, Фегес погибнет меньше чем через минуту.

Все новые боги слетаются к месту сражения, словно стервятники на падаль. Бог войны Арес материализуется по мою сторону сражающихся, подходит к замороженной во времени колеснице с Идеем и его обреченным братом и раскрывает за ней собственное защитное поле.

Какое Аресу дело, что будет с этими двумя? Да, Арес не любит греков и убивает их сам или посредством своих орудий при любой возможности, но отчего такая забота о Фегесе и его брате Идее? Просто контрмера против стратегии Афины, которая добавляет сил Диомеду? Осточертела мне эта шахматная игра, в которой живые люди падают, кричат и умирают. Однако стратегия до сих пор меня интригует.

Тут я вспоминаю, что бог войны – единоутробный брат бога огня Гефеста, тоже рожденного Зевсовой женой Герой, а Дарес, отец Фегеса и Идея, долгие годы верно служит богу огня за крепкими стенами Трои.

Эта идиотская война еще сложнее и запутаннее Вьетнамской, которую я смутно помню из моей юности.

Тут Афродита, моя новая покровительница и начальница, квитируется в тридцати ярдах от меня. Она здесь тоже с целью помочь троянцам и насладиться бойней. Однако...

В последние замедленные секунды перед возобновлением реального времени я вспоминаю, что, если бой пойдет как в древней поэме, в следующий час саму Афродиту ранит Диомед. *Зачем она сунулась в стычку, зная, что смертный нанесет ей рану?*

Ответ известен, и в последние девять лет мне все о нем напоминало, но сейчас осознание поражает меня с силой ядерного взрыва – *боги не знают будущего!* Никому, кроме Зевса, не позволено раньше времени заглянуть в чек-лист Судьбы.

Все мы, схолиасты, это знаем. Зевс запретил нам обсуждать с богами будущие события, а им не разрешается спрашивать у нас про следующие песни «Илиады». Наша задача – задним числом подтвердить, что Гомерова «Илиада» верно излагает события, которые мы видели и записали. Как часто мы с Найтенгельзером, наблюдая на закате, как маленькие зеленые человечки тащат к берегу исполинские каменные головы, обсуждали этот парадокс слепоты богов к грядущим событиям.

Я знаю, что Афродиту сегодня ранят, но самой богине это неизвестно. Как мне воспользоваться этими сведениями? Если я предупрежу Афродиту, Зевс узнает – понятия не имею, каким образом, но точно узнает. Меня распылят на атомы, Афродиту тоже как-то накажут. *Как воспользоваться информацией о том, что Афродиту, вручившую мне шпионские дары, сегодня – возможно – ранит Диомед?*

Но размышлять некогда. Афина, закончив возиться с Диомедом, выпускает время на волю.

Возвращаются обычный свет, грохот, стремительное движение. Диомед делает шаг вперед, его лицо и щит полыхают; их сияние, насколько я понимаю, видно даже другим смертным, равно ахейцам и троянцам.

Идей опускает бич на конский круп; колесница с грохотом несется на греческие ряды, прямо на Диомеда.

Фегес бросает в него пику, она пролетает в дюйме над левым плечом Тидеева сына.

Диомед – его кожа полыхает жаром, на лбу блестит горячий пот – бросает копье. Оно попадает Фегесу точно в грудь – «меж сосцов», вроде бы пел по-гречески Гомер. Фегес вылетает из колесницы спиной вперед, падает на землю и несколько раз переворачивается, копье ломается в щепки, катящееся тело останавливается в пыли от колесницы, в которой убитый мчался пять мгновений назад. На Илионской равнине смерть если приходит, то приходит быстро.

Идей на ходу спрыгивает с колесницы, перекатывается и вскакивает, готовый защищать труп брата с мечом в руках.

Диомед выхватывает другое копье и кидается вперед с намерением убить Идею, как только что убил его брата. Троянец обращается в бегство, оставив тело брата в пыли, но Диомед бросает длинное копье ему в спину, между лопаток.

Арес, бог войны, летит вперед – буквально летит, применяя такую же левитационную сбрую, какую боги выдали мне, – и вновь приостанавливает время. Копье замирает менее чем в десяти футах от спины Идеи. Арес окутывает Идею силовым полем и запускает время на столько, чтобы поле отклонило Диомедово копье. Затем он квант-телепортирует перепуганного юношу с арены сражения в какое-то безопасное место. Потрясенным и напуганным троянцам кажется, будто черная ночь молниеносно спустилась и унесла их товарища прочь.

Чтобы Аресов брат Гефест, бог огня, не лишился обоих будущих жрецов сразу, думаю я и тут же отскакиваю назад. Заметив во вражеских рядах брешь, пробитую Диомедом, греки кидаются вперед, жестокая сеча возобновляется с новой силой, и я вынужден ретироваться от греха подальше. Пустая колесница катится навстречу ахейцам, которые с радостью набрасываются на богатую добычу.

Арес вернулся. Полупроявившись в виде огромного божественного силуэта, он зычно призывает троянцев сплотить ряды и отразить натиск Диомеда. Однако троянцы раскололись – одни в ужасе бегут от сияющего Диомеда, другие покоряются громовому голосу божества. Внезапно над головами сражающихся перелетает Афина, хватая разбушевавшегося Ареса за руку и что-то быстро шепчет ему на ухо.

Оба квитируются прочь.

Я вновь смотрю налево: скрытая от греков и троянцев, которые отчаянно бьются, вопят, ругаются и умирают вокруг нее, Афродита движением руки повелевает мне следовать за Афиной и Аресом.

Я надеваю Шлем Смерти и становлюсь невидимым для всех богов, кроме Афродиты. Активирую медальон и квитируюсь за Аресом с Афиной по их траектории в пространстве-времени так же легко, как по следам на мокром песке.

Легко быть богом. Если у тебя есть нужное снаряжение.

Они телепортировались недалеко, миль за десять от поля битвы, в тенистое местечко на берегу Скамандра (боги называют его Ксанфом), широкой реки, бегущей через Илионскую равнину. Когда я материализуюсь шагах в пятидесяти от них, Арес резко поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Мгновение я думаю, что Шлем Аида не сработал, они меня увидели и мне конец.

– Что такое? – спрашивает Афина.

– Я вроде бы... что-то почувствовал. Какое-то движение. Квантовую активность или... Серые глаза Афины глядят прямо на меня.

– Там ничего нет. Я могу видеть во всех диапазонах фазовых перемещений.

– Я тоже, – рявкает бог войны и отворачивается.

Я судорожно перевожу дух, стараясь дышать как можно тише. Шлем Аида по-прежнему меня прячет. Арес принимается расхаживать по берегу взад-вперед.

– В последние дни мне кажется, что Зевс повсюду.

– Да, отец очень на нас зол, – говорит Афина, шагая рядом.

– Тогда зачем ты дразнишь его еще больше?

Богиня останавливается:

– Я? Дразню? Тем, что спасаю моих ахейцев от гибели?

– Тем, что подготовила Диомеда для резни, – говорит Арес. Я впервые замечаю, что кудрявые волосы у этого высокого, мускулистого, идеально сложенного бога отливают рыжиной. – Опасное дело ты затеяла, Афина Паллада.

Афина тихонько смеется:

– Девять лет мы вмешиваемся в эту войну. Бога ради, это же игра. Я знаю, что ты намерен сегодня вмешаться на стороне твоего любимого Илиона и перебить моих аргивян, словно овец! Разве это не опасно – активное участие бога войны?

– Не так опасно, как вооружить ту или другую сторону нанотехнологиями. Не так опасно, как снабдить их полем фазового перемещения. О чем ты думаешь, Афина? Ты пытаешься превратить этих смертных в нас. В богов.

Богиня снова смеется, но, увидев, что ее смех лишь больше злит Ареса, делает серьезную мину.

– Брат, ты же знаешь, что я добавила Диомеду сверхсилу на короткое время. Я хочу лишь, чтобы он пережил эту битву. Твоя дорогая сестрица Афродита уже подговорила троянского лучника Пандара ранить одного из моих любимцев, Менелая, а в это самое мгновение шепчет ему: «Убей Диомеда!»

Арес пожимает плечами. Афродита – его главная сообщница и подстрекательница. Словно обиженный мальчишка (восьмифутовый обиженный мальчишка, вокруг которого пульсирует мощное силовое поле), он берет с земли гладкий камешек и запускает по воде.

– Не все ли равно, умрет Диомед сегодня или через год? Он смертный. Он умрет.

Теперь Афина хохочет ему в лицо без всякого стеснения:

– Разумеется, братец, он умрет. И разумеется, жизнь одного смертного ничего для нас... для меня не меняет. Однако мы должны играть в Игру. Я не позволю этой сучке Афродите менять волю Судеб.

– Кто из нас знает волю Судеб? – сердито буркает Арес, скрестив руки на широкой груди.

– Отец знает.

– Зевс *говорит*, что знает, – с ухмылкой произносит Арес.

– Ты сомневаешься в словах нашего господина и повелителя? – Афина как будто слегка его поддразнивает.

Арес резко оборачивается, и на мгновение я пугаюсь, что выдал себя каким-то звуком. Я стою на плоском камне, чтобы не оставлять отпечатков ног на песке. Однако взгляд Ареса скользит дальше.

– Я не проявляю неуважение к нашему отцу, – изрекает наконец Арес тоном Ричарда Никсона в Овальном кабинете, говорящего в скрытый микрофон, о котором ему известно. – Вся моя верность, и преданность, и любовь принадлежат Зевсу без остатка, Афина Паллада.

– Что отец наверняка ценит, – отзывается Афина, уже не скрывая ехидства.

Арес внезапно скидывает голову.

– Проклятье! – кричит он. – Ты нарочно утащила меня с поля боя, чтобы твои ахейцы убили больше моих троянцев.

– Именно. – В устах Афины эти три слога звучат издевательски, и целую секунду я думаю, что сейчас увижу то, чего не видел все эти девять лет, – бой непосредственно между богами.

Однако Арес лишь с досадой пинает песок и квитируется обратно. Афина хохочет и, встав на колени у Скамандра, плещет себе холодной водой в лицо.

– Дурак, – шепчет она, вероятно имея в виду Ареса, но я отношу это к себе, укрытому лишь искажающим полем Аидова Шлема; слово «дурак» очень точно описывает мое безумие.

Афина квитируется обратно на поле боя. Я еще с минуту трепещу, думая о своей дурости, затем следую за ней.

Греки и троянцы по-прежнему убивают друг друга. Тоже мне новость.

Я направляюсь ко второму схолиасту на поле боя (других не видно). Для невооруженного глаза Найтенгельзер – просто еще один грязный троянец, уклоняющийся от сечи, но я вижу зеленоватое свечение, которым боги отметили нас, схолиастов; оно различимо, даже когда мы в чужом обличье. Поэтому я снимаю Шлем Аида, морфирую в обличье Фалка (троянца, которого, кстати, скоро убьет Антилох) и подхожу к Найтенгельзеру, который наблюдает за бойней с невысокого холма.

– Доброе утро, схолиаст Хокенберри, – произносит он при моем приближении.

Мы говорим по-английски. Других троянцев поблизости нет, а дальше нас не расслышать за звоном бронзы и грохотом колесниц. К тому же в обеих разношерстных коалициях привыкли ко всевозможным племенным наречиям и диалектам.

– Доброе утро, схолиаст Найтенгельзер.

– Где ты пропадал последний час?

– Устроил передышку, – вру я.

Такое случается. Порой даже нас, схолиастов, так мутит от этой мясорубки, что мы квитируемся в Трою, чтобы провести часок-другой в тишине, а еще лучше – выпить большую глиняную бутылку вина.

– Я что-нибудь пропустил?

Найтенгельзер пожимает плечами:

– Минут двадцать назад Диомед ринулся в атаку и схлопотал стрелу. Точно по расписанию.

– От Пандара, – киваю я.

Пандар – тот самый лучник, что ранил Менелая.

– Я видел, как Афродита подбивала его выстрелить, – говорит Найтенгельзер, не вынимая рук из карманов плаща.

Разумеется, у троянских плащей карманов нет, так что Найтенгельзер сам их пришил.

А вот это и впрямь новость. Гомер не пел о том, что Афродита подбила Пандара выстрелить в Диомеда – только что Афина раньше убедила его ранить Менелая, дабы война продолжилась. Бедолага Пандар буквально дурак богов в этот – свой последний – день.

– Диомед ранен неглубоко? – спрашиваю я.

– В плечо. Сфенел оказался поблизости, вытащил стрелу. Видимо, она была неотравленная. Афина квитировалась на поле, отвела своего обожаемого Диомеда в сторонку и «...силу влила во члены героя, в ноги и руки».

Найтенгельзер цитирует какой-то незнакомый мне перевод.

– Опять нанотех, – говорю я. – Так Диомед уже нашел и убил лучника?

– Да, минут пять назад.

– Сказал Пандар свою бесконечную речь перед тем, как Диомед его убил? – спрашиваю я.

В моем любимом переводе Пандар оплакивает свою участь в сорока строках, долго говорит с троянским военачальником Энеем – да-да, тем самым! – и они вместе несутся к Диомеду в колеснице, швыряя в него копья.

– Нет, – говорил Найтенгельзер. – Пандар только ругнулся, когда стрела не попала в цель, потом запрыгнул на колесницу к Энею, метнул в Диомеда копье, которое пробило щит и доспех, но не задела мясо, и ругнулся второй раз, когда Диомедово копье угодило ему промеж глаз. Полагаю, очередной пример поэтической вольности Гомера в том, что касается монологов.

– А Эней?

Эта сцена чрезвычайно важна и для «Илиады», и для истории в целом. Я не могу поверить, что пропустил ее.

– Афродита его спасла, – подтверждает Найтенгельзер.

Эней – смертный сын богини, и она всячески его оберегает.

– Диомед громадным камнем раздробил Энею тазовую кость, как в поэме, однако Афродита закрыла раненого мощным полем и сейчас несет его с поля. Диомед чуть не лопнул от злости.

Я смотрю из-под руки:

– И где Диомед сейчас?

Впрочем, я и сам уже заметил греческого воина: он в сотне футов от нас, в самой гуще вражеского войска. В воздухе вокруг него висит кровавый туман, по обе стороны рубящего, колющего, режущего ахейца громоздятся трупы. Форсированный Диомед как будто прорубается сквозь накатывающие волны человеческой плоти, силясь догнать медленно отступающую Афродиту.

– О господи, – вырывается у меня.

– Да уж, – соглашается Найтенгельзер. – За несколько минут он убил Астиноя и Гипенора, Абаса и Поллида, Ксанфа и Фоона, Эхемона и Хромия...

– А чего парами-то? – говорю я, думая вслух.

Найтенгельзер смотрит на меня, будто на своего тупого студента-первокурсника.

– Хокенберри, они на колесницах. По двое. Диомед убивал их по мере того, как колесницы его атаквали.

– А, – пристыженно говорю я.

Я думаю не про убитых троянских военачальников; мое внимание приковано к Афродите. Богиня прекратила отступать и теперь с окровавленным Энеем на руках расхаживает по полю боя, явственно видимая троянцам, которые в страхе бегут от Диомеда. Она электрическими уколами и тычками сияющего излучения подталкивает их обратно в бой.

Диомед видит богиню и, озверев, прорубает последнюю линию троянской обороны. Он молча направляет длинное копье. Афродита небрежно прикрывается силовым полем: подумаешь, какой-то смертный.

Она забыла, что Диомед преображен Афиной.

Диомед кидается вперед. Защитное поле богини трещит и разрывается. Ахеец бьет копьем. Наконечник и древко рвут личное силовое поле Афродиты, шелковые одежды и тело. Острое как бритва жало рассекает запястье богини до красных мускулов и белой кости. Золотой ихор – не алая кровь – брызжет в воздух.

Мгновение богиня изумленно смотрит на рану, затем издает вопль – нечеловеческий, словно рев из блока мощнейших усилителей на женском рок-концерте в преисподней.

Не переставая вопить, она пошатывается и роняет Энея.

Диомед, вместо того чтобы атаковать раненую Афродиту, вытаскивает меч и готовится обезглавить лежащего без сознания Энея.

Тут между взбешенным Диомедом и бесчувственным троянцем квитируется серебролукий Феб-Аполлон и удерживает ахейца пульсирующей полусферой плазменного силового поля. Ослепленный жадой крови, Диомед рубит желтый оборонительный щит Аполлона, его собственное энергетическое поле пылает алым. Афродита устала на свою раненую руку; того и гляди грохнется в обморок и останется лежать беспомощной у ног Диомеда. От боли она, видимо, не может сосредоточиться для того, чтобы квитироваться отсюда.

Внезапно появляется ее брат Арес на пылающей колеснице. Он раскидывает в стороны равно троянцев и греков, расширяя плазменный след летательного аппарата, чтобы сесть рядом с сестрой. Афродита, причитая и плача от боли, пытается объяснить, что Диомед обезумел.

– Он бы и на Отца Зевса напал! – кричит богиня.

– Сможешь править колесницей? – спрашивает Арес.

– Нет!

Теперь Афродита действительно лишается чувств и падает на руки брата, по-прежнему придерживая раненую левую руку правой, испачканной в крови... вернее, в ихоре. Зрелище

это странным образом смущает. Боги не истекают кровью – по крайней мере, за те девять лет, что я здесь, такого не случалось.

Ирида, личная вестница Зевса, возникает между колесницей и силовым полем Аполлона, которым тот по-прежнему защищает Энея. Троянцы отступают, выпучив глаза, Диомеда сдерживают перекрывающиеся энергетические поля. Ахеец излучает в инфракрасном диапазоне ярость и жар, так что кажется, будто он сделан из кипящей лавы.

– Отвези ее к матери, – велит Арес, укладывая бесчувственную сестру в колесницу.

Ирида поднимает энергетический аппарат в небо и пропадает из виду.

– Потрясающе, – говорит Найтенгельзер.

– Охренеть, – соглашаюсь я. Впервые за девять с лишним лет я видел, как грек или троянец успешно атаковал бессмертного. Я поворачиваюсь и вижу, что Найтенгельзер смотрит на меня шокированно. Порой я забываю, что он из более раннего времени.

– Да, именно так, – говорю я с вызовом.

Мне хочется последовать за Афродитой на Олимп и увидеть, что произойдет между нею и Зевсом. Гомер, разумеется, это описал, но поэма уже во многом разошлась с реальностью, и события сегодняшнего дня разожгли мое любопытство.

Я начинаю бочком отступать от Найтенгельзера – он настолько захвачен происходящим, что не замечает моего ухода, – и уже готов надеть Шлем Аида и повернуть механизм личного квит-медальона. Однако тут на поле кое-что происходит.

Диомед испускает боевой клич – почти такой же громкий, как вопль Афродиты, эхо которого до сих пор звенит над равниной, – и вновь кидается на Аполлона и Энея. На сей раз нано-усиленное тело и квантовофазовый меч Диомеда пробивают внешние слои защитного поля Аполлона.

Бог неподвижно смотрит, как Диомед клинком прорубает себе дорогу в мерцающем силовом поле, словно раскидывая лопатой невидимый снег.

И тут голос Аполлона гремит с таким усилением, что его слышно, наверное, мили на три:

– Опомнись, Диомед! Отступи! Довольно этого безумия – тягаться с богами! Мы не одного рода, смертный. Никогда не были. И не будем.

Аполлон, и до того восьми футов ростом, вырастает в двадцатифутового великана.

Диомед пятится, хотя трудно сказать почему: то ли действительно испугался, то ли просто устал.

Аполлон наклоняется и затемняет силовое поле вокруг себя и лежащего Энея. Когда минутой позже черный туман исчезает, бога здесь уже нет, но Эней по-прежнему лежит на земле, раненый, истекающий кровью, с раздробленным бедром. Троянцы тут же сбегаются, чтобы окружить своего военачальника, пока Диомед его не убил.

Но это – не Эней. Я знаю, что Аполлон оставил на поле осязаемую голограмму, а настоящего раненого унес в илионскую цитадель Пергам, где богини Лето и Артемида при помощи божественной наномедицины за считанные минуты спасут Энею жизнь и залечат его раны.

Я готов перенестись на Олимп, но тут Аполлон квитируется обратно на поле, сокрытый от смертных взглядов. Арес, который по-прежнему собирает троянцев за своим оборонительным щитом, при появлении другого бога поднимает голову.

– Арес, губитель мужей, стен разрушитель! Ты что же, и дальше позволишь дерьму собаке себя оскорблять? – Невидимый ахейцам, Аполлон указывает на тяжело дышащего Диомеда.

– Оскорблять? Чем он меня оскорбил?

– Болван! – гремит Аполлон на ультразвуковых частотах, которые слышны лишь богам, схолиастам и троянским собакам, немедленно поднимающим жуткий ответный вой. – Этот... этот *смертный*... только что напал на богиню любви, твою сестру, и рассек сухожилие ее бессмертного запястья! Диомед атаковал даже меня, одного из самых могущественных богов!

Афина превратила его в сверхчеловека, дабы выставить на посмешище кровожадного Ареса, бога войны!

Арес круто поворачивается к Диомеду, который не смотрит на бога с той минуты, как не сумел прорубить силовое поле.

– Он смеялся надо мной?! – кричит Арес так, что его слышно отсюда и до Олимпа; я давно заметил, что для бога Арес туповат, и сегодня мое наблюдение подтверждается. – Он смеет со мной шутить?!!!

– Убей его! – кричит Аполлон, по-прежнему в ультразвуковом диапазоне. – Вырежи и съешь его сердце!

Иребролукий бог квитируется прочь.

Арес звереет. Мне очень хочется посмотреть, как там Афродита, сильно ли ранена, но разве можно упустить такое зрелище? И я решаю остаться.

Для начала Арес превращается в быстрого Акамаса, предводителя фракийцев, и бежит среди троянцев, призывая их отбросить греков, которые, последовав за Диомедом, сильно вклинились в троянское войско. Затем бог войны принимает облик ликийского предводителя Сарпедона и осыпает укорами Гектора – тот сегодня с необычной для себя сдержанностью не участвовал в сражении. Пристыженный упреками того, кого считает Сарпедоном, Гектор присоединяется к своим воинам. Видя, что Гектор ведет их в наступление, бог становится самим собой и возвращается к кольцу воинов, которые защищают от греков голограмму бесчувственного Энея.

Должен признаться, за все девять лет я не видел такой яростной сечи. Если Гомер чему нас и учит, так лишь одному: человек – хрупкий сосуд с кровью и кишками, которые, чуть что, могут вывалиться наружу.

И они и вываливаются.

Не дожидаясь, когда Арес обретет второе дыхание, ахейцы устремляются за Диомедом и Одиссеем. Ржут кони, падают и трещат колесницы. Возничие бичами гонят коней на стену копий и блистающих щитов. Диомед зовет своих людей вперед, продолжая тем временем убивать каждого троянца, который попадает к нему под руку.

В вихре пурпурного тумана на поле является Аполлон и выпускает в бой исцеленного Энея – на сей раз настоящего. Он не только исцелен, но и лучится светом, как Диомед, когда Афина закончила его модифицировать. Троянское войско во главе с Гектором при виде воскресшего Энея издает ликующий вопль и устремляется в контратаку.

Теперь Диомед и Эней возглавляют бой каждый со своей стороны и пачками валят вражеских предводителей. Тем временем Аполлон и Арес зовут в бой остальных троянцев. На моих глазах Эней убивает беспечных близнецов Орсилоха и Крефона.

Менелай, оправившись от собственной раны, пробивается мимо Одиссея к Энею. Я слышу, как хохочет бог войны. Арес будет счастлив, если брат Агамемнона, настоящий муж Елены, тот, из-за кого началась война, сложит сегодня голову. Эней и Менелай уже на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Закипает бой на копьях. Остальные бойцы расступаются из уважения к *аристейе*.

Тут сын Нестора Антилох, добрый друг почти забытого всеми Ахиллеса, выскакивает вперед и встает плечом к плечу с Менелаем, испугавшись, вероятно, что дело греков умрет вместе с их предводителем.

Увидев перед собой сразу двоих легендарных убийц, Эней отступает.

Двумястами ярдами восточнее этой сцены Гектор врывается во вражеские ряды с такой свирепостью, что отбрасывает самого Диомеда. Божественные линзы позволяют Диомеду видеть неразличимого для прочих Ареса, который бьется бок о бок с Гектором.

Я все еще хочу навестить Афродиту, однако разве можно оторваться от такого зрелища? Найтенгельзер как сумасшедший строчит в своем записывающем ансIBLE. Мне смешно,

потому что тысячи благородных аргивян и троянцев, которые сражаются вокруг, неграмотны, как двухлетние дети. Найди они заметки Найтенгельзера, даже на древнегреческом, никто бы ничего не понял.

Теперь в битву включились все боги.

Невдалеке от меня возникают Гера с Афиной. Супруга Зевса убеждает Афины вступить в бой. Та вовсе не против. Геба, богиня юности и прислужница старших богов, слетает на поле в летучей колеснице и передает поводья Гере. Афина запрыгивает следом, сбрасывая хитон и застегивая нагрудную броню. Боевое одеяние Афины сияет. Она поднимает пульсирующий энергией желто-алый щит, от меча бьют в землю молнии.

– Смотри! – кричит Найтенгельзер, прекрывая шум битвы.

На севере блещет настоящая молния. Исполинская слоисто-кучевая туча на тысячи футов вздымается в жарком послеполуденном небе и постепенно принимает очертания Зевса.

– ЧТО Ж, ВПЕРЕД, ЖЕНА И ДОЧЬ! – грохочет небесный гром. – АФИНА, ПОВЕРГНИ БОГА ВОЙНЫ, ЕСЛИ МОЖЕШЬ С НИМ ТЯГАТЬСЯ!

Черные тучи клубятся над полем брани, льет дождь, молнии бьют в троянцев и аргивян без разбора.

Гера проносится на колеснице над головами греков и опускается еще ниже, раскидывая троянцев, словно кегли из кожи и бронзы.

Афина спрыгивает в обычную колесницу к окровавленному, обессиленному Диомеду и его верному возничему Сфенелу.

– *Уже выдохся, смертный?* – кричит она на Диомеда, вкладывая в последнее слово всю издевку, на какую только способна. – *Это ли сын великого воина Тидея? Неужели ты уступишь поле битвы противникам?*

Она указывает туда, где Гектор и Арес теснят греков.

– Богиня, – задыхается Диомед, – Гектора защищает бессмертный Арес и...

– А Я ТЕБЯ ЧТО, НЕ ЗАЩИЩАЮ?! – ревет пятнадцатифутовая Афина, вырастая на глазах героя, все еще испускающего бледное свечение.

– Да, богиня, но ведь...

– *Диомед, радость моего сердца, убей этого троянца и бога, который его оберегает!*

Диомед изумлен, даже напуган.

– Мы, смертные, не можем убивать богов...

– *Где это написано?* – грохочет Афина, после чего склоняется над воителем и впрыскивает ему под кожу что-то новенькое, передавая его полю энергию своего божественного. Затем отшвыривает бедолагу Сфенела футов на тридцать прочь и, завладев поводьями, хлещет коней, направляя колесницу навстречу Гектору, Аресу и всему троянскому воинству.

Диомед заносит копьё – как будто и впрямь задумал убить Ареса.

А ведь Афродита хочет, чтобы я убил саму Афины. Мое сердце бешено колотится от ужаса и волнения. Здесь, на равнинах Трои, скоро все может пойти иначе, нежели предсказывал Гомер.

12. Над поясом астероидов

Почти сразу за юпитерианской магнитосферой корабль начал торможение, так что их полет по огромной дуге над плоскостью эклиптики до Марса по дальнюю сторону Солнца должен был теперь занять несколько стандартных дней, а не считанные часы. Манмута и Орфу с Ио это вполне устраивало: им было о чем побеседовать.

Вскоре после старта Ри По и Корос III объявили из рубки, что разворачивают борový парус. Манмут через корабельные сенсоры наблюдал, как круглый парус растянулся на семь километров за ними на восьми баки-тросах, затем раскрылся на весь свой десятикилометровый диаметр. Для Манмута, подключившегося к объективам на корме, это выглядело черным кругом, аккуратно вырезанным посередине звездного неба.

Орфу с Ио выбрался из своей люльки на корпусе, проворно спустился по главному тросу вдоль соленоидного тора, затем, словно мечехвост-Квазимодо, проехал по опорному канату, все проверил, все подтянул, пробежал по реактивным двигателям над поверхностью паруса в поисках трещин, разошедшихся швов или иных изъянов, ничего не обнаружил и вернулся на корабль с удивительной величавой грацией существа, привыкшего к невесомости.

Корос III приказал включить модифицированный магнитный уловитель Метлоффа – Феннелли, и Манмут ощутил изменение энергии корабля, когда устройство на корме сгенерировало улавливающее поле радиусом в тысячу четыреста километров, чтобы захватывать свободные ионы и собирать солнечный ветер.

За какое время мы затормозим настолько, чтобы у нас получилось остановиться у Марса? – спросил Манмут по общей линии, думая, что ответит Орфу.

Ответ пришел от властного Короса:

По мере того как скорость корабля будет уменьшаться, а эффективная площадь уловителя – расти при сохранении температуры паруса ниже точки плавления в две тысячи кельвинов, масса корабля будет равняться четыре на десять в шестой килограммов, а значит, для торможения с нынешней скорости ноль целых тысяча девятьсот девяносто две десятичных цэ до одной тысячной цэ – точка неупругого столкновения – потребуется двадцать три и шесть десятых стандартного года.

Двадцать три и шесть десятых стандартного года! – воскликнул Манмут по общей линии. Он, конечно, мечтал о долгой дискуссии с приятелем. Но все хорошо в меру!

Это замедлит нас лишь до все равно значительной скорости – триста километров в секунду, продолжал Корос III. *На одну тысячную световой скорости при входе в систему начхать не получится.*

Сдается, нас ждет жесткая посадка на Марс, сказал Манмут.

Орфу с Ио издал по связи рокошующий звук, напоминающий чиханье.

В разговор включился каллистиянин-навигатор:

Мы будем тормозить не только борovým парусом, Манмут. Реальное путешествие займет чуть меньше одиннадцати стандартных дней, а наша скорость при входе на орбиту Марса будет меньше шести километров в секунду.

Уже лучше, сказал Манмут. Он был в рубке «Смуглой леди», но все привычные датчики не горели. Странно было получать информацию не через собственную систему жизнеобеспечения, а с сенсоров космического корабля. *А почему?*

Солнечный ветер, пояснил Орфу через связь корпусной люльки. *Здесь он имеет скорость около трехсот километров в секунду и ионную плотность десять в шестой протонов на кубический метр. При отправке на борт имелось полрезервуара юпитерианского водорода и четверть резервуара дейтерия; мы извлечем еще водород и дейтерий из солнечного ветра*

при помощи уловителя Метлоффа – Феннелли и включим четыре термоядерных двигателя на носу вскоре после того, как минуем Солнце. Тогда и начнется настоящее торможение.

Жду с нетерпением, сказал Манмут.

Я тоже, ответил Орфу с Ио. Он снова издал рокошующий чихающий звук. Манмут подумал, что у огромного моравека либо вообще нет чувства иронии, либо оно уж очень злое.

Дорога над поясом астероидов составила сто сорок миллионов километров. Манмут в это время читал *«À la recherche du temps perdu»* – «В поисках утраченного времени» Пруста.

Вместе с романом Орфу загрузил в память приятеля биографию Пруста и французский язык во всей его классической сложности, однако в итоге Манмут прочел пять разных английских переводов книги. Проще оценить произведение на том языке, который изучал прошлые полтора земных столетия, заявил он. Орфу хохотнул и напомнил Манмуту, что сравнивать Пруста с его любимым Шекспиром – ошибка, что они отличаются так же, как каменистая терраформированная планета, куда направлялся корабль, от их привычных юпитерианских спутников. Однако маленький моравек все равно читал Пруста по-английски.

Закончив (он понимал, что чтение было беглым, но уж очень хотелось начать разговор), Манмут связался с Орфу по фокусированному лучу, поскольку тот вновь покинул люльку и проверял тросы борového паруса, крепко пристегнутый страховочным концом из-за увеличивающегося торможения.

Не знаю, сказал Манмут. *Я ничего тут такого не вижу. На мой вкус, это просто затянутые раздумья эстета.*

Эстета? Орфу повернул один из коммуникационных стебельков, ловя фокусированный луч, в то время как его манипуляторы и жгутики занимались точечной сваркой кабельного разъема. Манмуту, смотревшему видео с камер на корме, белая сварочная дуга казалась яркой звездой на фоне черного паруса за громоздким панцирем Орфу. *Манмут, ты имеешь в виду самого автора или рассказчика Марселя?*

А что, есть разница? Уже отправив свой ехидный вопрос, Манмут понял, что ведет себя нечестно. За последние десять з-лет он послал Орфу сотни, если не тысячи мейлов, доказывающая разницу между поэтом по имени Уилл в сонетах и реальным историческим стихотворцем Шекспиром. Он допускал, что Пруст, при всей своей тяжеловесности и неудобоваримости, может быть, так же сложен в том, что касается личности автора и персонажей.

Орфу с Ио оставил вопрос без внимания и послал по фокусированному лучу: *Признайся, ты ведь оценил его насмешливый взгляд на мир? Пруст прежде всего писатель комический.*

Это был насмешливый взгляд? Я не увидел в книге комического.

Этот вопрос Манмут задал вполне серьезно. Не то чтобы ему или моравекам вообще был чужд человеческий юмор; даже самые первые, саморазвивающиеся роботы, наделенные лишь смутным сознанием, созданные и отправленные людьми до пандемии рубикона, были запрограммированы понимать юмор. Без этого полноценное, двустороннее общение с людьми невозможно. Смех столь же неотделим от человеческого мышления, как гнев, логика, ревность или гордость – элементы, которые Манмут отметил в бесконечном романе Пруста. Но Пруст и его протагонисты как комический писатель, комические персонажи? Ничего такого Манмут не увидел, и, если Орфу прав, это крупное упущение. Не он ли десятилетиями выискивал юмористическую игру слов, сатиру в шекспировских пьесах, вылавливал малейшую иронию в сонетах?

Послушай. Орфу перебежал по натянутому баки-тросу обратно к кораблю, пульсируя реактивными двигателями. *Перечитай этот отрывок из «Любви Свана». То место, где Сван, плененный ветреной Одеттой, пускает в ход все уловки эмоционального шантажиста, чтобы она не ушла в театр без него. Прислушайся к юмору, мой друг.*

Он загрузил текст.

– Клянусь, – говорил он ей за несколько минут до ее отъезда в театр²¹, – что всякий эгоист на моем месте был бы счастлив, если б ты отказалась исполнить его просьбу, – ведь у меня вечером масса дел. Я бы не знал, как мне быть, не знал, как мне выпутаться, если бы, паче чаяния, ты мне сказала, что не поедешь в театр. Но мои дела, мои развлечения – это не все, я должен подумать и о тебе. Если мы расстанемся с тобой навсегда, ты вправе будешь упрекнуть меня, что в решительную минуту, когда я чувствовал, что теряю уважение к тебе и скоро разлюблю, я тебя не предостерег. Видишь ли, не в «Ночи Клеопатры» (ну и название!) тут дело. Мне важно убедиться, что ты действительно стоишь на самой низкой ступени умственного развития, что в тебе нет ничего хорошего, что ты презренное существо, неспособное даже отказать себе в удовольствии. Если ты правда такая, то как же я могу тебя любить, раз ты не личность, не цельная натура, пусть несовершенная, но подающая надежды? Ты бесформенна, как вода, которая стекает с любого склона, ты – рыба, не обладающая ни памятью, ни способностью мыслить: рыба сто раз на дню бьется о стекло аквариума, которое она принимает за воду. Разумеется, твой ответ не сразу изгонит из моего сердца любовь, но неужели ты не понимаешь, что ты станешь для меня менее привлекательна, как только я увижу, что ты – не личность, что я не знаю никого ниже тебя? Конечно, я предпочел бы обратиться к тебе с просьбой не ходить на «Одну ночь Клеопатры» (меня тошнит от одного названия) так, как будто это для меня несущественно, и притом в тайной надежде, что ты все-таки пойдешь в театр. Но именно потому, что я придаю твоему решению большое значение, раз твой ответ будет иметь важные последствия, я считаю необходимым честно тебя предупредить.

Одетта обнаруживала все признаки волнения и беспокойства. Смысл того, что говорил Сван, был ей недоступен, но она понимала, что это целая «громовая речь», что это настоящая сцена, что тут и мольбы и упреки, а так как Одетта хорошо изучила мужчин, то, не вдумываясь в отдельные слова, она соображала, что мужчина никогда бы их не произнес, если б не был влюблен, а раз он влюблен, значит подчиниться ему невыгодно, что от неповиновения его влюбленность только усилится. Вот почему она выслушала бы Свана с полнейшим спокойствием, если б не видела, что время идет и что если Сван сию минуту не замолчит, то она (это было сказано ею с улыбкой, выражавшей нежность, смущение и упорство) «непременно опоздает на увертюру!».

В тесной рубке «Смуглой леди» Манмут рассмеялся. Он понял. Блистательный юмор! При первом чтении он сосредоточился на человеческих эмоциях – ревности и очевидном желании Свана управлять поведением женщины по имени Одетта. Теперь все стало... ясно.

Спасибо, сказал он Орфу, когда шестиметровый, похожий на мечехвоста моравек вновь устраивался в корпусной люльке. *Думаю, теперь я уловил скрытый юмор. И я ценю это. Вроде бы ничего общего с Шекспиром – отличаются язык, тон, построение. И все-таки нечто... совпадает.*

Быть одержимым загадкой, что значит быть человеком, предположил Орфу. *Твой Шекспир смотрит на грани человеческого через реакцию на события, находит сокровенные мысли персонажей, определяемые как действия. Герои Пруста, чтобы увидеть те же грани, погружаются в пучины памяти. Быть может, твой Бард похож на Короса Третьего, кото-*

²¹ – Клянусь, – говорил он ей за несколько минут до ее отъезда в театр... – Цитаты из Пруста, если не оговорено иное, приведены в переводе Н. Любимова.

рый ведет эту экспедицию. Мой любимый Пруст больше похож на тебя в коконе «Смуглой леди», когда ты ныряешь в глубину, чтобы изучить географию рифов, морское дно, других живых существ и всю планету при помощи эхолокации.

Манмут задумался на несколько долгих наносекунд.

Я не вижу, как твой Пруст разрешил эту загадку – вернее, как пытался ее разрешить, кроме как через погружение в память.

Не только в память, друг мой, но и во время.

У Манмута было такое чувство, будто Орфу – в десяти метрах отсюда, за почти непробиваемыми и почти непроницаемыми корпусами подлодки и корабля, – коснулся его как-то очень глубоко и лично.

Время существует отдельно от памяти, пробормотал Манмут по их личной линии, говоря скорее сам с собой. Но может ли память существовать отдельно от времени?

Именно! – загремел Орфу. В точку! Главные герои Пруста – прежде всего «я» или рассказчик «Марсель», но и наш бедняга Сван – получили три попытки отыскать и сложить вместе части запутанной головоломки под названием «жизнь». Все три подхода заканчиваются неудачей, однако сама история побеждает, несмотря на поражения рассказчика и даже автора!

Манмут долго в молчании размышлял об услышанном. Он переключился с одной камеры внешнего наблюдения на другую, переведя взгляд от сложной конструкции корабля и его пугающего круглого паруса «вниз», на пояс астероидов. Увеличил изображение до предела и увидел в черноте космоса одинокий астероид. Столкновения можно было не опасаться. Мало того, что корабль мчался над плоскостью эклиптики на высоте ста пятидесяти миллионов километров и с огромной скоростью, но и астероид (Манмут обратился к астрогационному банку данных Ри По и узнал его название – Гаспра) удалялся от них. И все же это была солидная мини-планетка: наложенные на изображение данные сообщали, что размер Гаспры 20×16×11 километров, а увеличение, эквивалентное прохождению на расстоянии в 16 000 километров, позволяло разглядеть бесформенную картофелину, усеянную сложным узором кратеров. Что еще занятнее, там имелись явно искусственные элементы: прямые борозды на скалах, отблески в темных кратерах, четкий рисунок источников света на сплюсненном «носу» астероида.

Роквеки, тихо сказал Орфу. Он, очевидно, смотрел то же видео. Их тут несколько миллиардов по всему поясу.

Они и впрямь так враждебны, как все утверждают? Отправив запрос, Манмут испугался, что его сочтут паникером.

Не знаю. Думаю, что да. Роквеки предпочли эволюционировать в пользу более состоятельной культуры, чем та, которую создали мы. Говорят, что они боятся и презирают постлюдей, а нас, моравеков, откровенно ненавидят. Корос Третий, возможно, знает, правдивы ли легенды об их жестокости.

Корос? Откуда ему знать?

Не многим моравекам это известно, но примерно шестьдесят земных лет назад он возглавлял экспедицию, отправленную в эти края Консорциумом Пяти Лун и Астигом/Че. С ним полетели десять моравеков. Вернулись только четверо.

Манмут задумался. Он пожалел, что мало знает про оружие. Есть ли у роквеков энергетические орудия или гиперкинетические снаряды, способные нагнать корабль? Вряд ли, учитывая их скорость в 0,193 световой.

Что это за три способа, которыми герои Пруста пытались разрешить загадку жизни – и потерпели поражение? спросил он товарища.

Большой космический моравек прочистил виртуальное горло.

Во-первых, нюх ведет их по ароматическому следу благородства, дворянства, титулов и земельной аристократии, сказал Орфу. Рассказчик Марсель следует по этой дороге две

тысячи с лишним страниц. Наконец он приходит к выводу, что важнее всего аристократия духа. Но и это заводит в тупик.

Просто снобизм.

Не просто снобизм, друг мой, передал Орфу; его голос по их личной линии сделался более оживленным. Пруст усматривал в снобизме силу, скрепляющую общество – любое общество, в любую эпоху. И в книге он изучает всевозможные уровни и проявления этого явления. Автор не устает открывать новые и новые лики снобизма...

Зато я устал, сказал Манмут, надеясь, что его прямота не обидит товарища.

Рокочущий инфразвуковой хохот Орфу успокоил его.

Каков же второй путь он исследовал, чтобы раскрыть загадку жизни? спросил Манмут.

Любовь, ответил Орфу.

Любовь? переспросил Манмут. На более чем трех тысячах страниц «В поисках утраченного времени» о ней говорилось много, но она всегда казалась такой... безнадежной.

Любовь, прогрохотал Орфу. Сентиментальное чувство и телесное влечение.

Ты имеешь в виду сентиментальное чувство Марселя – и, видимо, Свана – к семье, к бабушке Марселя?

Нет, Манмут. Сентиментальную тягу к знакомым вещам, к самой памяти и к людям, включенным в царство знакомого.

Манмут глянул на кувыркающийся в космосе астероид по имени Гаспра. Согласно данным Ри По, полный оборот Гаспры вокруг своей оси занимал семь стандартных часов. Интересно, могло бы подобное место сделаться для него, для любого разумного существа источником сентиментальной притягательности? *Что ж, темные моря Европы могут.*

Что-что?

Манмут ощутил, как сжались органические слои в его теле, когда он понял, что говорил вслух по приватной линии.

Ничего. Почему любовь не дает ответа на загадку жизни?

Потому что Пруст знал – а его герои убедились, – что ни любовь, ни ее более благородная кузина дружба не способны уцелеть под энтропийными лезвиями ревности, скуки, привычки, эгоизма, сказал Орфу, и Манмуту послышалась печаль в голосе большого моравека.

Никогда?

Никогда, с рокочущим вздохом ответил Орфу. Помнишь последние строки «Любви Свана»? «Как же так: я убил несколько лет жизни, я хотел умереть только из-за того, что всей душой любил женщину, которая мне не нравилась, женщину не в моем вкусе!»

Я заметил, сказал Манмут, но не знал тогда, должно это быть ужасно смешно, или чудовищно горько, или невыразимо печально. Так что?

Все вместе, друг мой, ответил Орфу с Ио. Все вместе.

Какая третья дорога героев Пруста к загадке жизни? – спросил Манмут. Он увеличил подачу кислорода в свою каюту, чтобы разогнать паутины грусти, грозившей опутать сердце.

Давай отложим это до следующего раза, сказал Орфу, возможно почувствовав настроение товарища. Корос-три собирается расширить радиус уловителя. Занятно будет посмотреть на фейерверки в рентгеновском диапазоне.

Они прошли орбиту Марса и ничего не увидели, поскольку Марс находился по другую сторону Солнца. Днем позже пересекли орбиту Земли и ничего не увидели: Земля была дальше на витке своей орбиты в плоскости эклиптики далеко внизу. Только Меркурий ненадолго четко показался на мониторах, но вскоре экраны заполнили рев и пламя самого Солнца.

Когда они проходили перигелий всего в девяноста семи миллионах километров от Солнца – волокна теплоотвода излучали жар, – боровый парус сложили и втянули под купол

на корме. Орфу помогал оборудованию дистанционного управления, и Манмут наблюдал на корабельных экранах, как его друг бежит туда-сюда. В свете Солнца были отчетливо видны вмятины и выбоины на корпусе большого моравека.

За два часа до запуска термоядерных двигателей Корос III, к удивлению Манмута, велел всем собраться в модуле управления возле рогов магнитного уловителя.

Внутренних коридоров на корабле не было. Предполагалось, что, когда они затормозят и достигнут марсианской орбиты, Корос переберется в «Смутную леди» по тросам и скобам. Манмут сомневался, надо ли сейчас проделывать этот путь по корпусу до рубки управления.

Зачем нам физически собираться для разговора? спросил он Орфу по их приватной линии. *Тем более ты все равно в модуле управления не поместишься.*

Я останусь снаружи. Буду видеть вас всех через иллюминатор, соединюсь с модулем через кабель для безопасной коммуникации.

Чем это лучше конференции по общей связи?

Не знаю, ответил Орфу, *но до запуска двигателей осталось сто четырнадцать минут, так почему бы мне не сбегать в трюм и не забрать тебя?*

Так и поступили. Манмут, разумеется, не боялся вакуума и жесткого излучения, но его пугала мысль, что он оторвется от корабля и каким-то образом останется позади. Они встретились у грузового отсека, и в слепящих лучах Солнца Манмуту предстало незабываемое зрелище «Смутной леди», которая помещалась в трюме космолета, словно соляная акула в животе кракена.

Орфу манипуляторами усадил Манмута в укрытую нишу на своем панцире и, цепляясь за направляющие канаты, на реактивной тяге двинулся по темному чреву корабля, между его изогнутых ребер, наружу и вперед по внешнему корпусу. Манмут глянул на сферические термоядерные двигатели, которые, если судить по их виду, прилепили к носу в последний момент, и проверил время. Час и четыре минуты до пуска.

Еще Манмут разглядывал ультрастелс-покрытие самого судна – черную пористую упаковку, благодаря которой корабль (за исключением термоядерных двигателей, бортового паруса и прочего, от чего можно отказаться) был теоретически невидим для зрения, радара, гравитонного отражателя, а также инфракрасных, ультрафиолетовых и нейтринных зондов. *Но какой в этом толк, если мы два дня будем идти на четырех столбах термоядерного пламени?*

У рубки был воздушный шлюз. Манмут помог Орфу подключиться к защищенным кабельным соединениям, а сам прошел в шлюз и задышал воздухом по старинке.

– На корабле есть оружие, – без предисловий начал Корос III; он говорил словами через воздух. Его фасетчатые глаза и черный гуманоидный панцирь отражали алый свет галогеновых ламп.

Третий моравек в маленькой, заполненной воздухом рубке – крошечный каллистянин Ри По – расположился в третьей вершине моравекского треугольника.

Ты слышал? по личной связи спросил Манмут у Орфу. Тот был виден снаружи за передними иллюминаторами.

О да.

– Почему ты говоришь об этом теперь? – спросил Манмут у Короса III.

– Я подумал, что вы с ионийцем имеете право знать. На карте ваше существование.

Манмут посмотрел в сторону навигатора:

– А ты знал про оружие?

– Я знал о встроенных орудиях корабля, – ответил Ри По. – До этого момента я не знал, что оружие будет спущено на поверхность Марса. Однако это логичное допущение.

– На поверхность Марса, – повторил Манмут. – Оружие в трюме «Смутной леди». – Это был не совсем вопрос.

Корос III кивнул, древним гуманоидным способом подтверждая его догадку.

– И какого рода оружие? – спросил Манмут.

– Я не уполномочен отвечать, – сухо ответил ганимедянин.

– Тогда, возможно, я не уполномочен перевозить на моей подлодке оружие! – рявкнул Манмут.

– У тебя нет выбора, – скорее печально, чем властно, промолвил Корос.

Он прав, сказал Орфу, и Манмут понял, что иониец говорит по общей связи. Ни у кого из нас выбора не осталось. Только вперед.

– Тогда зачем вообще извещать нас? – сердито повторил Манмут.

Ответил Ри По:

– Мы мониторим Марс с тех пор, как прошли мимо Солнца. С этого расстояния наша аппаратура подтверждает квантовую активность, которую мы заметили из юпитерианского космоса. Однако она на несколько порядков превышает наши прежние оценки. Эта планета представляет прямую угрозу для всей Солнечной системы.

Почему? – спросил Орфу. Постлюди веками экспериментировали с квантовой телепортацией в своих орбитальных городах вокруг Земли.

Корос III покачал головой тем же чудным человекоподобным способом, хотя «чудной» – не то слово, которое приходило на ум Манмуту при взгляде на длинную иссиня-черную фигуру с блестящими мушинными глазами.

– Не до такой степени. Масштаб квантовых фазовых перемещений, происходящих на Марсе в данную минуту, равнозначен дыре в ткани пространства-времени. Это нестабильно. Это не разумное применение квантовой технологии.

Это как-то связано с войниками? – спросил Орфу.

Про войников большинство юпитерианских моравеков знали только, что Земля начала проявлять беспрецедентную активность квантовых фазовых перемещений тогда же, когда, более двух тысяч 3-лет назад, в нейтринных коммуникациях постлюдей прозвучало первое упоминание этих существ.

Мы не знаем, участвуют ли в этом войникисы и даже по-прежнему ли они на Земле, ответил Корос III по общей связи. Я повторяю, что счел этической необходимостью сообщить вам всем, что на борту этого корабля и на борту субмарины, на которой повезет меня Манмут, есть оружие. Когда и как его использовать, решать не вам. Когда я на корабле, эта ответственность целиком и полностью лежит на мне. После того как нас с Манмутом сбросят на Марс, за оборону корабля будет отвечать Ри По. Решение о применении летального оружия на Марсе буду принимать я.

– Так орудия корабля чисто оборонительные? Из них нельзя поразить цели на Марсе? – спросил Манмут.

– Именно так, – ответил Ри По.

Но оружие на борту «Смуглой леди» включает средства массового поражения? – спросил Орфу с Ио.

Корос III помолчал, видимо взвешивая, с одной стороны, полученные приказы, с другой – право команды знать. Наконец он сказал:

– Да.

Манмут попытался угадать, что бы это могло быть. Атомные бомбы? Термоядерные бомбы? Нейтринные излучатели? Плазменная взрывчатка? Антиматерия? Уничтожители планет на основе черных дыр? За столетия своего существования он не имел дела с иным оружием, кроме сетей, острог и гальванизаторов для отпугивания кракенов и ловли европейской морской фауны.

– Корос, – негромко проговорил он, – к роквекам ты тоже летал с оружием?

– Нет. Тогда в нем не было необходимости. Какими бы воинственными и свирепыми ни сделались астероидные моравеки в ходе своей эволюции, они не представляли угрозы для всех разумных существ в Солнечной системе. – Корос III вывел на экран время: до включения термоядерных двигателей оставалась сорок одна минута. *Еще вопросы?*

Вопрос был у Орфу:

Зачем нам ультрастелс, если на подходе к Марсу перед нами будут четыре термоядерных следа, яркие, как сверхновая, видимые днем и ночью всякому на Марсе, у кого есть глаза? Пойдите-ка... Вы пытаетесь получить ответ. Хотите, чтобы они атаковали нас первыми?

– Да, – сказал Корос III. – Это самый простой способ выяснить их намерения. Термоядерные двигатели перестанут работать в восемнадцати миллионах километров от Марса. Если к тому времени нас не попытаются перехватить, мы отделим двигатели, соленоиды и другие внешние устройства и войдем на орбиту полностью скрытыми от любого наблюдения. Сейчас мы не знаем, какая цивилизация у постлюдей – или кто там терраформировал Марс – технологическая или посттехнологическая.

Манмут задумался. Они отбросят все средства вернуться домой.

Я бы сказал, что колоссальная квантовая активность очень даже указывает на развитые технологии, сказал Орфу.

– Возможно, – ответил Ри По, – но во Вселенной есть гении-идиоты.

На этой загадочной фразе собрание закончилось. Из отсека управления откачали воздух, и Орфу доставил товарища обратно, на борт «Смуглой леди».

Термоядерные двигатели сработали точно в назначенное время. В следующие два дня Манмут был придавлен к амортизационному креслу торможением более четырехсот *g*. Трюм, где находилась «Смуглая леди», вновь заполнили амортизационным гелем, а жилую каюту – нет. Тяжесть и неподвижность начинали угнетать Манмута. Он не мог даже вообразить, каково Орфу в его люльке на внешнем корпусе. Марс и все другие изображения на носовых экранах затмило четырехсолнечное пламя двигателей, но Манмут коротал время, разглядывая по видео звезды за кормой, перечитывая отрывки из Пруста и находя сходство и различия между «*À la recherche du temps perdu*» и своими любимыми шекспировскими сонетами.

Любовь Манмута и Орфу к человеческим языкам и литературе давно ушедшей эпохи не была чем-то особенным. Более двух тысяч з-лет назад, отправляя первых моравеков в юпитерианский космос для изучения спутников и контакта с разумными существами в атмосфере Юпитера, первые постлюди загрузили в них полносенсорные записи о человеческой истории и культуре. Это было после рубикона и Великого Исхода, однако еще оставалась надежда сохранить память о человеческом прошлом, даже если последние девять тысяч сто четырнадцать людей старого образца не удастся спасти финальным факсом. За столетия после утраты контакта с Землей человеческая литература и человеческое искусство стали хобби для тысяч моравеков, работающих как в жестком вакууме, так и на спутниках. Напарник Манмута Уртцвайль, погибший под ледовым обвалом в кратере европейской макулы Тира восемнадцать юпитерианских лет назад, увлекался Библией короля Иакова. Экземпляр этой Библии по-прежнему лежал под рабочим столом Манмута рядом с упакованной в гель лава-лампой – подарком Уртцвайля.

Глядя в видеомонитор на приглушенное фильтрами пламя термоядерных двигателей, Манмут пытался связать свой образ исторического Пруста – человека, три последних года жизни прикованного к постели в комнате с пробковыми стенами, в окружении старых рукописей, склянок с наркотическими препаратами и постоянно прибывающих гранок, не видящего иных гостей, кроме мужчин, промышляющих древнейшим ремеслом, и мастеров, установивших ему один из первых парижских телефонов для прослушивания оперы, – с рассказчиком Марселем, авторским «я» в исчерпывающем исследовании восприятия, названном «В поис-

ках утраченного времени». Память Манмута хранила колоссальные объемы информации: при желании он мог бы вызвать подробные карты Парижа 1921 года, загрузить все фотографические, живописные и графические портреты Пруста, посмотреть на Вермеера, от которого герой Пруста упал в обморок, сверить каждого персонажа с каждым реальным знакомым Пруста. Однако это не помогло бы ему понять книгу. Манмут знал: человеческое искусство неизмеримо больше человеческих существ.

Четыре потайные тропки к разгадке жизни, сказал Орфу. Первая – одержимость знатностью, аристократией, высшими слоями общества – явно была тупиковой. Манмуту не требовалось, как протагонисту романа, одолевая все три тысячи страниц светских приемов, дабы это осознать.

Второй путь – поиски истины в любви – завораживал Манмута. Разумеется, Пруст – как и Шекспир, только совершенно иначе – пытался изучить все грани человеческой любви: гетеросексуальной, гомосексуальной, бисексуальной, семейной, товарищеской, межличностной, а также к местам и вещам. И здесь Манмут вынужден был согласиться с Орфу, что Пруст отвергает любовь как истинный ключ к более глубокому пониманию.

Третьим путем для Марселя было искусство – искусство и музыка, – однако они вели к красоте, а не к истине.

Какова же четвертая тропка? И если она тоже привела героев Пруста к поражению, то каков же истинный путь между и за страницами, неведомый персонажам, но, возможно, прозреваемый автором?

Чтобы это выяснить, достаточно было выйти на связь с Орфу. Однако в последний день торможения друзья почти не общались – каждый погрузился в собственные думы. «Он расскажет мне после, – думал Манмут. – А возможно, к тому времени я пойму сам... и увижу связь с шекспировским анализом, что стоит за любовью». Безусловно, Бард к концу сонетов практически отвергает сентиментальную, романтическую и телесную любовь.

Термоядерные двигатели отключились. Исчезновение перегрузки, а также передающихся через корпус грохота и вибрации почти пугало.

Тут же сферические топливные двигатели отделились, и маленькие ракеты увели их с траектории корабля.

Отделяем парус и соленоид, раздался по общей связи голос Орфу.

Манмут наблюдал по видео с различных камер на корпусе, как названные компоненты выбросили в космос.

Он вернулся к носовым камерам. Марс, до которого оставалось каких-то восемнадцать миллионов километров, был теперь отчетливо виден впереди и внизу. Ри По наложил на изображение планеты их траекторию. Спуск выглядел безукоризненным. Маленькие внутренние ионные двигатели продолжали замедлять полет и готовили судно к выходу на полярную орбиту.

За время снижения не зафиксировано радарного или другого сенсорного слежения, сообщил Корос III. *Никаких попыток перехвата.*

Манмуту подумалось, что ганимедянин держится с большим достоинством, но склонен сообщать очевидное.

Мы получаем данные с пассивных датчиков, сказал Ри По.

Манмут глянул на показания. Если бы корабль приближался, скажем, к Европе, на дисплеях были бы радио-, гравитонные, СВЧ и прочие технологические излучения от населенного моравеками спутника. Ничего такого Марс не испускал. И все же терраформированная планета безусловно была обитаемой. Телескоп на носу космического судна уже различал белые здания на вулкане Олимп, изогнутые и прямые линии дорог, каменные головы вдоль побережья северного моря и даже индивидуальные перемещения на поверхности, однако не было ни радио-, ни СВЧ-передач – никаких электромагнитных примет технологической цивилизации. Манмут вспомнил слова Ри По про гениев-идиотов.

Выход на марсианскую орбиту через шестнадцать часов, объявил Корос. Следующие двадцать четыре часа будем наблюдать с орбиты. Манмут, подготовь свою подлодку к спуску через тридцать часов.

Да, ответил Манмут по общей связи, переборов желание сказать: «Есть, сэр».

В те двадцать четыре часа, что они кружили по полярной орбите, Марс по большей части был тих.

В кратере Стикни на Фобосе виднелись предметы искусственного происхождения: горно-рудное оборудование, остатки магнитного ускорителя, роботы-вездеходы, расколотые жилые купола. Однако все это было остывшее, запыленное, побитое метеоритами и более чем трехтысячелетней давности. Кто бы ни терраформировал Марс за прошлое столетие, они не имели ничего общего с обветшалыми артефактами на внутреннем спутнике.

Манмут видел снимки Марса, когда тот еще был Красной планетой (хотя Манмуту он всегда казался скорее оранжевым, чем красным), но теперь это больше не был красно-оранжевый мир. При пролете над Северным полюсом телескоп позволял разглядеть объекты размером до метра. От полярной шапки льда остался лишь белый островок водяного льда посреди синего северного моря – весь углекислый газ испарился при терраформировании. Над океаном, занимавшим половину северного полушария, закручивались спирали облаков. Горы по-прежнему были оранжевыми, большая часть суши – бурой, но яркая зелень лесов и полей различалась даже невооруженным глазом.

Судно по-прежнему не засекало чужих радаров, ни радиовывозов, ни запросов по фокусированному лучу, лазеру или модулированной нейтринной связи. Напряженные минуты растянулись в долгие часы. Четыре моравека разглядывали поверхность и готовились к спуску «Смуглой леди».

Жизнь на Марсе очевидно была – человеческая или постчеловеческая, судя по виду, а кроме того, здесь обитал как минимум один неизвестный вид – малорослые зеленые работники, которые старательно устанавливали каменные головы. На просторах водных каньонов долин Маринера и вдоль северного побережья белели одинокие паруса; еще несколько корабликов можно было разлить в море, образовавшемся на месте впадины Эллада. На горе Олимп виднелись явные признаки жизни и по крайней мере один высокоскоростной эскалатор на склоне. Камеры сфотографировали с полдюжины летающих машин вокруг вершинной кальдеры Олимпа, а также несколько белых домов и террасированных садов на склонах вулканов Фарсиды – горы Арсии, горы Павлины и горы Аскрийской. Однако никаких других признаков развитой планетной цивилизации обнаружить не удалось. Корос III объявил по общей связи, что, по его оценкам, на четырех вулканах живет не более трех тысяч бледных человекоподобных существ, а в палаточных городках у моря – примерно двадцать тысяч зеленых работников.

По большей части Марс был пуст. Терраформирован, но пуст.

Не очень-то похоже на опасность для всей разумной жизни в Солнечной системе? – спросил Орфу.

Ответил Ри По:

Посмотри на квантовое картирование.

– О боже, – выговорил Манмут в своей пустой воздушной люльке.

Марс ослеплял багровым сиянием активности квантовых сдвигов, линии потоков сходились к главному вулкану, горе Олимп.

Могут ли несколько летательных машин производить такой квантовый кавардак? – спросил Орфу. Они не регистрируются в электромагнитном спектре и точно не имеют химических двигателей.

Нет, ответил Корос. Летательные машины ныряют в квантовый поток и обратно, но не они его порождают. Во всяком случае, они не первичный источник.

Манмут еще минуту смотрел на причудливую квантовую карту, прежде чем решился задать вопрос, который мучил его несколько дней: *Стоит ли связаться с ними по радио или как-то еще? Или просто в открытую сесть на горе Олимп? Прийти как друзья, а не как шпионы?*

Мы обдумывали этот вариант, сказал Корос. *Однако местная квантовая активность так велика, что мы сочли целесообразным собрать больше информации, прежде чем себя обнаружить.*

Собрать информацию и доставить оружие массового поражения как можно ближе к вулкану, с горечью подумал Манмут. Он никогда не хотел быть солдатом. Моравеки не созданы для сражений, а мысль об убийстве разумных существ противоречит их программе, древней, как сам род.

Тем не менее Манмут подготовил «Смуглую леди» к спуску: перевел ее на автономные источники питания, отключил все линии жизнеобеспечения от корабля, оставив только коммуникационные кабели, которые предстояло отсечь, когда подлодку извлекут из трюма. Перед полетом подлодку заключили в ультростелс, а на носу и корме установили двигатели, но при спуске ими будет управлять Корос III, а затем он же откроет парашюты, которые замедлят падение. Только в море Манмут вновь поведет свою субмарину.

Готовлюсь перейти в подлодку, сказал Корос III из рубки.

Доступ на борт разрешен, ответил Манмут, хотя руководитель полета не спрашивал разрешения. Он не европеец и не знает протокола.

Замигали предупредительные огоньки; двери отсека разъехались, открыв «Смуглую леди» космосу, чтобы Корос III мог пройти к ней по направляющему тросу.

Манмут переключился на видео с корпуса, где находился Орфу, и тот почувствовал внимание к своей особе. *До свиданья, друг мой,* сказал Орфу. *Мы еще увидимся.*

Надеюсь, ответил Манмут. Он открыл нижний шлюз и приготовился отсечь кабели коммуникации.

Погодите, сказал Ри По. *Приближается из-за лимба планеты.*

Камеры в рубке показывали, как Корос III захлопнул уже открытый шлюз и вернулся к панели управления. Манмут убрал палец с кнопки, включающей пиропатроны линий связи.

Из-за края планеты появилось нечто; пока это была лишь точка на экране радара. Носовой телескоп повернулся, нацеливаясь на объект.

Должно быть, это запустили с Олимпа, пока мы были вне линии зрения, предположил Орфу.

Отправляю запрос, сказал Ри По.

Манмут слушал частоты. Судно посылало запрос. Пятнышко на радаре не отзывалось.

Видите? – спросил Корос III.

Манмут видел. Объект был не длиннее двух метров – открытая колесница без коней, окруженная сияющим силовым полем. Внутри стояли двое гуманоидов, мужчина и женщина. Она правила, а он просто смотрел прямо вперед, как будто может за восемь тысяч километров различить космический корабль в стелс-оболочке. Женщина была высокая, царственная и белокурая, мужчина – еще выше ростом, с короткими седыми волосами и белой бородой.

Хохот Орфу раскатился по общей линии. *Похоже на изображение Бога,* сказал он. *Не знаю, кто его подруга.*

Будто услышав оскорбление, седобородый мужчина поднял руку.

Видео полыхнуло и отключилось, Манмута бросило на ремни амортизационного кресла. Корабль дважды содрогнулся, затем начал бешено кувыркаться. Центробежная сила швырнула Манмута вправо, затем вверх, затем влево.

Все целы? – прокричал он по общей линии. *Вы меня слышите?*

Несколько мгновений ответом ему было молчание и шум помех, потом сквозь треск пробился спокойный голос Орфу: *Я тебя слышу, друг мой.*

Как ты? Как судно? Мы по ним стреляли?

Я поврежден и ослеплен, произнес Орфу в треске помех. Но я видел, что было до того, как меня ослепила вспышка. Мы не стреляли. А корабль... наполовину уничтожен, Манмут.

Наполовину уничтожен? – бессмысленно повторил Манмут. А что...

Какое-то энергетическое копье. Рубка – вместе с Коросом и Ри По – обратилась в пар. Носа не осталось. Верхний корпус оплавлен. Корабль кувьркается со скоростью примерно два оборота в секунду и начинает разваливаться. Мой паницирь проломлен, реактивные двигатели оторвало, манипуляторы почти целиком уничтожены. Я теряю энергию и целостность покрова. Выводи «Смуглую леди» из корабля. Скорей!

Я не знаю как! – крикнул Манмут. Программный пакет был у Короса! Я не знаю...

Внезапно корабль снова тряхнуло, коммуникационные и видеолитии полностью оборвались. Сквозь обшивку доносилось оглушительное шипение, и Манмут понял, что корабль кипит. Он переключился на камеры подлодки и увидел повсюду лишь свечение плазмы.

«Смуглая леди» завертелась и задрожала еще отчаяннее – то ли вместе с гибнущим кораблем, то ли сама по себе. Манмут активировал другие камеры, подводные двигатели и систему контроля повреждений. Половина приборов не работала или сильно подтормаживала.

Орфу?

Молчание.

Манмут включил общенаправленные мазеры, пытаясь восстановить связь по фокусированному лучу.

Орфу?

Молчание. Тряска усилилась. Трюм «Смуглой леди», куда в ожидании Короса III накачали воздух, неожиданно лишился атмосферы, и подлодка закрутилась еще быстрее.

Я иду к тебе, Орфу! – крикнул Манмут.

Он распахнул внутреннюю дверь шлюза и расстегнул страховочные ремни. Где-то позади, не то на корабле, распадавшемся на части, не то в самой «Смуглой леди», прогремел взрыв. Манмута бросило на панель управления. Наступила крошечная тьма.

13. Сухая долина

Путру, после сытного завтрака, приготовленного сервиторами Марины, Ада, Харман, Ханна и Даэман покинули Парижский Кратер и факсировали на площадку, где праздновался последний Горящий Человек.

Внутри факс-узла, как и положено, горел свет, но вокруг круглого павильона была непроглядная тьма, и завывания ветра доносились даже сквозь полупроницаемое силовое поле.

Харман посмотрел на Даэмана:

– У меня записан вот этот код: двадцать один восемьдесят шесть. Похоже на то место?

– Это павильон факс-узла! – простонал молодой человек. – Они все на одно лицо. Плюс снаружи темно и там никого нет. Как я могу сказать, то ли это место, которое я посетил полтора года назад, днем и с целой толпой народа?

– А мне кажется, код верный, – сказала Ханна. – Я последовала за другими, но помню, числа были крупные и номер незнакомый, раньше я по нему не факсировала.

– А сколько тебе тогда было? – ухмыльнулся Даэман. – Семнадцать?

– Чуть больше, – холодно ответила Ханна.

Она была мускулистая и загорелая, Даэман – бледный и дряблый. Словно признавая ее преимущество – хотя никогда не слышал, чтобы люди дрались кроме как в туринской драме, – Даэман попятился.

Не обращая внимания на их перепалку, Ада шагнула к силовому полю и прижала к нему тонкие пальцы. Преграда подернулась рябью и чуть подалась, но не более того.

– Оно твердое, – сказала она. – Мы не выберемся.

– Чепуха, – произнес Харман.

Они вдвоем принялись толкать и тыкать барьер, наваливаясь всем телом на эластичное, но не выпускающее поле. Оно оказалось вовсе не полупроницаемым – по крайней мере, для людей.

– Никогда о таком не слышала. – Ханна тоже попыталась толкнуть невидимый барьер плечом. – Какой смысл ставить силовое поле в павильоне факса?

– Мы в ловушке! – Даэман закатил глаза. – Как крысы.

– Придурок, – сказала Ханна; они сегодня явно не ладили. – Можешь факсовать обратно. Портал прямо за твоей спиной, и он-то исправен.

Словно подтверждая ее слова, из мерцающего портала появились два сферических сервитора общего пользования и подлетели к людям.

– Поле нас не выпускает, – сказала им Ада.

– Знаем, Ада-ур, – ответила одна из машин. – Приносим извинения, что не сразу пришли на помощь. Здешний узел... редко используется.

– Ну и что? – спросил Харман, скрестив руки на груди и хмурясь на главного сервитора. Другая сфера подлетела к шкафчику в белой колонне павильона.

– С каких пор вы запечатываете факс-узлы? – продолжал Харман.

– Еще раз просим прощения, Харман-ур, – откликнулся сервитор очень близким к мужскому голосом, обычным для машин общего назначения. – Климатические условия снаружи в это время года крайне негостеприимны. Если вы выйдете без термоскинов, ваши шансы на выживание будут низки.

Второй сервитор достал из шкафчика четыре термоскина и облетел людей, вручая каждому по очереди молекулярный костюм тоньше бумаги.

Даэман взял костюм двумя руками и глянул озадаченно.

– Это шутка?

– Нет, – ответил Харман. – Я уже носил такое.

– И я, – сказала Ханна.

Даэман развернул невесомый термоскин – все равно что держать в руках дым.

– На мою одежду это не налезет.

– И не должно, – сказал Харман. – Оно должно прилегать к коже. Есть еще капюшон, но сквозь него ты сможешь отлично видеть и слышать.

– А можно надеть сверху обычную одежду? – спросила Ада немного озабоченно. После бессмысленного эксгибиционизма прошлой ночью ее не тянуло на приключения, по крайней мере в том, что касается наготы.

Ответил первый сервитор:

– За исключением обуви, не рекомендуется надевать лишние слои, Ада-ур. Чтобы термоскин был эффективен, он должен быть полностью осмотичным. Другая одежда снижает его эффективность.

– Да ты шутишь, – возмутился Даэман.

– Мы всегда можем факсировать домой и надеть самую теплую одежду, – сказал Харман. – Хотя не уверен, что в здешних условиях ее хватит.

Он глянул на мерцающую стену силового поля, за которой по-прежнему громко и пугающе ревел ветер.

– Нет, – сказал второй сервитор. – Стандартные куртки, пальто и плащи не отвечают условиям Сухой долины. Однако, если желаете, мы можем изготовить более скромную одежду для экстремальных температур и доставить ее сюда в следующие тридцать минут.

– К черту, – сказала Ада. – Я хочу взглянуть, что там.

Она прошла на середину павильона, за факс-портал, и принялась раздеваться у всех на виду. Ханна сделала пять шагов к ней и тоже сняла блузку, затем шелковые шаровары.

Даэман мгновение таращился на них. Харман взял его за локоть, отвел на дальнюю сторону круга и тоже начал раздеваться. Даэман, избавляясь от одежды, несколько раз глянул через плечо на женщин. Галогеновые светильники заливали кожу Ады сочным сиянием, Ханна была стройная, сильная и загорелая. Натягивая термоскин на ноги, она глянула на Даэмана и нахмурилась. Тот поспешил отвернуться.

Когда все четверо собрались в центре павильона, одетые лишь в термоскины и ботинки либо туфли, Ада рассмеялась:

– Эти вещи еще откровеннее, чем если б мы ходили голыми.

Даэман смущенно шаркнул ногой, но Харман лишь улыбнулся под маской.

– А почему мы все разных цветов? – спросил Даэман.

Ада была ярко-желтая, Ханна – оранжевая, Харман – ярко-синий, а Даэман – зеленый.

– Чтобы друг друга отличать, – ответил сервитор, как будто вопрос обращался к нему.

Ада вновь рассмеялась своим беспечным смехом, и оба мужчины глянули на нее.

– Извините, – сказала она. – Просто... довольно очевидно, кто из нас кто. Даже издали.

Харман подошел к силовому полю и приложил к нему синюю руку.

– Теперь мы можем выйти? – спросил он сервиторов.

Машины промолчали, зато барьер мягко заколыхался, пропуская ладонь, а после и его синее тело прошло наружу, точно сквозь серебристый водопад.

Сервиторы тронулись за четверкой путешественников навстречу мраку и ветру.

– Нам не нужно сопровождение, – сказал машинам Харман.

Даэман заметил, что ветер заглушает слова, и все же они отчетливо раздавались в капюшоне. Видимо, в молекулярных костюмах имелись аудиопередатчики и наушники.

– Извините, Харман-ур, но сопровождение вам нужно, – возразил первый сервитор. – Для освещения.

Оба сервитора озаряли каменистую землю множеством лучей из своих корпусов.

Харман мотнул головой:

– Я пользовался термоскином высоко в горах и далеко на севере. Линзы капюшона настраиваются на ночное видение. Вот... – Он прикоснулся к виску и секунду что-то нащупывал. – Я прекрасно все вижу. Звезды очень яркие.

– Ух ты, – сказала Ада, последовав его примеру.

Теперь вместо жалких кругов света от фонариков сервитора перед ней была вся Сухая долина. Каждый камень ярко сиял. Она подняла глаза, и от яркости звезд у нее перехватило дыхание. Она повернула голову. Павильон полыхал, будто гигантская плавильная печь. Термоскины лучились каждый своим цветом.

– Это... потрясающе, – сказала Ханна.

Она отошла от группы на два десятка шагов, прыгая с одного валуна на другой. Путешественники стояли в самом низу широкой каменистой долины. По обе стороны тянулись крутые обрывы. Над ними блестели голубым снежные поля, но в самой долине снега почти не было. Облака плыли по звездам, словно стадо фосфоресцирующих овец. Ветер завывал в ушах, норовя сбить с ног.

– Я замерз, – пожаловался Даэман, переступая с ноги на ногу. На нем были только прогулочные туфли.

– Можете вернуться в павильон и оставить нас, – сказал Харман сервиторам.

– При всем уважении, Харман-ур, наша программа защиты не позволяет оставить вас одних в Сухой долине, где вы рискуете получить увечье или заблудиться, – сказал один из сервиторов. – Но, если вам угодно, мы можем отдалиться на сто ярдов.

– Угодно, – сказал Харман. – И потушите свои чертовы фонари! Для нашего ночного зрения они слишком яркие.

Машины послушно убрались назад к павильону. Ханна повела всех по долине. Здесь не было ни деревьев, ни травы, никаких признаков жизни, помимо четырех человек, сияющих яркими цветами.

– Что мы ищем? – спросила Ханна, переступая через то, что летом могло быть ручьем – если, конечно, здесь бывает лето.

– Это то, где проходил Горящий Человек? – спросил Харман.

Даэман и Ханна огляделись.

Наконец Даэман сказал:

– Возможно. Но тут были... понимаете... палатки, павильоны, уборные, надувные купола, силовое поле над долиной, большие обогреватели, и Горящий Человек, и дневной свет... В общем, тогда было иначе. Не так холодно! – Он запрыгал с ноги на ногу.

– Ханна?

– Я тоже не уверена... Не знаю.

Ада взяла инициативу в свои руки:

– Давайте разойдемся и поищем какие-нибудь следы праздника. Кострища, каменные пирамиды, что-нибудь в таком роде. Правда, я не думаю, что мы отыщем твою Вечную Жидовку прямо сейчас, Харман.

– Тсс! – Харман через синее плечо покосился на сервиторов, потом сообразил, что разговоры так и так транслируются. – Ладно, – сказал он со вздохом. – Давайте разойдемся футов на двести и поищем что-нибудь...

Он осекся. Со стороны каньона появилась знакомая, лишь смутно гуманоидная фигура и с привычной неуклюжей грацией зашагала по камням. Когда существо приблизилось на тридцать футов, Харман сказал:

– Уходи. Нам не нужен войникс.

Ответил один из сервиторов. Его голос был отчетливо слышен в ушах, хотя сама сфера парила далеко позади:

– Мы вынуждены настоять, леди и джентльмены. Это самый удаленный и опасный из всех известных факс-узлов. Мы не можем допустить и малейшего риска, что вы пострадаете.

– Тут есть динозавры? – Голос Даэмана дрогнул.

Ада снова рассмеялась и раскинула руки навстречу холодной воющей тьме.

– Сомневаюсь, Даэман. Это была бы некая особо выносливая рекомбинантная морозоустойчивая порода, о которой я никогда не слышала.

– Почему же, все возможно. – Ханна указала на большой камень у входа в другой боковой каньон ярдах в пятидесяти справа от них. – Возможно, там аллозавр, облизываясь, поджидает нас.

Даэман шагнул в сторону и чуть не споткнулся о камень.

– Тут нет никаких динозавров, – вмешался Харман. – Думаю, тут вообще нет ничего живого. Слишком холодно. Не верите – снимите на секунду капюшоны.

Спутники послушались. Молекулярные наушники зазвенели от их возгласов.

– Держись подальше, – приказал Харман войникусу. – В случае чего мы тебя позовем.

Существо отступило на тридцать шагов.

Они двинулись по долине – на северо-запад, согласно наладонной функции ориентирования. Звезды содрогались под бешеным напором ветра, и всем четверым приходилось укрываться за каменными глыбами, чтобы их не сдуло. Когда ветер немного слабел, четверка осторожно двигалась дальше.

– Я что-то нашла, – раздался голос Ады.

Остальные поспешили к ярко-желтой фигуре в ста футах к югу от них. Ада смотрела на то, что издали казалось обычным камнем, однако вблизи Даэман разглядел щетинистую шерсть, диковинные конечности-ласты и черные дырочки глаз. Странное нечто казалось вырезанным из старого дерева.

– Тюлень, – сказал Харман.

– Что это? – спросила Ханна, вставая на колени, чтобы потрогать недвижимое существо.

– Морское млекопитающее. Мне попадались такие на побережьях... далеко от факс-узлов. – Харман тоже встал на колени и коснулся мертвого животного. – Он высох... мумифицировался. Он мог пролежать здесь сотни, тысячи лет.

– Значит, мы на побережье, – сказала Ада.

– Не обязательно. – Харман поднялся и огляделся.

– Эй! – сказал Даэман. – Вон тот валун я помню. Под ним стоял пивной павильон.

Он медленно двинулся к большому валуну под обрывом.

– Ты уверен? – спросила Ада, когда они его нагнали.

Одинокая глыба вздымалась к ледяным мерцающим звездам и стремительно несущимся облакам. Все принялись искать следы палаток, костров и одноколок, однако ничего не нашли.

– Прошло полтора года, – сказал Харман. – Сервиторы, вероятно, тщательно все убрали...

– О господи! – перебила Ханна.

Все повернулись к ней. Девушка в оранжевом костюме смотрела вверх. Заметив игру красочных бликов на камнях и скалах, остальные последовали ее примеру.

Ночной небосклон ожил, превратился в занавес танцующего света – голубых, желтых и алых полос.

– Что это? – шепнула Ада.

– Не знаю. – Харман тоже понизил голос.

Свет по-прежнему трепетал в просвете между облаками. Харман откинул капюшон:

– Боже, без ночного видения оно горит так же ярко. Кажется, я видел нечто подобное несколько десятилетий назад, когда...

– Сервиторы! – перебил Даэман. – Что это за огни?

– Атмосферное явление, вызванное воздействием заряженных солнечных частиц на электромагнитное поле Земли, – донесся голос далекой машины. – У нас нет подробностей научного объяснения, но феномен известен под разными названиями, например...

– Ладно, – сказал Харман. – Хватит. Глядите-ка! – Он вновь натянул капюшон и теперь глядел на глыбу перед ними.

Камень покрывали какие-то сложные царапины, не такие, какие могли бы оставить ветер или другие природные явления.

– Что это? – спросила Ада. – На символы из книг не похоже.

– Да, – согласился Харман.

– Что-то от Горящего Человека? – предположила Ханна.

– Не помню царапин на камне возле пивной палатки, – сказал Даэман. – Но возможно, сервиторы поцарапали скалу, когда что-то двигали после праздника.

– Возможно, – согласился Харман.

– Продолжим искать рядом? – спросила Ада. – Попробуем найти какое-нибудь свидетельство, что женщина, которую ты ищешь, тут была? Или что Горящий Человек был здесь? Может быть, осталась зола.

– На таком ветру? – рассмеялся Даэман. – Через полтора года?

– Яма от костра, – сказала Ада. – Мы могли бы...

– Нет, – сказал Харман. – Ничего мы здесь не найдем. Давайте факсируем куда-нибудь, где потеплее, и поедем.

Ада повернула желтую голову и глянула на Хармана, но промолчала.

Два сервитора подплыли к ним, войникс маячил сразу за спиной.

– Мы уходим, – сказал Харман ближайшему сервитору. – Осветите нам дорогу к факс-павильону.

В Уланбате едва перевалило за полдень, и привычная сотня с лишним гостей, продолжавших отмечать Вторую Двадцатку Тоби, развлекалась на семьдесят девятом уровне «Кругов неба». Висячие сады шелестели и вздыхали на ветру, что налетал из красной пустыни. Даэмана приветствовало множество молодых людей и девушек, не заметивших его отсутствия в последние несколько дней, однако он пошел за Харманом, Ханной и Адой. Они нашли на длинном банкетном столе горячую еду, которую можно брать руками, сервитор налил им холодного вина. Харман увел их от шумной толпы к каменному столу у низкой стены на краю круга. Восемью сотнями футов ниже по шоссе Гоби шли караваны верблюдов, подгоняемые сервиторами и сопровождаемые войниксами.

– В чем дело? – спросила Ада, когда они сели в тени висячего сада и начали есть. – Я чувствую, что-то пошло не так.

Харман открыл было рот, но тут же умолк, дожидаясь, когда сервитор пролетит мимо.

– Вы никогда не задумывались, – спросил он, – тот же это сервитор, которого вы только что видели в другом месте? С виду они все одинаковые.

– Нелепость, – ответил Даэман. Он откусил от куриной ножки, облизал пальцы и отпил охлажденного вина.

– Возможно, – сказал Харман.

– Что ты разглядел там, в темноте? – спросила Ханна. – В царапинах на камне?

– Это были цифры, – сказал Харман.

Даэман рассмеялся:

– Ну уж нет. Я знаю цифры. Все их знают. Это были не они.

– Это были цифры, написанные словами.

– Они не походили на значки в книгах, – сказала Ада. – Слова.

– Да, – ответил Харман. – Думаю, это то, как люди писали от руки. Символы были похожи на петельки и соединялись между собой. Местами ветер почти их стер. Подозреваю, их нацарапали во время Горящего Человека. Однако я сумел их прочесть.

– Слова! – рассмеялся Даэман. – Минуту назад ты говорил, что это были цифры.

– Что там было сказано? – спросила Ханна.

Харман огляделся.

– Восемь-восемь-четыре-девять, – тихо сказал он.

Ада покачала головой:

– Похоже на код факс-узла, но число слишком большое. Я никогда не слышала о коде, который начинался бы с двух восьмерок.

– Таких не бывает, – сказал Даэман.

Харман пожал плечами:

– Возможно, но, когда мы доедим, я собираюсь испробовать этот номер.

Ада посмотрела на далекий горизонт. Кольца пересекались в бледно-голубом небе узкими полосками молочного цвета.

– Вот почему ты не выбросил термоскины в урну, как велели нам сервиторы?

– Не знал, что ты заметила. – Харман ухмыльнулся и отхлебнул вина. – Я пытался сделать это незаметно. Видимо, я плохо умею таиться. По крайней мере, сервиторы к тому времени уже факсировали.

Тут, как по заказу, очередной сервитор подлетел наполнить их опустевшие бокалы. Сферическая машина висела по другую сторону стены – в восьмистах футах над красно-желтой пустыней, – пока ее изящные руки в белых перчатках наливали вино.

Если бы Харман не настоял, чтобы они еще до факса надели под одежду термоскины, все четверо могли бы проститься с жизнью.

– Господи! – воскликнул Даэман. – Где мы? Что происходит?

Никакого павильона здесь не было и в помине. Код 8849 выбросил их прямо во мрак и хаос. Ветер ревел. Ноги скользили по льду. На каждом шагу в завывающей тьме люди натывались на что-нибудь острое.

– Ада! – крикнул Харман. – Свет!

Капюшоны давали ночное видение, но никто из них до сих пор капюшона не надел, да в этой крошечной тьме и не было света, который могли бы усилить линзы.

– Я пытаюсь его включить... Готово!

Фонарик, который она позаимствовала у Тоби, тонким лучом разрезал темноту и осветил заиндевевшую открытую дверь, трехфутовые сосульки, волны застывшего льда на полу. Ада повела лучом, и три лица в термоскиновых масках обратились к ней. На них явственно читалось изумление.

– Здесь нет павильона, – сказал Харман.

– В каждом факс-узле есть павильон, – возразил Даэман. – Не может быть портала без павильона. Верно?

– В старые дни были, – ответил Харман. – Тогда существовали тысячи частных узлов.

– О чем это он? – закричал Даэман. – Выбираться надо!

Ада повела лучом к тому месту, на которое они факсировали. Портала не было. Они стояли в комнате со шкафами, столами и стенами. Все покрывал лед. В отличие от факс-павильона, в центре комнаты не было пьедестала с кодовой пластиной. Это означало, что вернуться они не могут. В луче фонаря танцевал миллион ледяных искр. За стенами ревел ветер.

– Даэман, то, что ты сказал раньше, стало правдой, – произнес Харман.

– Что? Что я такого сказал?

– Что мы в ловушке. Как крысы.

Даэман заморгал, а луч переместился на обмерзшие стены. Ветер завыл еще громче.

– По звуку похоже на ветер в Сухой долине, – заметила Ханна. – Хотя никаких построек там не было. Или были?

– Наверяд ли, – сказал Харман. – Однако я согласен, мы явно попали в Антарктику.

– Куда? – переспросил Даэман, стуча зубами. – Что за ант... антактика?

– Холодное место, где мы побывали утром, – сказала Ада и шагнула в проем, на мгновение оставив их в темноте.

Они поспешили за Адой и сгрудились за ее спиной, как гусята.

– Тут коридор, – сказала Ада. – Шагайте осторожнее. На полу фут льда и снега.

Обледенелый коридор вел в обледенелую кухню, обледенелая кухня открывалась в обледенелую гостиную с занесенными снегом перевернутыми диванами. Ада провела лучом по окнам, покрытым тройной глазурью инея.

– Я, кажется, знаю, где мы, – прошептал Харман.

– Не важно, – сказала Ханна. – Главное, как отсюда выбраться?

– погоди. – Ада направила фонарь на ледяной пол, и все лица озарил отраженный снизу свет. – Пусть скажет, мне интересно.

– По легенде, которую я слышал, у женщины, которую мы ищем, – Вечной Жидовки – был дом на горе Эребус, вулкане в Антарктиде.

– В Сухой долине? – Даэман поминутно оглядывался в темноту за спиной. – Господи, ну и мороз!

Ханна так резко рванула к нему по льду, что Даэман отшатнулся и чуть не упал.

– Дурачок, капюшон надень, – сказала она. – Всем надо. Иначе мы обморозимся. К тому же через кожу головы мы теряем слишком много тепла.

Она вытащила зеленый капюшон из-за ворота Даэмановой рубашки и натянула ему на голову.

Остальные тоже надели капюшоны.

– Так-то лучше, – сказал Харман. – Теперь я вижу. И наушники заглушают рев ветра.

– Ты рассказывал, что у этой женщины было жилье... рядом с Сухой долиной? Мы сможем дойти пешком до тамошнего факс-павильона?

Харман беспомощно развел руками:

– Не знаю. Возможно, так она и попала на Горящего Человека – просто пришла пешком. Однако я не знаю географии. Может, дотуда миля, может – тысяча.

Даэман глянул на черные заиндевевые окна. Ветер гнул небьющиеся панели.

– Я отсюда не выйду, – отрезал он. – Ни за что.

– В кои-то веки я согласна с Даэманом, – сказала Ханна.

– Ничего не понимаю. – Ада свела брови. – Ты сказал, женщина жила здесь давным-давно... жизни назад... многие столетия. Как она...

– Не знаю, – сказал Харман и, одолжив у Ады фонарик, пошел по следующему коридору.

Его остановило что-то, похожее на белые прутья. Пока остальные смотрели, Харман вернулся в занесенную снегом гостиную, взял самое тяжелое, что сумел отодрать ото льда, – это был стол, и Харман, отрывая его от пола, сломал ему ножки, – после чего вернулся в коридор и начал крушить сосульки, прокладывая себе путь.

– Куда ты? – крикнул Даэман. – Какой смысл туда идти? Тут миллион лет никого не было. Мы просто замерзнем насмерть, когда...

Харман ногой распахнул дверь в конце коридора. Хлынул свет. И тепло. Трое остальных бросились вперед так быстро, как только могли бежать по скользкому льду.

Как и комната, в которую они факсировали, это было помещение без окон, примерно двадцать на двадцать футов, но теплое, светлое, без снега и льда. И вдобавок его почти целиком заполняла овальная металлическая машина футов двенадцать в длину. Она беззвучно парила

в трех футах над бетонным полом. Сверху стеклянным куполом поблескивало силовое поле. На поверхности имелось шесть углублений с мягкой черной обивкой; каждое было размером с человеческое тело, а там, где должны располагаться руки, торчали короткие рукояти.

– Похоже, кто-то ждал, что нас будет больше, – прошептала Ханна.

– Что это? – спросил Даэман.

– Думаю, это соньер... также называемый ПЛА, – тихо проговорил Харман.

– Что?! – спросил Даэман. – Что означают эти слова?

– Не знаю, – ответил Харман. – Но люди Потерянной Эпохи в таких летали.

Он тронул силовое поле; оно разошлось под пальцами, как ртуть, сомкнулось вокруг руки и поглотило запястье.

– Осторожнее! – крикнула Ада.

Однако Харман уже опустился сперва на колени, потом на живот и устроился в мягком черном углублении. Его голова и спина слегка возвышались над верхней поверхностью машины.

– Отлично, – сказал он. – Удобно. И тепло.

Остальных его слова успокоили. Ада первой заползла на аппарат, вытянулась и ухватила за рукояти:

– Они для управления, да?

– Понятия не имею, – ответил Харман.

Ханна и Даэман тоже вползли на машину и устроились во внешних углублениях; два центральных остались свободными.

– Ты знаешь, как ею управлять? – спросила Ада чуть более высоким, чем обычно, голосом. – Из книг? Из чтения?

Харман только мотнул головой.

– Тогда что мы здесь делаем? – спросила Ада.

– Экспериментируем.

Харман свинтил крышку с правой рукояти. Под ней обнаружилась единственная красная кнопка. Харман ее нажал.

Стена перед ними исчезла, словно ее сдуло в антарктическую ночь. Ледяной ветер со снегом закружил, слепя глаза, как будто из комнаты высосало весь воздух и на его место ворвался буран.

Харман открыл рот, собираясь крикнуть: «Держитесь крепче!», но не успел издать ни звука – соньер на немыслимой скорости вырвался из комнаты, прижимая их подошвы к металлу, и все отчаянно вцепились в рукояти.

Пузырь защитного поля над головами защищал их от ветра и смертельного холода, когда соньер, ПЛА, *эта штука* летела прочь от белого вулкана и обледенелых полуразрушенных строений на его обращенном к морю склоне. Линзы ночного видения явили взорам мертвый, обледенелый ельник вдоль побережья, заметенные снегом остатки каких-то машин у залива, а затем белое замерзшее море.

Соньер выровнялся на высоте примерно тысячи футов над замерзшим морем и полетел прочь от земли.

Харман ненадолго выпустил одну рукоять и активировал на ладони функцию поиска направления.

– Северо-восток, – сообщил он по связи между костюмами.

Никто не ответил. Все пытались совладать с жестокой тряской, цепляясь за рукояти; им было не до того, каким курсом они летят к смерти.

Кое о чем Харман умолчал. Если древние карты, которые он штудировал, не врут, в этом направлении на тысячи миль ничего нет. Ничего.

Через десять минут соньер начал снижаться. Они вылетели за край сплошного льда, теперь внизу была черная вода, усеянная айсбергами.

– Что случилось? – спросила Ада, злясь на дрожь в своем голосе. – У машины кончается энергия... топливо... на чем там она работает?

– Не знаю, – ответил Харман.

Соньер летел теперь в какой-то сотне футов над водой.

– Смотрите! – Ханна отпустила рукоять и указала вперед.

Внезапно из холодного моря вынырнула сморщенная спина чего-то огромного, живого, заросшего от древности ракушками; в линзах ночного зрения было видно исходящее от него животное тепло, пульсирующее, словно кровь. Взметнулся фонтан воды, и Харман сквозь силовое поле почувствовал в свежем воздухе запах рыбы.

– Что?.. – начал Даэман.

– Полагаю, это называется... кит, – сказал Харман. – Но я думал, они вымерли тысячелетия назад.

– Может быть, постлюди их вернули? – предположила Ада.

– Может.

Они летели все дальше в море, на северо-восток, не меняя высоты, и пассажиры немного успокоились, привыкая к новым обстоятельствам, как свойственно человеку спокон веков. Харман перевернулся на спину и смотрел на яркие звезды, проступавшие среди рваных облаков. Из задумчивости его вывел возглас Ады:

– Там, впереди!

Над темным горизонтом показался гигантский айсберг. Соньер мчался прямо на него. Машина уже пролетела над несколькими айсбергами или мимо них, но этот был несравнимо больше – он тянулся на многие мили, бело-голубой в линзах ночного зрения, – и значительно выше. Казалось, машина неизбежно врежется в эту ледяную стену.

– Мы можем что-нибудь сделать? – спросила Ада.

Харман мотнул головой. Он понятия не имел, с какой скоростью летит машина – самым быстрым транспортом в их жизни были запряженные войниками дрожки, – но понимал, что столкновение их убьет.

– У тебя есть еще что-нибудь на рукоятках? – неожиданно спокойно спросила Ханна.

– Нет, – ответил Харман.

– Можно прыгнуть, – сказал Даэман сзади и слева от Хармана.

Соньер слегка покачнулся: это Даэман встал на четвереньки, почти оперевшись головой в защитное поле.

– Нет, – сказал Харман приказным тоном. – В ледяной воде ты не протянешь и трех секунд – даже если переживешь падение. А ты его не переживешь. Ложись.

Даэман плюхнулся на живот.

Соньер не снижал скорости и не менял курс. Бело-голубая стена – Харман догадывался, что ширина айсберга по меньшей мере две мили, – неслась на них и росла. Харман предполагал, что айсберг торчит над водой по меньшей мере на триста футов. Они ударят в него на двух третях высоты.

– Мы ничего не можем сделать? – полуутвердительно проговорила Ада.

Харман снял капюшон и поглядел на нее. Под силовым пузырем было не так уж холодно.

– Кажется, нет. Прости.

Он правой рукой потянулся к ее левой. Ада сбросила капюшон, чтобы встретиться с ним глазами. На несколько мгновений их пальцы переплелись.

Когда до столкновения оставалось несколько сотен ярдов, соньер плавно сбросил скорость и начал набирать высоту. Он пронесся над вершиной айсберга с запасом футов десять,

сделал вираж вправо, еще замедлился, завис ненадолго и опустился на поверхность. Снег шипел под его нагретым брюхом.

С минуту все четверо молча лежали на своих местах, не выпуская рукояток.

Внезапно силовое поле исчезло, и ледяной ветер обжег лицо Хармана. Он торопливо натянул капюшон, глянув на Аду, которая сделала то же самое.

– Надо выбираться, пока эта штука не унесла нас куда-нибудь еще, – тихо сказала Ханна по общей связи.

Они вылезли из машины. Ветер чуть не сбил их с ног, немного утих и снова ударил. Поземка трепала одежду и капюшоны.

– Что теперь? – прошептала Ада.

Словно в ответ на ее слова впереди замигали два ряда инфракрасных маяков, очертив тропу футов десять шириной и ярдов сто длиной, ведущую от соньера... в никуда.

Они пошли, держась друг за друга, чтобы не упасть. Если бы не маячки, ярко сияющие в линзах ночного видения, они бы повернулись спиной к ветру, мгновенно потеряли направление и очень скоро шагнули бы с края айсберга справа от них.

Дорожка привела к дыре в поверхности айсберга. Высеченные во льду ступеньки уходили вниз, к далекому красному сиянию.

– Рискнем? – сказала Ханна.

– А что нам остается? – спросил Даэман.

Городская обувь скользила на ледяных ступенях, но к правой стене был пришпилен металлическими крючьями какой-то трос, и все четверо спускались, держась за него. Харман насчитал сорок ступеней, прежде чем лестница уперлась в ледяную стену. Нет, лестница не кончилась, а повернула вправо – пятьдесят ступеней на сей раз, – затем влево – еще пятьдесят ступеней. И все это время спуск освещали вмонтированные в лед инфракрасные маячки.

Лестница окончилась коридором, ведущим вглубь айсберга. Теперь его освещали не только алые, но и зеленые и голубые огни. Иногда коридор раздваивался, но всякий раз освещен был лишь один путь. Раз им пришлось одолевать пологий подъем, затем – долгий спуск. В лабиринте поворотов и развилок все скоро утратили чувство направления.

– Кто-то нас ждет, – шепнула Ханна.

– Я на это рассчитываю, – ответила Ада.

Они вышли в просторный зал, футов шестьдесят в самом широком месте. Ледяной потолок нависал футах в тридцати над головой, стены были изрезаны множеством входов, которые соединялись ледяными лестницами, пол имел несколько уровней. Обогреватели на подставках горели оранжевым, из стен, потолка и пола торчали разнообразные источники света. На невысокой платформе лежали подушки из чего-то, похожего на мохнатые звериные шкуры, рядом стоял низкий стол, заставленный блюдами с едой, кувшинами и кубками.

– Все хорошо, – раздался у них за спиной женский голос. – Еда не отравлена.

Она вышла из высокого ледяного проема и теперь спускалась к ним по зигзагу лестницы. Харман успел заметить, что волосы у нее седые – почти неслыханный оттенок, который выбрали только отъявленные сумасброды, – а лицо морщинистое, как и говорил Даэман. Никто из них – за исключением Даэмана на прошлом Горящем Человеке – не видел настолько старого лица. Даже девяносто девятилетнему Харману сделалось не по себе.

И все же, несмотря на возраст, она была довольно привлекательна и двигалась твердой походкой. На ней был обычный синий жакет, вельветовые брюки и прочные ботинки; на эксцентричность намекал лишь алый шелковый плащ какого-то сложного покроя, нигде не свисавший простыми складками. Когда женщина вступила на платформу в нескольких футах от них, Харман заметил у нее в руке темный металлический предмет.

Словно впервые заметив этот предмет, она направила его на гостей.

– Кто-нибудь знает, что это?

- Нет, – негромким хором откликнулись Даэман, Ада и Ханна.
- Да, – сказал Харман. – Это какое-то оружие Потерянной Эпохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.